

Г.Н.Муравьев



ТРОИЧНОСТЬ ВОКРУГ НАС

Герман Николаевич Муравьев

Троичность вокруг нас

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18904932

SelfPub; 2017

Аннотация

Автор книги – выпускник Ленинградской Военно-Морской инженерной академии шестидесятых годов. Интерес к эзотерическим литературным источникам, к которым автор относит в первую очередь Библию, возник более двадцати лет назад, ещё в годы воинской службы, продлившейся в общей сложности двадцать восемь лет. В настоящее время Г. Н. Муравьев живёт и работает в Вологде.

Герман Николаевич Муравьёв
ТРОИЧНОСТЬ ВОКРУГ НАС

© Г. Н. Муравьёв, 2015.

© Л. А. Бубынин, оформление обложки, 2015.

Автор книги – выпускник Ленинградской Военно-Морской инженерной академии шестидесятых годов. Интерес к эзотерическим литературным источникам, к которым автор относит в первую очередь Библию, возник более двадцати лет назад, ещё в годы воинской службы, продлившейся в общей сложности двадцать восемь лет. В настоящее время Г. Н. Муравьёв живёт и работает в Вологде.

ВМЕ СТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Желание написать эту работу пришло сравнительно давно, но решение приступить к ней непосредственно вызревало долго и мучительно. Ещё не написав ни строчки, я уже устал от участия в одном и том же диалоге с... самим собой:

- А стоит ли писать вообще какие-либо строчки, т.е. что-то предлагать человеку?
- Думаешь, это будет не очень интересным для него?
- Трудно сказать: ведь у твоего потенциального читателя в той или иной степени уже сформировано своё видение мира,

как бы набросан свой рисунок действительности.

– Да, но «мы рисуем как видим, а видим как знаем» [1], с. 6.

– Не слишком скромно, если учесть, что по теме, затрагиваемой тобой, существует достаточное количество доходчивых, всесторонне исчерпывающих работ именитых авторов. И ты это знаешь. Так что оставь свою затею и живи спокойно.

– Право на свою (обоснованную, конечно) точку зрения имеет каждый человек. Предполагаемая работа – это размышления об *очевидном* – как в Библии, так и вокруг нас. А если точнее, то о нас внутри этого «вокруг».

– А потянешь ли? Не растворишься в вариантах?

– Не знаю... Надо пробовать, но что-то мешает.

Наконец, изнурительный диалог двух моих «Я» был прерван самым неожиданным образом: в полусне ранних предутренних часов одного из декабрьских дней вдруг кто-то произнёс решительным шёпотом: «Пиши!» Проснувшись, я, естественно, не мог понять, кому принадлежал этот голос, кто этот невидимка, взявший на себя роль третейского судьи в противостоянии двух моих «Я». И только значительно позже я понял, что это было *моё третье* «Я», молчавшее до сих пор: видимо, этому «судье» требовалось какое-то время для подготовки к вынесению решения.

По-моему, довольно расхожее мнение, что в человеке в целом уживаются две сущности, два человека – верно лишь

отчасти: человек, по сути, троичен, а точнее – триедин. И если раньше я воспринимал это умозрительно, то в результате ночных бдений ощутил триаду почти зримо.

Откровение приходит к человеку, когда он *подготовлен* к подобной встрече, ждёт и желает её, не осмысливая подчас этого желания. Никакое озарение и прочувствование не придут к человеку, не настроенному на приём «волны откровения». Христос провозглашает своим ученикам: «...кто имеет, тому дано будет и приумножится, те кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому и говорю им (простому народу. – Г.М.) притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют» (Мф. 13, 12–13). В силу неподготовленности народной аудитории к приёму Слова о Царствии напрямую, Христос вынужден прибегать к притчам, т.е. иносказаниям, общеизвестным понятиям, доходчивым для народа аналогиям и т.д.

В Ветхом Завете (Дан. 12, 4, 9) есть интересный сюжет: «...некто похожий по виду на сынов человеческих» (расплывчатое олицетворение Высших сил) говорит пророку Даниилу, приготовившемуся записывать слова Истины с целью сделать их достоянием всего народа: «А ты, Даниил, сокрой слова сии и запечатай книгу сию до последнего времени, многие прочитают её, и умножится ведение». Свиток Даниила с зашифрованным в нём знанием, т.е. сокрытым ведением разворачивается постепенно, по мере появления подготовленного в «последнее время» читателя.

Мысль об адресном озарении, прозрении (назовите, как угодно) находим и на страницах книг современных авторов: «Диагностика кармы» (С. Лазарев), «Исповедимый путь» (А. Мартынов) и др. Направленность откровения определяется единственным критерием – готовностью человека к подобной встрече.

Проблема готовности принимающего, по мысли Е.И. Рерих, всегда стояла остро. Более того, она первична по отношению к проблеме дающего. «Когда ученик готов, Учитель найдётся!» – утверждает восточная мудрость. Конечно, путь к этой готовности «и далёк, и долог», но тот же мудрый Восток подчёркивает важность начала процесса: «Даже самая длинная дорога начинается с первого шага». Но каков этот первый шаг?

Ещё Пушкин с горечью констатировал: «Мы ленивы и нелюбопытны...» Так вот, преодоление в себе этих двух не таких уж редких качеств и есть начало длительного, подчас трудного, но всегда интересного и благодарного пути общения к духовным знаниям. Надеюсь, читатель понимает, что в данном случае речь идёт о преодолении специфической лени и пробуждении специфического любопытства – любопытства к тому, что *выходит* за рамки заурядного быта и чисто биологических потребностей. Это любопытство превратится со временем в любознательность, т.е. перейдёт на более высокую ступень. Если слово «любопытство» Словарь русского языка (С. Ожегов) толкует только как «...про-

явление интереса к чему-нибудь», то «любопытность» – уже как «склонность к приобретению новых знаний, пытливость» [4].

Но дело не в терминах и определениях, а в сути – желании и внимательности. Именно эти качества и являются условиями, необходимыми и достаточными для *целенаправленного* поиска. В противном случае действие будет разворачиваться по принципу, заложенному в русских народных сказках: «Пойди туда – не знаю куда, и принеси то, не знаю что». Так куда же мы пойдём? Да никуда! Ибо всё уже само пришло к нам: наша повседневная действительность.

Произведём же круговой обзор её «начинки» (повседневных ситуаций, явлений, природных и рукотворных объектов, людских взаимоотношений и т.д.), вооружившись желанием и внимательностью, с целью выявить во всём этом *троичность* (триединство, трёхплановость, трёхмерность и т.д.). Вскоре мы убедимся, что она видна «невооружённым глазом», что ОНА –ВОКРУГ НАС и МЫ – В НЕЙ!

Но вот самые-то обычные, вполне очевидные и простые сущности человек осваивает труднее всего именно в силу их доступности. Он или не замечает, или игнорирует их, забывая, что очевидное вполне может быть невероятным. (Замечали, как бывает разочарован и раздражён больной, ожидавший от врача чудодейственных таблеток и инъекций, а получивший вместо этого самые *заурядные*, на первый взгляд, рекомендации относительно режима дня, образа жизни, отказа

от вредных привычек и т.д. Хотя именно в этих рекомендациях сокрыто чудо исцеления.) По мнению Оскара Уайльда, «подлинная тайна жизни заключена в зримом, а не в сокровенном», но «зреть» (смотреть) отнюдь не то же самое, что «узреть» (усмотреть, увидеть).

Отправляя в народ с соответствующей миссией пророка Исайю, Господь Саваоф напутствует последнего: «Пойди и скажи этому народу: слухом услышите – и не уразумеете, и очами смотреть будете и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Ис. 6, 9–10). Почти 800 лет спустя, Христос приводит в одной из своих проповедей этот же фрагмент как доказательство исполнения ветхозаветного пророчества над Его современниками (Мф. 13,14–15). Сейчас, спустя еще 2000 лет, дефицит Человечности достиг такого уровня, что невольно задаёшься вопросом: «А не к нам ли обращены гневные слова пророка Исайи?»

Обращает на себя внимание, что наряду с обличением народа в огрубелости сердца и душевной глухоте, Бог одновременно предлагает людям и метод исцеления от этих недугов – *обращение к Духовному началу*. Рецепт вполне доступен и в силу этого, естественно, непопулярен в народе, что и вызывает возмущение Творца. Метод исцеления, предлагаемый Богом, весьма эффективен, но только при соблюдении сле-

дующего условия: человеческое желание *исцелиться* должно быть не ниже божественного желания *исцелить*. Проблема та же – человек не готов принять Бога... Однако, вернёмся к троичности.

«Ну, хорошо, – скажет читатель, – увидели, выявили... А дальше? Что *практически* даёт нам обнаружение этой самой троичности в окружающей нас реальности?» Естественный вопрос в духе европейского менталитета, характерная черта которого – найти прежде всего «полезность», прикладное применение любого едва открывшегося знания. Не разделяя эту точку зрения, считаю, что знание *вообще* – бесполезным, «чистым» (знанием – для знания) не бывает: с течением времени и сменой обстоятельств оно созревает до прикладной кондиции. Но форсирование этого процесса, попытки «что-то» выжать из сырого знания – весьма пагубны как для развития самого знания, так и для практики его применения.

Повседневная жизнь человека «от подъёма до отбоя» складывается из больших и малых дилемм. Он постоянно находится в ситуации выбора, окончательный результат которого есть решение нашего внутреннего судьи, третьего «Я». (В такой форме человек реализует дарованную Богом, и Богом же ограниченную, свободу воли.) Часть этих дилемм решается как бы автоматически, бессознательно; в других случаях – решение подобной проблемы состоялось ранее, и человек в настоящем пользуется трафаретом, наработанным в прошлом. Но такое бывает далеко не всегда: жизнь вносит

свои коррективы, и нам приходится решать новые, непривычные проблемы. Иногда – долго и мучительно, а подчас – подозрительно быстро и легко. Часто решение, вроде бы уже принятое, не удовлетворяет нас, вызывая сомнение и какой-то душевный дискомфорт. Подобная неуверенность возникает, если отсутствует или недостаточно чётко сформирована в сознании и сердце троичная по своей природе ШКАЛА ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ (материальных, нравственных, духовных) – позвоночный столб человеческой жизни.

Цель данной работы – в какой-то степени помочь читателю понять троичность собственной организации и увидеть троичную структуру некоторых объектов, аспектов и ситуаций, заполняющих нашу жизнь, т.е. троичность вокруг нас. Однако вначале необходимо рассмотреть смежную тему, обратясь к библейским текстам, в которых троичность пребывает и сокровенно, и достаточно очевидно.

БИБЛЕЙСКИЕ ИСТОКИ

(смежная тема № 1)

Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целостности да сохранится без порока...

(1Фес.5,23).

Исследуйте писание...

(Ин. 5, 39)

Каждый, внимательно читающий Библию (а она рассчитана именно на такое прочтение), вероятно, обратит внимание на общность и разницу в способах создания Богом «души живой», предназначенной человеку и остальным тварям земным, т.е. животному миру.

Если тела человека и животного Бог образует из одного и того же материала, т.е. праха земного (Быт 2, 7, 19), и, видимо, одним и тем же способом, то их души Он формирует различными методами, что вполне очевидно.

Души животных по слову Божьему производят стихии (земля, вода), коим соответствуют данные виды тварей: «И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую...» (Быт 1, 20). «И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так» (Быт. 1, 24).

Душа же человека создаётся Богом *лично* как продукт оплодотворения праха земного божественным «дыханием жизни», которое, конечно, не воздух: последнее человек мог бы получить (и получил), как все «звери земные по роду их». Но тогда – что же?

Сравним два библейских фрагмента, связанных с сотворением человека. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над... И сотворил Бог человека по образу Своему, образу Бо-

жию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1, 26–27). Однако, в Быт. 2, 7; 2–22 приведена иная версия, в соответствии с которой мужчина и женщина создаются Богом одновременно: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни и стал человек душою живою... И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку».

При всех различиях этих версий (в силу того, что Ветхий Завет «питается» от двух источников – «Яхвиста» и «Жреческого кодекса») сближает их то, что в обоих Бог занимается творением человека *лично*. Более того – Творец создаёт его по образу Своему. Следовательно, человек является носителем образа Бога. В чём же это проявилось? «Этот образ отразился главным образом в троичности (триединстве) человека и его природы. Человек есть «дух, душа, тело» (1 Фес. 5, 23). «Дух» в человеке – это та часть, которая «знает» (1 Кор. 2, 11), которая связывает его с духовным миром и даёт ему сознание Бога-Творца» [33], с. 12.

Иными словами, человеческая триада «дух, душа, тело» и есть изначальный образ троичного Бога, «и троичность эта состоит в том, что в Боге три лица или ипостаси: Отец, Сын и Святой Дух» [20], с. 2185.

Но триада человека не есть изолированное, схематичное отражение структуры божественной троицы. «Образ» является собой жизнеспособную, более того – одухотворённую модель Оригинала, ибо «дыхание жизни», ддуваемое Богом в

лице человека, есть Дух Святой. «Иисус же сказал им (ученикам. – Г.М.) вторично... Сказав это, дунул и говорит им: примите Духа Святого» (Ин. 20, 21–22).

Человек – «переносчик» Духа Святого

Импульс энергии Духа Святого (искра Божья), воспринимаемый человеком – животным при зачатии, делает последнего – Человеком. Дух в человеке, следовательно, есть его бессмертная составляющая.

Души животных, произведённые стихиями по воле Божьей, представляют собой *оживлённую* материю, живущую по законам биологической жизни – инстинктам, которые, естественно, присущи и человеку.

Душа же человека есть не только оживлённая, но и *одухотворённая* Богом материя, включающая в себя «человекообразующий» бессмертный компонент. Итак, Духом человек соединён с Богом, инстинктами же приобщён к животному миру. Но изолированы ли животные, которых «произвела вода и земля по роду их», от Бога? Или же есть устойчивая связь твари с Творцом?

В книге Бытие (2, 19–20) есть сюжет, который необходимо привести дословно: «Господь образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привёл их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек че-

ловек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым. . . »

Да ведь это же процесс передачи (в символической форме, конечно) «части», «доли» Духа Святого, полученного человеком от Бога, тварному миру! Следовательно, имя по сути своей свято, независимо от того – присвоено ли оно человеку, животному, предмету или явлению. Из жизни земной уходит личность, индивид, экземпляр, но данный, именованный вид тварного мира, как таковой, продолжает жить. Следовательно, имя – бессмертно. Оно бессмертно, поскольку является фонетическим кодом, словесным воплощением божественной ипостаси – Духа Святого. Оно даётся не случайно, хотя внешне это выглядит иногда как совершенно произвольная акция. Имя отражает внутреннюю сущность всего именуемого. В приведённом выше фрагменте Бытия человек присваивает имя животным под личным контролем Господа Бога. Имя же высшему творению Своему – «человек» Бог даёт Сам в обеих версиях сотворения мира. «На еврейском языке слово «земля» («адама») грамматически есть женский род от слова «человек» («адам»)» [25], с. 15.

Таким образом, «Адам» – не просто «человек», а *земной* человек. Это говорит не только о сотворении его из праха земного, не только о том, что он после смерти возвратится в прах земной (Быт. 3, 19), но об основной функции человека: возделывать землю, обладать землёю и владычествовать над всем тварным миром на этой земле (Быт. 1, 28; 2, 5).

Следовательно, на человека возложена миссия посредника между Творцом и творением. В силу своего срединного положения между миром животным и миром ангельским, человек является не только носителем Духа Святого, но и переносчиком Его на остальной видимый мир, ибо всё, сотворённое Богом, имеет наименование (имя), данное человеком.

Итак, именно человек делает каждый элемент многообразного мира – троичным. «Цементирующая» ипостась – Дух Святой – сводит в конечном счёте эти «единичные» троичности в цельную триединую, а точнее – трижды троичную систему: Бог, человек, природа.

Библия и оккультизм о троичности мира и человека.

Сравнение версий

Распределение ипостасей троичности, их соотношение в различных объектах божественного творения различно.

Известный исследователь оккультных наук, автор популярной книги «Магия и оккультизм» С. Тухолка пишет: «Существует три мира или плана: духовный, астральный и материальный» [2], с. 41.

Далее, по мысли автора, идеи, принципы (т.е. замыслы), оставляющие мир духовный, создают себе из энергии астрального плана соответствующие энергетические оболочки

будущих физических тел, т.е. астральные тела, а последние в свою очередь формируют из материи физические тела, и «с этого момента проявляется физическое существо. И дух, и астросом обладают пластической или формирующей способностью» [2], с. 41. Благодаря этой способности физические тела получают форму, соответствующую изначальному принципу.

«Таким образом, все люди, животные, растения и даже минералы заключают в себе и астросом, и частицу или монаду духа. Заметим, что даже в минерале есть зачаточный инстинкт...» – делает вывод автор [2], с. 41–43.

Не станем углубляться в данную гипотезу, сравним лишь схему реализации сущностей по С. Тухолке с последовательностью божественных деяний в течение шести дней творения (Быт. 1–2).

Библейский вариант в целом совпадает с вышеприведённой гипотезой: божественный промысел (идея) посредством формирующей энергии божественного же Слова воплощается в физические сущности. Принцип: «И сказал Бог – и стало так лежит в основе божественного творчества». Бог творит Словом: «Все чрез Него начало быть» (Ин. 1, 3).

Как следует из Библии (Быт. 1, 3), в первый день Бог сотворил свет. Конечно, это не физический свет, ибо светила «меньшее» и «большее» были сотворены только на четвёртый день. Так о каком же свете идёт речь? О свете астральном. Об энергии, посредством которой божественные идеи

будут в последующие дни творения воплощены в материю, а последняя станет «душою живою».

Этой животворящей энергией, потенциал которой человек и представить себе не может, насыщается, пронизывается и наполняется всё бесконечное пространство Мироздания. Энергия Слова оплодотворяет всевышнюю идею и в конечном счёте созидает жизнь: «В нем была жизнь и жизнь была свет человеков; и свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1, 4–5).

Все дальнейшие акты божественного творения, по сути, сводятся к фокусированию астральной энергии на воплощении очередной идеи Бога. При этом божественное Слово является направляющим, ориентирующим фактором. Налицо – процесс управления большими созидающими энергиями посредством божественного Слова, отражающего в свою очередь божественную мысль.

Однако от макрокосма вновь обратимся к микрокосму, человеку. Откроем ещё раз вышеупомянутую книгу С. Тухолки. В разделе «Три мира и эволюция» приведена схема прогрессивной эволюции природы. (Ниже помещён графически упрощённый вариант этой схемы.)

План духо

План астра

План мате

Как видим, три вертикали – символы трёх «главных царств земли»: минерального, растительного и животного, пронизывают горизонтальные полосы – символы трёх миров:

духовного, астрального и физического *только* до определенного уровня, соответствующего условно степени эволюции того или иного царства. И только вертикаль «человек» пронизывает все планы, упираясь остриём в «потолок» верхнего (духовного) плана.

Автор книги комментирует последнюю «диаграмму возрастания» следующим образом: «человек, как мы видим, эволюирует в духовном плане, но несомненно, что за первым духовным планом следуют другие, ещё более духовные, в которые человек и должен подняться, постоянно совершенствуясь». И далее: «При этом принцип (идея. – Г.М.) каждого царства проникает в область следующего высшего царства. Т.к. согласно оккультизму, закон аналогии проникает всю природу, то и в человеке мы находим три главных элемента, соответствующие трём мирам, а именно элементы: духовный, астральный, материальный.

– К первому принадлежит чистый дух, высшие духовные понятия и побуждения.

– Ко второму – разум, чувство, желание.

– К третьему – физические тела» [2], с. 41–45.

Итак, налицо: три плана в структуре макрокосма (духовный, астральный, материальный) и три аналогичных им главных элемента в структуре микрокосма (человека). Последний «сцеплен» в свою очередь с тремя главными царствами физической природы Земли (минеральным, растительным, животным).

(Правда, оккультизм подразделяет каждый из планов в триаде человека ещё на три подплана, образуя своего рода лестницу эволюции личности. Но эту, более тонкую градацию оставим за рамками данной работы: при желании читатель найдёт по этой теме необходимую литературу.)

Таковы в общих чертах оккультные представления о троичности мира и человека.

Библейский вариант, как было сказано выше, в принципе не противоречит оккультному, разница лишь в названиях, терминах, а иногда – в замене их соответствующими описаниями действий или объектов.

Например, в Библии нет названий царств физической природы, но сами царства фактически есть: «минеральное» – земная твердь (Быт. 1, 6–7); «растительное» – травы и деревья (Быт. 1, 11–12); «животное» – рыбы, птицы, земноводные, «звери земные» (Быт. 1, 24–25).

В христианском видении мироздание по своей структуре также троично: мир божественный (ангельский) и мир природы соединяются посредством мира человеческого. Трёхипостасен в новозаветной традиции и сам Бог – Творец этих миров.

Что касается человека, то он также сотворён троичным, точнее – триединым: «во всей полноте, во всей целости духа, души и тела» (I Фес. 5, 23).

«Каббала, или западное эзотерическое учение,... признаёт в человеке:

– духовный план – дух,

– астральный план – душа,

– материальный план – физическое тело» [2], с. 46, т.е.

фактически ставит знак равенства между названиями сущностей, составляющих триаду человека, в оккультной и христианской традициях.

Я преднамеренно сравниваю версии двух непримиримых в идеологическом плане противников – христианства и оккультизма. (Кстати, в этом противостоянии христианство более активно проявляет внутреннюю и внешнюю неприязнь к оккультному инакомыслию: чтобы в этом убедиться, достаточно прочитать книгу православного священнослужителя А. Кураева «Оккультизм в православии» [5].) Как видим, библейская и оккультная версии относительно структуры тварного мира, в том числе и человека, в *принципе* совпадают. Триаду, троичность человека в троичном мире признают и Новый завет, и оккультные источники.

Дух Святой – средство общения миров

Единение троичностей макро– и микрокосма приводит не к растворению меньшего в большем, не к поглощению человека окружающим миром, а к своего рода сцеплению триад, соединению их аналогичных ипостасей тонкими невидимы-

ми связями.

В результате микрокосм (человек) занимает свою органическую нишу в системе макрокосма, составляя с ним гармоничное целое, наследуя его признаки, подчиняясь общим законам мироздания. Это вполне соответствует постулату гностиков: что в большом – то и в малом, что снаружи – то и внутри, что вверху – то и внизу.

Гармоничное единение мира человеческого с миром божественным, аналогию «низа» и «верха» Библия отражает непосредственно (Быт. 1, 26–27), только в иной словесной форме, нежели гностики.

Но наряду с этой космической общностью, у человека (в собирательном смысле, конечно) есть и свои специфические, только ему присущие функции и соответствующие им задачи, что отличает его от других творений Бога.

Эта специфика естественным образом вытекает опять же... из общности, из уподобления человека образу Бога. Соответствовать «образу и подобию Божию» и есть, в сущности, обобщённая программа человеческого бытия, своего рода космическое домашнее задание человеку. («Классные» же занятия с человеком Бог терпеливо проводит, например, на горе Синайской, доводя до Моисея развёрнутые наставления, зафиксированные в библейском Пятикнижии. В Новом Завете уроки высокой нравственности даёт Сын Божий: Нагорная проповедь, беседы с апостолами и фарисеями – яркие тому примеры.)

Но, ставя перед человеком главную задачу – быть воплощённой моделью Бога на Земле, нести в себе Его образ и подобие, Всевышний обеспечил ему и *возможность* выполнения этой вселенской задачи. Он дал человеку (помимо «дыхания жизни») универсальный язык общения как с миром божественным, так и с миром тварным. Без него невозможно было бы человеку выполнить роль посредника, среднего звена между этими мирами. Таким языком является опять же Дух Святой, полученный человеком непосредственно из божественных уст и трансформировавшийся в «дух человеческий, живущий в нем» (1 Кор. 2, 11). Благодаря этому бессмертному духу человек чувствует, думает, стремится и, по словам «отца протестантизма» М. Лютера, в состоянии объять невидимое и вечное. Благодаря Духу Святому происходит постоянный энергоинформационный обмен между божественной троицей и человеческой триадой.

«Дух дышит где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь откуда приходит и куда уходит». Именно голос, т.е. язык слышен в Духе Святом. Но уразуметь это способен далеко не любой и каждый: «так бывает со всяким, рожденным от Духа», – поясняет Христос фарисею Никодиму (Ин. 3, 8).

В день Пятидесятницы собравшиеся вместе апостолы «исполнились Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им просвещать. Собрался народ и пришел в смятение: ибо каждый слышал их говорящих его наречием» (Деян. 2, 4–12). Итак, каждый слышал «собственное

наречие, в котором родились», несмотря на то, что апостол проповедовал на каком-то одном языке по наущению Духа Святого.

Этот фрагмент ярко и образно раскрывает уникальное свойство Духа Святого – быть языком, единым для мира горнего и мира дольного, ибо каждый из свидетелей этих новозаветных чудес не просто слышал «что-то», но слышал «говорящих о великих делах Божиих».

Творческая деятельность человека – главный критерий богоподобия

Вернёмся к вопросу о нише, занимаемой человеком в троичной системе Бог – Человек – Природа.

С одной стороны – принадлежность человека к животному миру. Она очевидна (временами – даже более чем!). Инстинкты прочно привязывают человека к исполнению поведенческого комплекса, диктуемого самосохранением – индивидуальным и видовым.

С другой стороны – человек, изначально унаследовав образ Бога, в дальнейшем обрёл и Его подобие, вкусив от древа познания добра и зла. «Образ» выразился в троичности природы человека. А в чём же проявилось «подобие»? В каких признаках? Во внешнем, «портретном» сходстве? Нет, конечно, ибо «Бога никто никогда не видел» (I Ин. 4, 12). Тогда в чём же? Естественно, в каких-то сокрытых критериях.

Всякого рода версий по этому поводу было выдано немало: от сходных до полярно противоположных. Мне лично ближе версия *сотворчества* человека с Богом, каждый из которых созидает, естественно, на уровне, соответствующем его «статусу».

Понятие «сотворчество» в широком смысле подразумевает работу на *общую идею*, где каждый из участников этого согласованного творческого процесса занимает свою нишу, отрабатывает задачи своего уровня под эгидой генерального автора идеи. «Человек увлекает за собой природу в своей эволюции, Богочеловек увлекает за Собой человечество в своём восхождении к Божественному миру, к которому в конце концов всё стремится и в чём может осуществить свой смысл» [27], с. 133.

Бога и человека связывает идея *эволюции*, и в осуществлении этой идеи они являются сотворцами. Реализуется же идея эта в форме божественного, грандиозно разворачивающегося во времени и пространстве *эксперимента*, в котором главным действующим лицом является человек.

В мир, функционирующий по биологическим законам и управляемый только инстинктами, Бог внедряет существо (человека), обладающее одновременно как инстинктами, так и механизмом управления этими инстинктами. Таким образом, наряду с творениями Бога, воспринимаемыми средой обитания только животным началом, на земле появляется существо, воспринимающее окружающий мир *троично*:

биологически, эмоционально и разумом. Человек, модель Творца, размещается в неразумном мире для того, чтобы «возделывать землю, из которой он взят» (Быт. 3, 23). Иными словами, он должен творчески воздействовать на окружающий мир, совершенствуя его всюю своею триадою. Но Бог не знает результатов этого воздействия, ибо Он не ведаёт, *как вообще* поведёт себя Человек в земных условиях. (Похоже, что уже в эдемских условиях человек доставил Творцу немало хлопот именно своей непредсказуемостью. В «Смежной теме № 2» этот вопрос и божественный «План перемещения человека из Эдема на землю» будут рассмотрены детальнее.) Но главное – Богу неизвестен характер *взаимодействия* биологического и духовного начал, вживлённых Им в человека. Следовательно, от Него сокрыты и возможные тенденции к изменениям человеческого бытия и сознания: или эволюции к высшим идеалам, или сползанию к животному миру. *Всё это* Творец и стремится постичь в результате длительного эксперимента, наблюдая за поведением Своего «образа и подобия» (человечества в целом) в многообразных земных условиях. Результаты наблюдений будут введены в базу данных «божественного компьютера»; обобщённая информация поступит в «копилку Мирового Разума». Таким образом, человек нужен Богу в не меньшей степени, чем Бог – человеку.

Я вполне отдаю себе отчёт в том, что приложение к всемогущему и всеведущему Богу понятия «эксперимент», суть которого сводится к познанию неведомого, на первый взгляд представляется кощунственным. Более того, предвижу, что глубоко религиозные люди узрят в слове «эксперимент» оскорбление святыни: издевательство над якобы всеведущим Творцом, отрицание Его провидческих способностей и т.д. Они возмутятся и ролью якобы подопытных кроликов, отводимой им в этом эксперименте. В общем, обвинений в мой адрес будет, видимо, вполне достаточно. Что можно ответить на эти предполагаемые упрёки?

Мне совершенно непонятно, почему самолюбие иных верующих должна шокировать их *творческая* роль в *божественном* эксперименте, в то время как их самолюбие совершенно не страдает от неизбежного исполнения роли *лабораторного животного* в унижительных опытах *людей* (например, экономические, социальные, культурные и др. «новации» перестроечного и постперестроечного времени). Видимо, потому, что эти издевательства либо просто не замечаются, т.к. их умело камуфлируют под общенародное благо, либо они воспринимаются как неизбежность, с безысходной покорностью, что вполне оправдано и даже предписано заповедями апостолов Петра и Павла. «Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа...» (I Пет. 2, 13). «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога уста-

новлены» (Рим. 13, 1).

Упрёки же в недооценке божественных возможностей, мягко говоря, несостоятельны: речь ведь идёт о совершенно *очевидном*, о том, что знания Бога о человеке, Им же созданном, далеко не безграничны. *Бог – всемогущ, но не всеведущ*. Достаточно сравнить между собой фрагменты Быт. 1, 31 и Быт. 6, 6–7, чтобы убедиться, судя по высказываниям Самого же Творца, в полной непредсказуемости для Него поведения человека. Если в конце шестого дня Творения «увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма», то спустя определённое время (через три библейских главы), «сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человеков до скотов, и гадов и птиц небесных; ибо Я раскаялся, что сотворил их». (Как видим, несовершенным, с божественной точки зрения, оказался не только человек, но и весь сотворённый Богом мир.) *Раскаяться* в своём неведении может несовершенный человек, но совершенный (всеведущий и всезнающий) Бог – это уж слишком!

Если в качестве главного критерия «подобия» принять способность человека к творческой деятельности, то неизбежно следует признать у человека-творца и наличие *свободы воли* (свободы принятия решения и воплощения его в действие) – условия, без которого никакой творческий акт просто невозможен. Это качество Бог передаёт человеку с дыханием жизни.

Свобода воли – это духовная зона, которую Бог создал

сугубо для человека. В неё не вхож даже Сам Создатель. Полновластным хозяином в этой зоне является только человек, перед которым Бог ставит те или иные задачи, но не знает заведомо решения, которое человек примет. При этом в оценке действий человека и Своей реакции на человеческие поступки Бог абсолютно свободен. Он может даже уничтожить Своё творение (Быт. 6, 7), но не может сделать его иным, ибо «помышление сердца человеческого – зло от юности его» (Быт. 8, 21). Потому и зло, что эти помышления и поступки, рождённые ими, непредсказуемы, ибо возникли в зоне, «непрозрачной» для Бога.

Конечно, свобода воли Бога соотносится со свободой воли человека, полученной им от Бога, в той же пропорции, что и масштабы творческих задач, решаемых ими. И если масштабы творческой деятельности Бога не ограничены в пространстве: «Се, творю все новое» (Отк. 21, 5) и во времени: «Отец Мой доньше делает, и Я делаю» (Ин. 5, 17), то размах творчества человека лимитирован «обрабатываемой» им гранью эволюции. Но в пределах этой грани Бог замыслил человека не роботом с заложенной в него программой и пусковой кнопкой, а существом самостоятельным, свободным и тричным во «всей полноте и целости». В противном случае человек бы «не был образом и подобием Творца, он был бы игрушкой Творца» [36], с. 10.

Экзамен у древа познания. Торжество духовного нача-

В Библии творческое сотрудничество Бога с человеком начинается уже в Эдемском саду, куда Он помещает его, чтобы этот сад возделывать и хранить (Быт. 2, 8, 5). Ясно, что речь идёт о большем, чем уход за деревьями и цветами. Одним из призваний человека является установление и поддержание гармоничных взаимоотношений между всеми земными царствами природы: минеральным, растительным, животным. Эдемский сад (рай) предстаёт в качестве своеобразного полигона (с облегчёнными условиями обучения), где человек, взаимодействуя с Богом, совершенствуется и окружающий мир, и свои с ним взаимоотношения. Эта практика потребует человека сразу же, как только он сменит благословенный Богом рай на проклятую Богом же землю. Но, совершенствуясь всё вокруг себя, человек в первую очередь должен совершенствоваться сам, стремясь приблизить «образ и подобие» к Оригину. Готов ли человек к самостоятельному продвижению по спирали эволюции? «Бог, который изображается вовсе не всевидящим и всезнающим, а строгим, но справедливым судьёй» [29], с. 162, не знает ответа. Он устраивает человеку экзамен у древа познания добра и зла, чтобы видеть, как тот распорядится дарованной ему свободой воли.

Человек должен продемонстрировать Творцу способность к принятию самостоятельного устойчивого решения в нелёгкой ситуации выбора. Эту ситуацию, как следует из Библии,

создаёт триада «Бог – человек – змей», в которой:

– Бог изначально триедин (Бог-отец есть Творец всего существующего через Бога-Сына оживотворяющей силой Бога – Духа Святого);

– человек, созданный по образу Бога, наследственно триедин (дух, душа, тело) «во всей полноте и целости»;

– змей – сущность, относительно которой в [29], с. 162 говорится: «В христианской традиции прочно утвердилось отождествление змея с дьяволом, сатаной, принявшим лишь обличье змея». Если принять эту версию, то змей становится антиподом Бога – сущностью, пребывающей в противостоянии Творцу. Триединство её проявляется в крайне уродливой форме: ипостась духа сориентирована «наоборот» («Я отрицаю всё – и в этом суть моя», – декларирует Мефистофель своё кредо); душа деформирована эгоцентризмом; возможности тела гипертрофированы, оно может принимать вид змеи, дракона, и даже Ангела света (2 кор. II, 13–14). (В смежной теме № 2 будет рассмотрена иная версия относительно роли змея-сатаны вообще и его «соблазняющего монолога», обращённого к Еве, в частности. В этой связи я настоятельно рекомендую читателю, не знакомому с библейской книгой Иова, внимательно прочитать хотя бы её первые главы.)

Как видим, каждое звено Эдемской триады имеет, в свою очередь, три ипостаси, что делает её *трижды троичной*, т.е. триадой из троичностей. Так что «райская жизнь» довольно

сложна по своей структуре.

В сцене у древа познания Ева оказалась в ситуации выбора между божественным запретом (Быт. 2, 16–17) и дьявольским соблазном (Быт. 3, 2–6). Триада человека оказалась «плотно зажатой» между триадами Бога и змея-сатаны. Принятие Евой решения под воздействием двух полярно противоположных аргументаций и последующее воплощение его в поступок – и есть экзамен на зрелость свободы воли, результаты которого нам известны из Быт. 3, 6. Само же древо познания добра и зла становится *символом троичности рая*, где одновременно пребывают силы добра, силы зла (даже в раю!) и нейтральный объект – человек, на которого эти силы воздействуют.

В данном библейском сюжете Ева предстает ПРАМАТЕРЬЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОСТУПКА. Именно поступка! Не рефлекторного действия в силу инстинкта или наработок, а действия осознанного, мотивированного. Она демонстрирует *впервые* в истории (библейской, по крайней мере) действие свободы воли, данной человеку Богом. Ева является третьей судьёй в первом библейском поединке Бога и его антипода. Именно её решение определило дальнейшую судьбу человечества. Честь и хвала ей, «матери всех живущих» (Быт. 3, 20), в которой духовное начало одержало убедительную победу над животным инстинктом – страхом пе-

ред физической смертью. (Главный довод – «потому что даёт знание» – сформулирован в Быт. 3, 6.) Поступок Евы знаменует *обретение* человеком, обладавшим до тех пор только образом Бога, Его *подобия*.

Итак, человек приходит на «землю, из которой он взят», как образ и подобие Творца, как *полноценный участник* божественного эксперимента.

ТРОИЧНОСТЬ ВОКРУГ НАС

В физической природе мы находим три главных мира и царства...

В каждом царстве снова имеются три элемента, соответствующие их планам...

Так как закон аналогии проникает всю природу, то и в человеке мы находим три главных элемента, соответствующих трём мирам...

С. Тухолка

Человек по воле Бога пришёл из Эдема в мир сей не с пустыми руками: в его «багаже» среди ценностей, обретенных им в раю, есть свобода воли, знание добра и зла. Он сохра-

нил троичную организацию и связь с Богом (через ипостась Духа). Иными словами, человек сохранил образ и подобие Творца. Следовательно, его сотворчество с Богом продолжается и в новых условиях. Более того, условия существования человека на неприспособленной земле способствуют активизации его творческого начала. Если комфортные условия жизни в Эдеме были обеспечены человеку Богом (Быт. 2, 8, 9), то на суровой земле, способной только произрастить «тернии и волчцы», человеку приходится всё начинать с нуля. Поле деятельности огромно, точек приложения творческих способностей более чем достаточно.

Троичное восприятие троичного мира

Прежде, чем что-то сотворить в новом для себя мире, человек должен был как минимум выполнить три условия. Во-первых, познать характер и закономерности этого мира. Во-вторых, осознать (взвесить) свои возможности и соотнести их с потребностями (целью). В-третьих, выработать конкретные практические решения по сотворению (совершенствованию) «чего-либо».

Триада человека в троичном мире

Будучи существом троичным по природной своей структуре, человек естественным образом соединяется с троич-

ной структурой земной природы – её минеральным, животным и растительным миром, занимая при этом высшую ступень в составе биосферы.

И, естественно, «возделывая землю, из которой он взят», т.е. творчески приспособлявая конкретные земные условия (прежде всего – природные), делает это по троичной схеме, являя собой «меру всех вещей». Более того, созданные человеком социальные институты и правила общежития, наработанные критерии оценки добра и зла, сформированная шкала жизненных ценностей – всё это по сути своей троично. Это и естественно, т.к. «лепилось» с единой модели, по единому троичному принципу: приём исходной информации – анализ – решение.

Но человек способен не только активно влиять на среду, видоизменять и формировать условия существования (природные и социальные): он может и сам адаптироваться к ним. Такая гибкость поведения может быть объяснена родственностью «по линии троичности» структур человека и остального мира, созданного Богом.

В повседневной жизни изначальное восприятие внешних объектов и ситуаций происходит на одном из уровней человеческой триады. Вслед за тем к процессу подключаются и остальные её планы. Итог зависит от характера ситуации и особенностей триады человека.

Так, *инстинктивное* восприятие события, в силу своего быстродействия, выстраивает линию поведения человека

как бы автоматически. Например, в ситуациях типа «встреча с грабителями» поведение человека в принципе сводится к трём вариантам: убежать; сопротивляться; просить о пощаде (откупиться кошельком). Инстинкт мгновенно подскажет решение, хотя и не всегда верное (если при этом совершенно отключается мыслительный план).

Интуитивная ориентация в троичной ситуации присуща человеку, находящемуся в определенных условиях (наличие дилеммы, альтернативы и т.п.). Причём решения, подсказанные интуицией, подчас совершенно неожиданные, оказываются сильнее и правильнее логических выводов и умозаключений, например, нахождение третьего варианта из двух возможных. Это полуосознанная по природе своей реакция души на информацию.

И, наконец, ситуация может быть воспринята вполне осознанно, с позиций присущего конкретному человеку *уровня духовности*. Способ восприятия воздействий внешнего мира «через дух» и есть инструмент, данный Богом человеку для управления инстинктом и контроля над ним. В этом, как следует из предыдущей главы, и кроется смысл божественного эксперимента, точнее – его продолжения в «постэдемских» условиях. В прикладном аспекте подход к троичному миру через человеческую триаду является предпосылкой для выстраивания шкалы жизненных ценностей (материальных, нравственных, духовных) – поведенческого кодекса личности и общества.

Итак, человек способен оценить троичность «мира сего» (как, впрочем, и его «отдельных зон» – объектов, ситуаций, состояний, аспектов, процессов и т.д.), благодаря троеединству своих ипостасей.

В процессе троичной обработки каждая ипостась человеческой триады ищет как бы свой аналог в обрабатываемом троичном мире, находит его и работает с ним в «жесткой сцепке». А поскольку человеческая триада соединена с божественной, то любые поступок, мысль (слово) или эмоциональная реакция доходят до Бога.

Образно говоря, информация о поведении человека (на всех его планах) поступает по этим каналам связи в божественный «компьютер» с колоссальным объёмом памяти. Эта информация систематически пополняет базу данных о ходе эксперимента, проводимого Богом на земле. Так что, благодаря соединению триад Творца и творения, жизнь человека находится под постоянным и всепроницающим контролем со стороны Высших сил. Видимо, это и утверждает Христос, говоря своим ученикам: «у вас же и волосы на голове все сочтены (Мф. 10, 30). (Кстати, «Книга жизни» в Откр. 20, 12 напоминает сборник обработанных компьютером информационных материалов о жизни каждого человека.)

За тысячелетия своей истории человечество прошло и ещё пройдёт (см. «Откровение Иоанна Богослова») длинный путь спадов и подъёмов: достаточно прочесть оба библейских Завета. Да и после искупительной смерти Мессии усло-

вия пребывания человека на грешной земле менялись, как в калейдоскопе. Рушились одни идеалы и традиции, рождались другие, но принцип троичности земной жизни и структуры человека оставался стабильным. Видимо, на это постоянство и указывает Библия, говоря о Боге, как о гаранте стабильности: «...у которого нет изменений и ни тени перемены» (Иак. 1, 17).

«База» божественного эксперимента, его основополагающий принцип (стабильность троичности субъекта и объекта) не изменяются во времени и пространстве. Основное требование к опыту (чистота его проведения) Богом не нарушено. Меняются лишь условия божественной задачи, предлагаемой человеку, который в соответствии с этим меняет углы и точки зрения на троичность. Но при этом неизменной остаётся сама троичность, которая в нас и вокруг нас.

Триада человека в трёхмерном пространстве

Во вступительной части статьи читателю предлагалось сделать «круговой обзор» с целью обнаружения этой самой троичности. Конечно, всего мы не увидим из-за отдалённости объектов, всего не разгадаем из-за сложных, маскирующих их конфигурацию внешних оболочек. Но кое-что – слишком очевидно, а иное – легко раскрывается (было бы желание).

Пожалуй, наиболее яркой иллюстрацией троичности (в

прямом смысле – вокруг нас) является геометрическое пространство с его трёхмерностью. Положение любой точки пространства (объёма) описывается тремя параметрами в декартовой системе координат. Привычные одномерные понятия: длина, ширина, высота – применимы только к объёму, телу и существовать в отрыве от последнего не могут. Эти весьма условные понятия в конечном счёте представляют протяжённость какого-то отрезка линии. Но, превращаясь в линии, они в свою очередь сразу же обретают трёхмерность, т.к. любая физическая линия, как и физическая точка, и плоскость, просто не могут не иметь объёма. Это общеизвестно: как бы ни была мала частица «чего-то», она всегда будет трёхмерной.

Но на практике мы часто пренебрегаем одним или даже двумя размерами в «пользу» третьего. Например, шириной, а ещё более – толщиной линии, оставляя последней лишь её длину, протяжённость. Это допустимо в силу того, что численные значения отбрасываемых размеров ничтожно малы по сравнению с параметром оставшегося размера. Впрочем, это – искусственный приём. Реально же мы живём в трёхмерном мире и состоим из трёхмерных же частиц, т.е. мы «насквозь» троичны физически. Всё это элементарно и очевидно.

Интересно другое – связь трёхмерности пространства (объёма) с троичностью человека, а точнее – некая их аналогия.

Ещё Декарт отождествлял материю с протяжением, считая последнее независимым от нашего субъективного восприятия действительности. Иными словами, он видел взаимосвязь телесной (материальной) составляющей триады человека с протяжением, длиной, т.е. с первой составляющей трёхмерного пространства. Но мы и на интуитивном уровне ощущаем, что человеческое тело и длина «чего-нибудь» как-то взаимосвязаны. (Недаром размеры человеческого тела и его фрагментов послужили прототипами мер длины во многих странах, в том числе и в России.) Длина как первый параметр трёхмерности «длина, ширина, высота» в практике чаще всего бывает базовым размером, наибольшим габаритом, наиболее ощутимым «телесным» фактором.

Ширина же, а точнее образуемая ею совместно с длиной площадь, т.е. двухмерное пространство, аналогично второй ипостаси человеческой троичности – душе. Человек ощущает это подспудно, называя душу широкой, песню как выражение состояния души – раздольной, разливающейся вширь. Душевные эмоции, вообще говоря, ассоциируются у нас с чем-то жидким, растекающимся по поверхности (выплескивать эмоции).

Аналогичные рассуждения применимы и в отношении высоты, вертикали, образующей совместно с длиной и шириной полную трёхмерность пространства, объём. «Высокий дух», «высшая цель», «высокие идеи» и т.д. – вот те «вертикальные» эпитеты, которые мы прилагаем, когда хотим вы-

разить нечто высокородное. Кстати, Дух Божий «дышит, где хочет...» (Ин. 3, 8), т.е. царствует в полном объёме трёхмерного пространства. Итак, существует скрытая, но внутренне ощутимая связь человеческой ипостаси «дух» с высотой, пространством, вертикалью.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод: мерности пространства и планы человеческой троичности соединены соответствующими связями. И поэтому человек сполна воспринимает своей триадой трёхмерное же окружение.

Троичность «вокруг нас» проявляет себя не только в природной среде, но и в отдельных «зонах и участках» повседневного бытия – ситуациях.

Ситуация выбора

Даже в ситуациях-копиях, которые внешне совершенно однозначны и, казалось бы, не подразумевают второго решения, выбор скрытно присутствует. А точнее – результат выбора, сделанного человеком ранее. Этот результат проявляется в конкретных поступках, которые в сходных ситуациях просто-напросто тиражируются. Например, повседневные действия, связанные с распорядком дня предприятия, учреждения. Мы их совершаем автоматически, не задумываясь и не взвешивая: надо ли завтра вставать в 6.00, чтобы к 7.00 успеть на работу. Какой же здесь выбор? Дело в том, что мы ранее, в своё время, уже сделали добровольный выбор в

пользу именно этого предприятия с его условиями работы, в том числе и распорядком дня.

Другим примером кажущейся безвыборности является так называемая тупиковая ситуация. Строго говоря, таких ситуаций нет и быть не может, т.к. человек получил от Творца частицу божественного качества – свободу воли. Как ни парадоксально, но даже прикованный к стене мрачного подземелья обречённый на смерть человек имеет возможность выбора варианта поступка (возможно, последнего в его жизни). Например, узник может: плюнуть в лицо палачу и гордо принять смерть; рухнуть на колени и обнимать ноги врага, умоляя о пощаде; вручить себя божьей воле и смиренно ждать развязки. Так что человек свободен всегда. Правда, с разным количеством степеней этой самой свободы. Но по крайней мере выбор хотя бы одного альтернативного поступка у человека всегда имеется. Другое дело, когда ни один из вариантов не устраивает его, и, не найдя приемлемого решения проблемы, человек характеризует данную ситуацию как тупиковую.

Тем не менее, другой человек в этой же самой ситуации, при тех же вариантах возможных поступков не будет чувствовать себя в тупике. Он сочтёт один из существующих вариантов вполне приемлемым для себя и, как следствие, обретёт утраченное душевное равновесие. Всё зависит от состава и структуры шкалы жизненных ценностей.

Весы – универсальная модель ситуации выбора

Зримым образом троичности, её символом во многих случаях могут быть неравноплечие весы с изменяемой длиной плеч и нагрузкой на чашах. Добиться равновесия чаш на таких весах можно тремя способами (опять же тремя): подбором гирь при неизменной длине плеч; подбором плеч (сдвигом точки равновесия) при неизменной нагрузке на чашах; комбинацией обоих методов.

Весы как модель троичности охватывают практически все жизненные ситуации, связанные с выбором варианта решения. А поскольку наша повседневная действительность практически является набором таких ситуаций, то весы с их колебательным характером успокоения демонстрируют вполне стиль нашей жизни. Извечный гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?» фатально преследует нас от рождения до смерти, от подъёма до отбоя, от мелочного до судьбоносного.

Посмотрим же на весы с позиции троичности. Условимся считать конечной целью всех манипуляций с ними достижение равновесия (положение «стрелка на нуле») одним из трёх указанных выше способов.

Весы – это элементарный и вполне привычный для нас механизм. По своему назначению они являются компаратором, т.е. механизмом *сравнения* массы грузов, одним из которых может быть гиря.

Структурно весы символизируют триаду «действующих лиц», состоящую из: двух противоборствующих грузов на чашах и отсчётного устройства, играющего роль «третейского судьи», оценивающего результат этого противоборства. По своей же динамической сути они достаточно полно имитируют поведение человеческой триады в ряде ситуаций. В частности, в ситуациях типа «отбор» и «выбор». Это и понятно: человек, по сути, взвешивает, оценивает эти ситуации с помощью какого-то своего внутреннего компаратора, внешним символом которого и являются весы. Они моделируют широкий спектр особенностей, присущих не только упомянутым ситуациям. (Это обусловлено техническими характеристиками весов: амплитудой и частотой колебаний, временем успокоения, чувствительностью и пр.) Весы чутко реагируют не только на *наличие* воздействующего фактора (гири), но и на *способ* приложения и изменения его (плавно или резко). В общем, в «темпераменте» весов есть что-то от человека.

Попробуем, как и в примере с трёхмерностью пространства, провести некую аналогию в действиях троичных структур – весов и человека. Одновременное воздействие противоположных нагрузок на стрелку-указатель можно уподобить аналогичному влиянию на «живую душу» позывов плоти (инстинктов) – с одной стороны и мотивов духа, сознания (сдерживающих факторов) – с другой. Таким образом, отсчётное устройство весов и душа человека являются «тре-

тейскими судьями» в своих троичных системах. Неоднократные смещения точки равновесия (без изменения грузов на чашах) напоминают метания души, ищущей успокоительного решения в рамках имеющихся возможностей. Равновесное состояние весов моделирует нейтральное, умиротворённое состояние души человека (наш «третейский судья» спокоен и отдыхает после принятия трудного решения).

Ситуация выбора «в разрезе»

В общем случае решение такой ситуации сводится к одному из трёх вариантов: двум абсолютным (или то, или другое) и одному равновесному, компромиссному (частично то, частично другое).

Проблемы, с которыми сталкивает нас жизнь, приходят к нам разными путями и выявляются во времени тоже неодинаково. Одни вызревают длительно, постепенно наращивая своё влияние на нашу жизнь (весы, сбалансированные ранее, медленно теряют равновесие под влиянием плавного изменения нагрузки). Другие проблемы обрушиваются на нас внезапно, в виде удара судьбы или рывка (весы резко теряют равновесие под влиянием тяжелой гири, брошенной на одну из чаш).

Но независимо от характера воздействия внешних обстоятельств (удар или медленно надвигающаяся неотвратимость) и степени их сложности решение проблемы в конечном счёте

приведёт нас к выбору. Точнее – к последовательному решению одной или нескольких параллельных дилемм: где? когда? какими средствами? и т.д. При этом решение каждой из них не выйдет за рамки трёх упомянутых выше вариантов.

Таким образом, мы просто погружаемся в громоздкую систему троичностей. А поскольку проблемы и «проблемки» преследуют нас повсеместно и повсечасно, то мы практически не выходим из этого окружения.

Мне могут возразить: «Но ведь есть же большие и мелкие проблемы, которые имеют всего лишь одно решение. Примеров – сколь угодно много. О каком же выборе, а значит и троичности, может идти речь, если второго решения просто нет?!»

«Не надо думать, – отвечу я, – что если на сегодня второго решения проблемы нет, то его не существует в природе вообще. Оно просто не найдено в данное время и данным человеком, но вполне вероятно, что оно откроется позже, другим искателям. Загляните ещё раз в Библию и перечитайте фрагменты Дан. 12, 4–9 и МФ. 13, 14, 15».

Кстати, вариантом решения проблемы может стать и обоснованный нами отказ от реализации рассматриваемой возможности. Да, это тоже решение: оставить всё, как есть, дабы не «наломать дров». Ведь нередко наши решения, принимаемые сходу и замешанные на эмоциях, после аналитической рассудочной обработки теряют свою привлекательность. Мы начинаем размышлять, несколько поостыв, о последствиях

такого едва не принятого решения, прогнозировать появление новых проблем и... всё возвращаем «на круги свои». (Чаши весов после колебаний приходят в изначальное равновесное состояние.) Но устойчиво ли равновесие души, достигнутое таким образом? Конечно, нет. Скрытая неудовлетворённость будет периодически напоминать о себе, а правильность принятого решения «об отступлении» – ставиться под сомнение. Один человек под влиянием этого будет «замахиваться» и... тут же затухать; другой, в конце концов, решится на экстремальные действия. Но будет ли он в дальнейшем жалеть о содеянном или нет – известно только Богу.

Пребывание в таком раздвоении, вероятно, знакомо многим: несостоявшиеся или в конце концов реализованные «замахивания» на семейный развод, обмен квартиры, добровольное увольнение и т.д. – кто не пережил подобных ситуаций?

«Ну, хорошо, – скажет всё тот же скептически настроенный читатель, – а если выбор предусматривает несколько возможностей, по крайней мере – больше двух? Принцип троичности в этом случае нарушается?»

«Нет, не нарушается. Ведь каждую из наличных возможностей (независимо от их количества) мы взвешиваем и оцениваем по отдельности, последовательно сверяя их с какой-то своей внутренней меркой (о чём поговорим ниже). Таким образом, сложная ситуация выбора итогового варианта распадается на ряд обычных промежуточных выборов по числу исходных возможностей», – таков вкратце мой ответ.

Естественно, что при последовательной обработке множества вариантов возникают трудности, и гораздо большие, чем в случаях минимальных возможностей выбора. Ведь нам приходится многократно решать одну и ту же троичную задачу, но только с разными значениями параметров.

Но допустим, что наш внутренний компьютер справился с этим множеством данных, вводимых в него, и решение, которое в той или иной степени нас устраивает, найдено. В нём будут *относительно* полно учтены, увязаны все необходимые параметры и их значения (стрелка весов, качающаяся под воздействием гирь-доводов замерла в положении, близком к нулевому; дисбаланс весов символизирует степень нашей остаточной неудовлетворённости решением).

Наверное, всем знаком мучительный выбор из широкого ассортимента нужной нам вещи. Трудность состоит в согласовании наших возможностей и потребностей. Мы хотим совместить такие параметры (подчас противоречивые), как цена, качество, внешний вид, удобство в эксплуатации и т.д. Кстати, вариант «уйти ни с чем» в такой ситуации не менее вероятен, нежели в условиях минимального выбора. «Всего много, а выбрать нечего», – часто сетует покупатель.

Отбор – первая стадия ситуации выбора

Как уже говорилось, человек, выбирающий единственное решение из нескольких возможных его вариантов, неизбеж-

но сталкивается с определёнными трудностями. Заключаются они в необходимости проведения многократных (по числу вариантов) сравнений. Чего с чем? На первый взгляд *кажется*, что сопоставляются данные нам возможности между собой. На самом же деле сравнивается *каждая из них с одним и тем же эталоном*, сокрытым в тайниках человеческой триады.

Таким своеобразным манекеном, на который мы примеряем имеющиеся возможности, являются наши *личные представления* о правильном и неправильном (применительно к данной ситуации). Это – своего рода модель желаемого в *идеале*. Мы как бы взвешиваем, сравниваем желаемое с действительным, определяя в какой степени наш идеал совпадает с реальностью.

Применительно к весам, роль такой модели исполняет образцовая гиря, с которой мы сравниваем взвешиваемый груз (каждую из проверяемых возможностей). Таким способом последовательно опробуем все варианты, отбрасывая вначале те, которые вызывают значительный разбаланс весов (мнее всего удовлетворяют нас).

Проведя предварительный отбор относительно приемлемых для нас возможностей, мы ещё раз взвешиваем их. Методом последовательного исключения уменьшаем число оставшихся вариантов, пока их, в конце концов, не останется всего два. Это – наиболее вероятный результат. Теперь мы подошли к трудному моменту окончательного выбора,

ибо оставшиеся варианты по своей весомости очень близки к эталону, т.е. нашему личному представлению о правильном (а значит и желаемом) варианте решения проблемы.

Конечно, не исключено, что в процессе предварительного отбора мы сразу найдём устраивающий нас вариант (весы полностью уравновесятся). На этом – всё, выбор произведён. Но такое маловероятно: червь сомнения будет точить нас по поводу скоропалительного решения. Разве так уж редки случаи (особенно это характерно для женщин), когда после обретения какой-либо вещи мы проверяем себя на правильность совершённого поступка, т.е. ходим по магазинам: а нет ли там аналогичного, но только лучше и дешевле обрётённого? В итоге – радость или расстройство.

Итак, в результате тщательного отбора вероятнее всего останутся два варианта, из которых по условиям данной ситуации надо выбрать один. И вот только теперь мы кладём на чаши весов *оба* наиболее приемлемых варианта для сравнения их *между собой*.

Естественно, в каждом из них будут свои «плюсы» и «минусы», качество и количество которых могут учесть только наши внутренние весы, наш «третейский судья», который и вынесет окончательное решение в пользу того или иного варианта (или их возможной комбинации). Конечно, эти весы должны иметь достаточно высокую чувствительность, чтобы уловить все нюансы «за» и «против» в обоих сравниваемых вариантах. В случае равнозначности оценок к исполнению

своих обязанностей приступает интуиция, приговор, который является окончательным и бесповоротным.

Если мысленно сбросить внешнюю оболочку ситуации выбора, то внутреннему взору на глубине, сокрытой от взгляда извне, представится взаимооборство ипостасей человеческой триады. Мы увидим, что доводы физической ипостаси (страх, телесный комфорт, материальный интерес и т.д.) и доводы ипостаси духовной (чувство долга, моральные принципы, совесть и т.д.) поочерёдно воздействуют на душу человека. Возникшее под влиянием этой двусторонней обработки *душевное* желание и определит судьбу выбора.

II *одводные и надводные камни в ситуации выбора*

Я отдаю себе отчёт в том, что механистическое представление о сложнейшей работе мышления и психики человека в ситуации выбора неправомочно. Естественно, нельзя сводить всё к жёсткой «трёхъярусной» схеме и механической модели – весам и гилям. Но это, действительно, всего лишь модель, зримо демонстрирующая только *принцип* ситуации, но не форму его воплощения, которая неповторима в каждом конкретном случае.

Сложность глубинного взаимодействия планов человеческой триады пропорциональна сложности внешней ситуации. Чем серьёзнее и ответственнее выбор (особенно – при

наличии взаимоисключающих условий), тем полнее и ярче проявляется острота спора наших первого и второго «Я», и тем сложнее нашему третьему «Я» определить победителя. В сущности – это борьба (с попеременным успехом и непредсказуемым финалом) нашего тела с нашим духом за нашу же душу. Наконец, наш «третейский судья» вынес решение: или в пользу одной из сторон, или боевая ничья – компромисс (на этом варианте остановимся несколько позже). Степень удовлетворённости этим решением чаще всего относительна, и тень сомнения не покидает нас: правильно ли? не ошибка ли? И это вполне закономерно, т.к. достаточно сильны доводы и контрдоводы обеих сторон, жаждущих справедливости (естественно, в свою пользу). Легко ли в этой ситуации «третейскому судье»?

Даже не будучи юристом, я допускаю, что всякого рода издержки в работе профессионального судьи вполне возможны. Причиной этого может стать несовершенство закона, недостаточная квалификация и т.д. При этом немаловажное значение имеют и морально-психические качества судьи.

В Библии (да и в повседневной жизни тоже) есть понятие «неправый суд». Это когда судья-человек с его слабостями одерживает верх над судьёй-юристом с его обязанностью следовать закону. И даже если решение принято в полном соответствии с таковым, то всегда ли бывает удовлетворён судья-человек? Видимо, не всегда: житейская и юридическая

оценки вынесенного судом решения могут не совпадать.

На решение судьи-юриста влияют доводы как минимум двух человек, разных по характеру и профессиональной ориентации. А в ситуации, когда в одном человеке уживаются обвинитель и защитник, которые к тому же периодически меняются ролями, принять судье правильное решение – задача не из лёгких. К тому же и судья этот также «внутри нас есть», а не извне. Трудно вершить суд праведный, когда ситуация – «вокруг нас», но ещё труднее, когда – «внутри нас». «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7, 1), – учит Христос, т.е. не будете осуждены на мучительные сомнения в отношении правильности принятого решения.

Но наряду с юридическими нормами существуют законы морали, данные Богом человеку, а также – наработанные последним за всю его земную жизнь. Формально они едины для всех людей, т.к. утверждают общечеловеческий нравственный идеал. Например, последние шесть заповедей из десяти, известные в Библии как «Божии принципы общественной жизни». И если уж законы правосудия, имея относительно жёсткую и чёткую формулировку, не исключают полностью их разночтения, то законы морали трактуются людьми вообще очень широко. К тому же индивидуальная приверженность моральным нормам часто бывает неустойчивой, нас иногда легко сбить с «пути истинного» посторонним доводом или примером.

Мы подчас (сознаемся уж честно) не в состоянии ответить

на такой, казалось бы, простой и одновременно трудный вопрос: «Знаем ли мы, *чего* хотим? Ясно ли представляем себе *это*?» Неясность цели, расплывчатость собственных представлений о правильном и неправильном, неустойчивость нравственно-этических норм рождают неудовлетворённость и сомнения в правильности принятого решения. Ощущение душевного дискомфорта не оставляет нас. (Стрелка весов колеблется около нулевой отметки, т.к. нагрузки на чашах никак не стабилизируются.) Мы попеременно то принимаем, то отбрасываем одни и те же доводы. Подобная нестабильность может жить в нас, держа душу в «ежовых рукавицах», от нескольких мгновений до многих лет, а то – и всю оставшуюся жизнь. Многое зависит от сложности ситуации, степени её критичности, быстродействия нашего внутреннего компьютера и содержания программ, в него заложенных (индивидуальной шкалы жизненных ценностей), физиологических, психических и других особенностей человека.

В критической ситуации время, отводимое лётчику или водителю для принятия (правильного с их точки зрения) решения, т.е. производства выбора, ограничено секундами или даже их долями; время, отводимое для выбора подарка близкому человеку, зависит от нас самих, а вот поиск оптимального решения сложной и мучительной семейной или служебной проблемы может длиться годами, и, тем не менее, ошибки в выборе решения не исключены. На первый взгляд, эти примеры абсолютно несопоставимы. Но по принципу, по су-

ти своей – идентичны, т.к. они демонстрируют работу человеческой триады в троичных ситуациях выбора.

Ещё раз о роли отбора в ситуации выбора

Выше отмечалось, что выбору из нескольких возможностей, как таковому, практически всегда предшествует отбор двух наиболее приемлемых вариантов методом последовательного исключения.

В сущности, отбор – это разновидность выбора, имеющая свои особенности:

– если в ситуации окончательного выбора оптимальный вариант *определяется*, то в процессе отбора он *задаётся*, как своеобразный эталон; цель отбора заключается, таким образом, в исключении вариантов, значительно не соответствующих эталону;

– в ситуации окончательного выбора определяющая роль отводится внутренним высокочувствительным весам с целью уловить разницу двух близких по значению вариантов. В ситуации же отбора также необходим механизм сравнения – те же весы, но решающую роль здесь играет эталон (образцовая гиря), с которым и сравниваются последовательно все имеющиеся гири-варианты.

Такая гиря-эталон в принятой модели троичности символизирует сформированное ранее представление о желаемом. Это – сумма критериев, которым должен соответствовать

идеальный вариант выбора. Но мы не всегда, как уже отмечалось, знаем, чего именно хотим. Поэтому и вес нашей образцовой гири (т.е. весомость аргументов) может быть нестабильным во времени, что зависит от влияния различных факторов (советы друзей и лжедрузей, некомпетентная доброжелательность, обретаемые нами опыт и знания и др.).

Ничего удивительного: даже физическая гиря самого высокого класса имеет «законную» (нормированную) погрешность. Кроме того в процессе эксплуатации масса такой гири уменьшается (истирание, деформация и т.д.). Так со временем изменяется и наш внутренний эталон (критерии и представления): весомость прежних доводов и аргументов может не только уменьшиться, но и «поменять знак».

Однако, смутное представление о желаемом, как это ни парадоксально, не препятствует процессу первичного отбора. Причина в том, что срабатывает спасительный для многих принцип: «я не знаю, чего хочу, но знаю точно, что *это* – типичное *не то*». И вариант отбрасывается, т.е. главная цель отбора (исключение явно неудовлетворительных решений) достигнута. Таким образом, расплывчатая окантовка наших желаний в данном случае не мешает нам, т.к. она легко перекрывается слишком большим расхождением желаемого и действительного.

Трудности придут позже, при вторичной обработке оставшихся вариантов, когда разрыв между желаемым и действительным сократится: ведь варианты-то остались более-менее

приемлемые. На этой стадии отбора туманность наших представлений об идеале будет сильно влиять на правильность решения и создавать душевный дискомфорт. (Применительно к модели требуется более высокий класс и образцовой гирь, и весов.)

Конечно, в процессе отбора можно сразу встретить вариант, полностью нас устраивающий, но вероятность этого события невысока, т.к. постоянно действующий фактор сомнения будет делать своё чёрное дело.

Примером поведения человека по приведённой выше схеме может служить набор и последовательность его поступков в ситуации «ищу работу», т.е. в системе «спрос – предложение». Эта система, независимо от сферы её действия (материально-бытовой, социальной, нравственно-этической, эстетической и т.д.), является частным случаем общего понятия «выбор», одной из иллюстраций троичности «вокруг нас». В сущности, это те же весы, колеблющиеся под воздействием переменных нагрузок, каковыми в данной ситуации выступают доводы «за» и «против».

Итак, допустим, что у человека есть выбор работы из нескольких предлагаемых вариантов. Естественно, как бы ни были расплывчаты его представления о желаемом (интерес, зарплата, льготы, окружение и т.д.), для него это не будет иметь ровно никакого значения, если предлагаемая работа не соответствует его специальности (электромеханик вряд ли займёт вакансии врача или юриста) или же когда требова-

ния работодателя выше профессиональных и иных возможностей кандидата. Иными словами, на первом этапе отбора, т.е. при знакомстве с перечнем вакансий, всё ясно и понятно. Но ситуация осложнится (для электромеханика) на втором этапе, когда в этом перечне после отбрасывания совершенно неприемлемых вариантов останутся специальности технического профиля. Здесь уже «наводка на резкость» при проецировании наших желаний на действительность имеет решающее значение. Нужны чёткие разграничения одного от другого, ибо если мы вполне отчётливо не представим себе, чего именно хотим, то можем сделать в конечном счёте неправильный выбор.

Как говорилось, уже в процессе отбора можно найти вариант, совпадающий с нашим представлением о желаемом, и на этом прекратить дальнейший поиск. Но мы рассматриваем общий случай, когда в процессе отбора выявляется не единственный ярко выраженный в своей приемлемости вариант, а несколько относительно приемлемых итогов сравнения. Количество их в процессе дальнейшего отбора будет сведено к двум, потому что все возможные варианты уже прошли процедуру неоднократного сравнения с эталоном. Больше с ним сравнивать нечего, но окончательный выбор так и не сделан. Остаётся одно – сравнить на весах оставшиеся после выбраковки варианты между собой. Естественно, их должно быть не более двух. Теперь же необходимо выбрать только один или найти приемлемую комбинацию вари-

антов. Последнее слово за нашим «третейским судьёй», однако каким оно будет и когда (и будет ли вообще), предсказать невозможно.

Несмотря на разнообразие ситуаций выбора, их роднит следующее:

– в период окончательного выбора троичность складывается из: двух вариантов, каждый из которых содержит аргументы «за» и «против», и «третейского судьи», определяющего победителя (душа, интуиция, третье «Я»). В ситуации же предварительного отбора триада «действующих лиц» состоит из: обрабатываемого варианта (действительное), устойчивого представления о правильном (эталоне) и механизма оценки степени их соответствия;

– конечная цель выбора – нахождение приемлемого варианта, целью же отбора является исключение неприемлемых вариантов из числа имеющихся (подготовка к ситуации выбора);

– моделью обеих ситуаций являются весы. В ситуации выбора на них сравниваются между собой «весомости» двух вариантов, оставшихся в результате предварительного отбора. Поскольку они могут быть почти равнозначными, то чувствительность весов должна быть достаточно высока, дабы уловить это «почти». В ситуации отбора на этих же весах сравниваются «весомости» анализируемого варианта и эта-

лона (желаемого). При этом отклонение стрелки весов будет пропорциональным «недобору» действительного до желаемого. Длительное колебание стрелки относительно нуля в ситуации выбора говорит о том, что окончательное решение так и не найдено, к сожалению. Устойчивое же положение её на нулевой отметке символизирует компромисс, о чём речь пойдёт ниже;

– вариант «всё оставить в исходном» (отказ от решения) в обеих ситуациях является резервным, но вполне реальным.

Ситуация компромисса

Ход рассуждений подвёл нас к тому, что называется компромиссом. «Советский энциклопедический словарь» (1982) толкует это понятие как «соглашение на основе взаимных уступок».

Определение вполне достаточное, чтобы представить себе широту и многообразие ситуаций, имеющих подобный исход, и, как следствие, оценить роль компромисса в нашей повседневной жизни. Семейные, дружественные и служебные отношения, повседневное общение людей дома и вне его – всё это базируется на соглашениях и договорах. И вообще, поддержание миролюбивых отношений, мирное сосуществование на любом уровне (от межличностного до межгосударственного) невозможно без соглашений: гласных и негласных, письменных и устных и т.д.

Говоря о компромиссе в данной работе, я подразумеваю *двух человек*, интересы которых в общей зоне изначально не совпадают, более того – противостоят, но в дальнейшем приходят в относительное равновесие за счёт взаимных уступок сторон.

Компромисс как решение конфликтной ситуации

Компромиссу может предшествовать конфликтная ситуация. «Конфликт моральный – специфическая ситуация морального выбора, в которой принимающий решение человек констатирует в своём сознании противоречие: осуществление каждой из выбранных возможностей поступка во имя какой-либо нравственной нормы одновременно ведёт к нарушению другой нормы, представляющей для данного человека определённую моральную ценность. В конфликтной ситуации требуется совершить выбор между сталкивающимися моральными ценностями в пользу одной из них... Разрешение конфликта морального базируется на осознании иерархии нравственных ценностей» [6], с. 140–141.

Следовательно, конфликтная ситуация как специфическая разновидность ситуации выбора может быть в принципе разрешена тремя *активными* способами: или одна из сторон полностью подавляет интересы другой (два взаимоисключающих силовых варианта), или же в результате взаимных уступок стороны приходят к компромиссному решению

проблемы (третий вариант). Назовём условно силовые решения – абсолютными, а компромиссное – относительным.

Итак, в любой конфликтной ситуации заложена троичность. Конфликтуете же мы (в разной степени, конечно) постоянно и по бесчисленным поводам: с человеком близким и дальним; коллективом и обществом; в одиночку и в союзе с единомышленниками; явно или скрытно; кратковременно или годами, а то – и враг на всю оставшуюся жизнь. Так что, от этой непривлекательной внешне и разрушительной по сути троичности нам просто не укрыться: она – «вокруг нас».

Конфликтная ситуация, троичная по способу разрешения, представляет к тому же определённую систему взаимодействия троичностей, ибо участники ситуации троичны по структуре. Это, с одной стороны, порождает конфликт на одном из планов сталкивающихся триад (чаще – физическом), но с другой – способствует компромиссу, благодаря вмешательству в конфликт регулирующих планов (духа и души). Благодаря именно этим планам, вполне возможны мирные (точнее – мироподобные) решения спорных проблем в зоне совместных интересов обеих триад.

«Моральный кодекс строителя коммунизма» (1961), введение курса обществоведения в средней школе, решения 27 съезда КПСС и пленумов 80-х годов вызвали появление целого ряда печатных работ, посвящённых проблемам морали и нравственности (учебник, тематические словари и отдельные работы, газетные статьи и т.д.). Все они в той или иной

степени касались и конфликтных ситуаций на разных уровнях (семья, школа, трудовой коллектив, дружба, повседневное бытовое общение и т.д.). В них приводились советы по предотвращению конфликта и предлагались пути выхода из него. Но отдача от этих рекомендаций, мягко говоря, нулевая, в чём мы и убеждаемся сейчас, спустя два десятилетия.

С позиции троичности, все люди одинаковы *только по числу планов*, составляющих человеческую триаду. Но они совершенно разные и неповторимые по *соотношению этих планов* между собой (по их «качеству», «толщине», расположению и взаимовлиянию). Иными словами, у каждого индивида есть своя, только ему присущая, шкала жизненных ценностей, на которую сориентировано его поведение в каждой конкретной ситуации. Многие авторы упомянутых выше публикаций не учитывают этого фактора и скорее видят ситуации как таковые, но не видят в них людей, которых они усиленно нивелируют по социальным или же функциональным признакам. Например, подаваемый в обобщённо-усреднённом варианте конфликт «вообще родителей» и «вообще детей». Поэтому и не срабатывают эти рекомендации на все случаи жизни, а точнее – срабатывают только те, которые вписываются в ценностную шкалу конкретных индивидов.

К компромиссному решению стороны могут прийти, и не доводя дело до конфликта. Но только в тех случаях, когда человеческие триады обеих сторон достаточно гармонизированы между собой, когда взаимное желание уступить – силь-

нее, чем наступить. Тогда в сфере общих интересов устанавливается равновесие, определяемое договором *по сути*, форма которого может быть разной, даже негласной.

Конечно, компромисс, выросший из конфликта, будет отличаться по «духу и букве» от компромисса дружелюбно-добровольного. Последний – более устойчивый и живучий: некоторые соседи по квартире или даче дружественно сосуществуют десятки лет, имея при этом обширную бесконфликтную зону общих интересов.

Нас же в большей степени интересует первый вариант, когда компромисс представляется одним из решений конфликтной ситуации.

Итак, представим, что у одной или обеих контактирующих сторон соотношение планов собственной триады дисгармонично (гипертрофирован материально-физический план или почти атрофирован план духовный). В этом случае между сторонами возникает взаимное непонимание, переходящее в неприязнь, а затем и в конфликт.

Обратимся снова к нашей испытанной модели троичности – весам с гирями на чашах. В рассматриваемой ситуации такими гирями будут доводы, мотивы, аргументы и т.д., обосновывающие требования и претензии каждой из сторон. В разгаре конфликта эти гири не кладутся, а швыряются на чаши весов, вызывая резкие нагрузки. Весы разбалансирова-

ны, чаши прыгают на полной амплитуде. Так, в общих чертах выглядит модель. А что же в натурном плане?

Поскольку нас интересует в большей степени то, что «вокруг нас», рассмотрим наиболее часто встречающийся тип конфликтной ситуации – меж двумя людьми. С этим сталкивался, вероятно, каждый и не единожды. Семья, дружба, совместная работа, наша сфера ненавязчивого обслуживания – всё это может стать ареной боевых действий (без кавычек).

Нет смысла и желания подробно описывать подобные разборки. В лицо друг другу летят обвинения и упрёки, а возможно, и что-нибудь более увесистое, каждая сторона переходит попеременно от нападения к защите и наоборот. Недостаточная весомость аргументов подкрепляется сильными эмоциональными выплесками, внешний вид участников сражения, мягко говоря, непривлекателен.

Истина в таком споре не родится никогда, а будет ещё глубже захоронена. Да она уже, в сущности, и не нужна: в пылу словесных баталий стороны, вероятно, уже забыли и о существовании спора, и о поводе к конфликту. Противники, не слушая доводов друг друга, беспорядочно выдвигают свои аргументы (швыряют гири на свою чашу, не видя, что делается на противоположной). И никому уже ничего не нужно, кроме одного – одержать верх в очередной бесполезной перепалке (программа максимум) и уж никоим образом не признать себя виновным (программа минимум).

Возвыситься над кем-нибудь (хотя бы в собственных гла-

зах) возможно, в принципе, двумя путями.

Путь первый – честный, но трудный: наращивать собственные достижения, поднимаясь над «высотной планкой» противника. Применительно к конфликтной ситуации – усиливать весомость своих аргументов, приводить неоспоримые доводы.

Путь второй – подлый, но вполне доступный: унижить противника, деморализовать его запрещённым ударом в болезненную точку и на этом фоне чувствовать себя победителем. В конфликтных ситуациях такими запрещёнными приёмами являются разного рода оскорбления – взаимные или односторонние. Их ядовитым укусам подвергается всё – даже возраст и физические недостатки, лишь бы побольнее.

На модели троичности эта фаза конфликта будет представлена как резкий перевес одной из чаш весов. Но это произойдёт не за счёт собственных гирь-аргументов (они уже полностью исчерпаны), а вследствие преднамеренного травмирования противника.

Образно говоря, это удар по рукам оппонента, пытающегося бросить очередную гирю на свою чашу. Конечно, это запрещённый приём, в результате которого иной, глубоко уязвлённый оскорблением, человек просто неспособен более сопротивляться и продолжать этот кошмарный диалог. Нервы его не выдерживают, и он выходит из игры. Естественно, противник расценивает это как собственную победу и открыто злорадствует. На правах победителя он фактически

аннулирует все гири на чаше соперника: да, все доводы и аргументы стороны, покинувшей «поле боя», теперь уже не имеют силы.

Итог: оба участника спора получили травмы, деформирующие психику. При этом один из них глубоко переживает нанесённые ему оскорбления, унижение своего достоинства, а другой испытывает садистскую радость, видя поверженного оппонента.

Но набросанная выше «типовая схема» выяснения отношений в большинстве случаев имеет иную, не столь разгромную концовку: это – очевидная «боевая ничья», т.е. итог, в котором не бывает победителя и побеждённого. Дело в том, что участники подобных ристалищ чаще всего имеют довольно крепкие нервы, способные выдерживать частые и длительные перегрузки. Участвуя на равных, такие люди, как правило, не раскисают и не дают противнику сесть себе на шею. Слабонервные же постараются не идти на обострение, избежать конфликта или, по крайней мере, выйти из него как можно раньше.

Итак, по окончании очередной схватки у обоих противников остается «радостная» надежда на подобные встречи в обозримом будущем. Ибо есть категория людей (и немалая), которые патологически не воспринимают ничейного результата (не говоря уж о поражении). Они всегда и во всём должны быть правы (только так, а не иначе!). Такое устойчиво некритическое отношение к собственным поступкам, сло-

вам и мыслям ведёт к фанатизму. А *это – уже не страшно!* К тому же «коэффициент полезного действия» каждого такого выяснения истины равен нулю: решение проблемы, послужившей изначальной причиной конфликта, не продвинулось ни на йоту. И это при таких-то (!) нервно-психических затратах.

Конечно, не все и не всегда выясняют спорные вопросы и пытаются решить общие проблемы таким диким способом. Выполняя рекомендацию А.С. Пушкина «учитесь властвовать собой», иные люди контролируют по возможности спокойно и холодно своё поведение в проблемных дискуссиях, удерживая его в определённых этических рамках. Они не теряют логическую нить в своих аргументах и одновременно следят с полным вниманием за обоснованностью оппонентом своих претензий. Применительно к весам это будет выглядеть, как перекрёстный надзор за достоверностью гирь, применяемых оппонентом: не поместил ли противник фальшивую гирю на свою чашу (правильно ли обосновывал приводимый довод?).

Такой подход, когда люди пытаются всё разложить по полочкам, более эффективен, нежели разборки на уровне голых эмоций. Дело ещё осложняется и тем, что проблема, разбираемая в сфере общих интересов, редко остаётся в одиночестве и первозданном виде: чаще всего она деформируется и, как снежный ком, обрастает пластами сопутствующих проблем или «проблемок». Эти неучтённые нюансы могут

погубить идею. Они способны увести дискуссию от основной темы именно тогда, когда чувства, эмоции подменяют логику и рассудок.

Частые конфликты в отношениях двух людей свидетельствует о том, что абсолютного решения (полного диктата одной стороны и соответствующего ему подчинения другой стороны) достичь невозможно. Триады обоих действующих лиц не гармонизированы (или незначительно гармонизированы) между собой практически ни на одном из планов, ибо появление дисгармонии на одном из них неизбежно ведёт к таковой и на остальных. Во взаимоотношениях людей появляется всё больше разъединяющего их, нежели соединяющего. Взаимная неприязнь практически уже не скрывается. Аргументы защиты и обвинения каждой из сторон доводятся резко, раздражённо. Модель троичности, соответствующая этой ситуации, характеризуется тем, что весы предельно разбалансированы, чаши беспорядочно раскачиваются под воздействием резких бросков на них гирь-аргументов.

Затяжные, изнуряющие конфликты должны в конце концов привести хотя бы одну из сторон к простейшей мысли, что в *такой* ситуации дальше жить нельзя. Необходимо *что-то* предпринимать. Но что именно? Конечно, лучший вариант – выйти из этой ситуации в прямом смысле, т.е. вообще расстаться с оппонентом.

Но при всей заманчивости навсегда избавиться от конфликтёра (кстати, освободив тем самым и его от себя), вариант этот не так-то прост в исполнении и не столь оптимистичен в своих последствиях. Чаще всего человеку, при всём его огромном желании, просто некуда уйти. Всегда ли, например, мы можем уволиться с предприятия, имея вполне устраивающую нас работу, из-за устойчивых конфликтных отношений с начальником? Конечно, да. А что будет потом? Всегда ли мы после этого увольнения сможем найти работу вообще и желаемую (не хуже прежней) в частности? Конечно, нет.

(Я уже не говорю о семейном разводе как способе разрешения конфликтных отношений. Это скопище трудностей и проблем, среди которых вопрос «а куда же потом?» – едва ли не самый актуальный для одной или обеих сторон.)

Или другое: всегда ли мы решимся окончательно разорвать связи и не видеться более с бывшим другом, с которым ныне состоим в конфликтных отношениях? Конечно, нет. (Например, мой бывший друг вполне может оказаться другом настоящим для иных членов моей семьи, которым он дорог, и ради них я должен смириться с этим довольно щекотливым положением.)

Таким образом, горячее желание вырваться из сложившейся ситуации несколько охлаждается вопросом: «А что же будет после того?» Окончательный, выношенный ответ на этот вопрос и решает судьбу намерения: воплотить ли его в

действительность или отложить это до лучших времён. На лицо ситуация выбора с предваряющей её, возможно, ситуацией отбора вариантов.

Конечно, я допускаю определённую условность, наделяя правом принятия решения только одну из конфликтующих сторон. Фактически же оно есть и у другого человека. И если он воспользуется им раньше вас с целью освободить себя, то вопрос «быть или не быть?» перед вами уже не стоит. Например, пока вы анализируете конфликтные отношения с шефом, последний под благовидным предлогом, конечно, найдёт способ вас уволить; бывший друг также может оказаться решительнее вас; долгое и тщательное взвешивание одним из супругов возможности развода может быть прервано более решительными встречными действиями второго супруга и т.д.

Но вернёмся к теме. Если попытка ухода от ситуации оказалась безрезультатной, то человек, естественно, остаётся в прежней, неприятно привычной для него атмосфере конфликтных взаимоотношений.

Что далее – известно одному Богу. Возможно, убедившись в нереальности радикального изменения своей жизни, человек смирится с судьбой и, полагаясь на Бога, будет безропотно и терпеливо нести свой крест. Принимая всё, как есть, он станет как бы настраивать себя на неизбежность конфликтов, «узаконивать» и даже прогнозировать их. Это крайне необходимо, чтобы вовремя дать себе установку не

ввязываться в очередной конфликт, по возможности избежать его, не поддаваясь на провокацию противной стороны. Иначе говоря, человек будет стараться изменить своё отношение к ситуации, коль уж изменить ситуацию ему не под силу. Но, к сожалению, защитить себя неким психологически непробиваемым, глухим экраном, научиться не принимать близко к сердцу выпады оппонента способен, увы, далеко не каждый.

Конечно, не исключено и другое: отсутствие надежды на «свет в конце туннеля», осознание того, что сложившаяся ситуация долгосрочная и выживать в ней необходимо повседневно, вполне могут сделать человека жёстким и даже агрессивным в отношении партнёра-соперника.

Однако самым худшим в данной ситуации является третий вариант поведения (не столь уж редкий). Это подавленность, отчаяние, полная потеря оптимизма и сопротивляемости жизненным невзгодам.

Итак, реакция человека на неудавшуюся попытку вырваться из конфликтной ситуации проявляется в одной из трёх характерных форм дальнейшего поведения. Время пребывания в одном из этих состояний может быть различным (у многих – вся оставшаяся жизнь), но никогда не бывает равным нулю в силу инерционности процесса: адаптация к ситуации, как и поиск выхода из неё, требуют определённого времени.

А пока – всё та же знакомая нам конфликтная ситуация,

но только с изменившимся отношением к ней со стороны действующих лиц – одного или обоих. Осознав неизбежность длительного совместного пребывания в зоне общих интересов, обе стороны будут так или иначе стремиться к самоутверждению и демонстрировать некую независимость в пределах «общей клетки». В результате этого вполне возможно, что и скандалы, и выяснения отношений, когда уже и без того всё ясно, будут реже (ибо и ссориться-то уже противно).

Относиться теперь к очередным ссорам, пусть даже и редким, конфликты будут уже по-иному – как к поединкам фехтовальщиков или боксёров, стремясь расчётливо нанести свой удар, одновременно парируя удары противника. Здесь уже не беспорядочное размахивание руками, а продуманная тактика нападения и защиты. Однако никакая защита не может быть идеальной, не все удары оппонента могут быть парированы: отдельные оскорбительные доводы и обвинения пробивают брешь в обороне и глубоко ранят человека, особенно человека чувствительного, с подвижной эмоциональной сферой. Конечно, отсутствие надежды на то, что «всё будет хорошо» и, как следствие, досада и отчаянье могут привести и к обратному результату – расширению «ассортимента» поводов для энергичных ссор.

В общем, война или активная, горячая, или гнетущая, холодная, но в любом случае – бесконечная.

Такую длительную нервно-психическую нагрузку способен выдержать далеко не каждый, что и создаёт предпосылки для поиска компромисса, того самого мира «на основе взаимных уступок».

Стремясь нормализовать отношения хотя бы внешне, избавиться от изнуряющих скандалов и т.д., стороны могут начать дружественные переговоры по собственной инициативе или с подачи примирителя (опять же – троичная структура). Таким миротворцем и советчиком может быть родственник, общий друг, сослуживец и т.д. Конечно, вариант примирения добровольного, когда конфликтёры обходятся без посреднической миссии третьего лица, более ценен, т.к. это – «крик» собственной души, а не навязанная извне логическая схема. Но при этом необходимо, чтобы «кричали» обе души одновременно или же «крик» одной находил отзыв у другой, ибо компромисс достижим только при взаимном стремлении к нему. Это важнейшее условие прямо вытекает из формулировки понятия «компромисс», трактуемой словарём. Несоблюдение данного условия приводит не только к простому продолжению конфликтного сериала, но и к ухудшению ситуации, сложной и без того. Односторонние уступки чаще всего к миру не приводят: милостиво принимая их, вторая сторона расценит это как слабость и косвенное признание партнёром своей вины. А уверовав в свою правоту, иной человек будет бесконечно наглеть. (Нельзя добиться

равновесия чаш, снимая до бесконечности гири только с одной из них – именно так будут смоделированы на весах описанные взаимоотношения.) Но предположим, что всё – добровольно и взаимно. Путём встречных уступок стороны добились перемирия. Перерастёт ли оно в устойчивый мир – покажет время. А пока что стороны пытаются нормализовать взаимоотношения, заключив своеобразный договор, требования которого удовлетворяли бы обоим.

Это соглашение, по сути, представляет собой разработанную и «утверждённую» сообща модель будущих взаимоотношений, своего рода моральный кодекс, обязательный для исполнения обеими сторонами.

Выше говорилось уже, что стремление отыскать третий вариант из двух возможных – вполне естественно для человека, с его троичной сущностью. Именно она удерживает нас от опасности сходу решать ту или иную дилемму, т.е. поспешно выбирать одну из двух *нежелательных* возможностей. Интуитивное восприятие троичности подталкивает человека к поиску третьего, более благоприятного варианта. Внутренний голос (голос души) как бы рекомендует: «Пораскинь мозгами». И как ответная реакция, в работу включается мыслительный аппарат: логика, способность анализировать, синтезировать и т.д., что может привести к нахождению более приемлемого решения – компромиссного. У людей, пребывающих в напряженном состоянии взаимного отчуждения и ожидания очередных ссор, есть два альтернатив-

ных решения: или в силу усталости прекратить активную самооборону и сдаться на милость судьбы (а там уж – куда кривая поведёт), или разрушать и далее нервную систему в бесконечном конфликтном сериале, бесплодно надеясь на чудо.

И когда эта обнажённая истина явит себя во всей ужащающей глубине, одному из этих несчастных или им обоим человеческая триада подбросит спасительную соломинку: идею возможного компромисса. И тогда на мрачном горизонте взаимоотношений забрезжит слабенький, но обнадеживающий свет. Конечно, эта слабая надежда может и не реализоваться с первой попытки. Возможно, что она вообще никогда не сбудется, но шанс на успех всё-таки есть, и его нельзя упустить, дабы не корить этим себя впоследствии.

Говорить о «механизме» подготовки и формирования компромисса можно только после хотя бы приблизительного уяснения сути последнего.

Этот вариант – не панацея, не всеисцеляющее средство, призванное изменить вдруг, «по-щучьему веленью» характеры людей или гармонизировать их взаимоотношения в полном объёме. Нет! Каждый из них остаётся самим собой, т.е. личностью, уже сформированной определённым образом на данный момент.

Компромисс призван отрегулировать только внешние отношения людей, и не более того. Он должен очистить их общение от изнуряющих ссор и разборок, внеся тем самым в него определённый комфорт.

Компромисс – это форма управления планом внешним с помощью внутренних, сокрытых вожжей – духа и души. Это – явление этического характера, действие которого сфокусировано на рамочных проблемах только и только внешнего плана человеческой триады.

Как уже отмечалось, инициатором подготовки компромиссного решения является вторая ипостась нашей триады – душа. Именно она как посредник между интересами плана духовного и побуждениями плана физического более всего страдает при деформации каждого из них. Будучи «третьей-ским судьёй», она, как и всякий судья, хорошо зная законы, по которым живут её «подопечные», стоит на страже этих законов.

Если душа низкая, «заземлённая», т.е. тяготеет к материальному плану, то она интуитивно почувствует потенциальную угрозу этому близкому ей плану, хотя опасность и сокрыта пока, как мина замедленного действия, в глубинах ныне существующих конфликтных отношений. Душа же возвышенная, естественно, будет предупреждать о потенциальной опасности более близкий ей по «родству» духовный план человеческой триады. Но в любом случае именно душа первой возвестит: «Так дальше жить опасно!» и тем самым создаст предпосылку к поискам компромисса как последней надежды хоть на какой-то просвет. Она как посредник-миротворец предложит обобщённый вариант выхода из сложившейся конфликтной ситуации, в основе которого будет *крити-*

ческое отношение к собственным поступкам. «Начни с себя, – словно рекомендует наша душевная ипостась, – без этого невозможны дальнейшие шаги к миру, хотя бы и внешнему». Это ещё не компромисс, не уступки в пользу другой стороны, но уже приведение себя в готовность к этим уступкам.

Создав в триаде атмосферу самокритичного отношения, наш внутренний судья как бы обязывает разум, составляющую духовной ипостаси, разработать индивидуальную модель компромиссного решения и согласовать её с физическим планом. Иными словами, в результате самокритического анализа человек должен решить для себя, на какие именно уступки он способен пойти; от каких прав, привычек и привилегий отказаться; какие обязанности может взять на себя и т.д. Затем весь этот умозрительный набор необходимо апробировать на материально-физическом плане и убедиться на практике в реальности той или иной уступки. В результате этого своеобразного экзамена будет сформирован перечень возможных односторонних уступок, т.е. будет создана личная, своя часть общей модели примирения.

Естественно, что-то при этом продумывается и за партнёра, т.е. предполагаются его возможные встречные предложения и взаимные уступки. Ожидание их вполне естественно и оправдано, о чём и говорит Христос в Нагорной проповеди: «Давайте и дастся вам... ибо, какую мерою мерите, такую же отмерится и вам» (Лк. 6, 38). Как видим, эта заповедь

начинается со слова «давайте», т.е. первичным для каждого должно быть движение от себя к другому, а не наоборот.

Когда обе стороны настроены подобным образом, т.е. на отдачу, компромисс будет достигнут; если же хотя бы одна из них рассчитывает на максимальное получение при минимальной отдаче или полном её отсутствии, успех маловероятен. «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте и не будете осуждены; прощайте и прощены будете» (Лк. 6, 37), – эта Христова заповедь непосредственно указывает путь к компромиссному миру.

При попытке же «раскрыть другому глаза», чтобы «вынуть из них сучок», да ещё при этом требовать извинений за прошлое и обещаний на будущее провал переговоров гарантирован. И Учитель предупреждает: «Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?.. Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (Лк. 6, 41–42).

Но мы уже сделали допущение, что всё нормально: обе половинки общей модели поведения, оказавшись взаимоприемлемыми, соединились, компромиссное решение найдено и взаимно принято. Но пока это только решение, т.е. благие намерения. Сделаем ещё одно допущение: стороны добросовестно выполняют условия взаимного соглашения. На внешнем плане взаимоотношений установилось спокойствие, чаши весов, моделирующих состояние этого плана, пришли в

равновесие. Но это спокойствие поверхностное. Конечно, по сравнению с недавним прошлым это уже прогресс. Внешнее компромиссное спокойствие даётся бывшим конфликтёрам ценой огромного внутреннего напряжения.

Придя к компромиссному миру, стороны будут следить в большей степени за поведением партнёра (в плане выполнения им условий соглашения), нежели за своим собственным. Неверие в искренность другого человека, что в данной ситуации вполне оправдано, приводит к двойной оценке, двойному взвешиванию поступков. Причём на разных весах: общих (открытых) весах компромиссного спокойствия, наблюдаемых обеими сторонами, и весах личных (сокрытых), наблюдаемых втайне от другой стороны. Это напоминает повторное взвешивание продукта на контрольных весах. При этом мы в большей степени доверяем последним, хотя и они не без греха.

Таким образом, модель компромиссных отношений, особенно в начальной стадии, представляет собой триаду весов (троичностей), двое из которых – личного пользования и одни – совместного. При этом первым мы искренне верим; что же касается вторых, то это – или «свежо предание, но верится с трудом», или же – видимость доверия.

Внешние, общие весы моделируют структуру, в которой две сущности (действующие лица) искусственно создали третью (общую программу действия). Теперь уже есть и кому работать, и над чем работать. На чашах этих весов разме-

щаются, подобно гирям, реальные деяния обеих сторон. Зона, в которой должно сохраняться и поддерживаться равновесие, служит совместный моральный кодекс. С ним и во имя его будут сравниваться все действия сторон на внешнем, проявленном плане.

Это соглашение является и своеобразным эталоном поведения (законом), и «третейским судьёй» одновременно. Правда, иногда роль последнего может исполнить вполне реальное третье лицо (посредник-миротворец). Но это – скорее в тупиковой, очень спорной ситуации, когда возможно разночтение поступков.

Таким образом, на общих весах сравнивается *реальное с предполагаемым*, т.е. то, что есть, с тем, что должно быть. Образно говоря, они служат для оценки поступков сторон с позиций буквы закона – в большей степени и с позиции духа – в меньшей степени.

На личных же весах – наоборот: здесь поступки оцениваются не по закону, а по совести (по своей, конечно). И компромиссный мир сохраняется до тех пор, пока показания тех и других весов не расходятся или расходятся незначительно.

Ранее говорилось, что конфликт на любом уровне имеет в принципе три активных варианта решения: два абсолютных (безоговорочных, силовых) и один относительный, компромиссный как общее их дитя.

Действительно, оба «родителя», отдав часть самих себя друг другу, произвели на свет третью сущность: совместную программу поведения. Конечно, ребёнок этот, как и должно быть, унаследовал качества их обоих. И хотя это чадо родилось скорее по необходимости, нежели по обоюдному желанию, оно тем не менее будет соединительным, примиряющим родителей звеном. И относиться они к нему будут вполне по-родительски, т.е. каждый из них будет ревновать ребёнка к другому. А отсюда – и взаимные подозрения в допущении запрещённых приемов, могущих как-то перетянуть общее дитя на свою сторону. Так что скрытое взаимное недоверие в компромиссной ситуации вполне объяснимо.

Компромисс, несмотря на внешнюю уступчивость сторон, схема довольно жёсткая, требующая от человека нестандартного, непривычного для него поведения. Сознательное насилие над собой вызывает эмоциональный дискомфорт, напряжение душевного плана. Естественно, это состояние партнёра замечает и другая сторона, также болезненно переживающая ломку стереотипа своего поведения, что усиливает общую напряжённость. И только благодаря духовному плану человек способен сохранить контроль над ситуацией, да и то не всегда. Это зависит от соотношения противоборствующих сил, т.е. степени влияния плана духовного и плана физического (точнее – физиологического) на душу человека. Ситуация напоминает любимую флотскую игру – перетягивание каната.

Предшествующая компромиссу конфликтная ситуация явилась следствием «разъедания» троичности взаимоотношений двух человек. Образно говоря, эти люди «пилили сук, на котором сидели». Однако, это ослабленное связующее звено ещё живо, и в результате достигнутого компромисса оно укрепляется и сильно видоизменяется, становясь, подобно весам, символом справедливости, общим для обеих недружелюбных в прошлом сторон.

В конфликтной ситуации каждый из противников, естественно, стремился побольше прихватить из общего достоинства, зоны общих интересов. В ситуации же компромисса наоборот – они должны взаимно уступать и привносить в эту зону нечто от себя, и по возможности – больше. На модели троичности, общих весах, такая ситуация представляется следующим образом. Каждая из сторон снимает со своей чаши часть гирь-аргументов. Более того, она может даже переложить их на чашу бывшего соперника, явив тем самым верх благородства.

Ранее отмечалось, что компромисс в целом воспринимается человеком как дискомфортное состояние. Подспудная тревога на внутреннем плане обусловлена не столько явными нарушениями договора на плане внешнем (их может и не быть вообще), сколько страхом ожидания этих нарушений со стороны партнёра. Люди живут в непредсказуемой ситуации, подозревая друг друга в чёрных мыслях и преднамеренных недоработках. Впрочем, всё это вполне объяснимо, если

учесть совсем недавнее пребывание партнёров в конфликтных отношениях. Поэтому показания интуитивных, сокрытых весов, которым каждый из них полностью доверяет, и весов, на которых открыто оцениваются реальные поступки, не всегда совпадают.

Значительные расхождения показаний тех и других весов приводят к осложнению ситуации, расшатыванию компромисса и даже явным нарушениям условий договора. Как «оно всё» будет дальше – трудно сказать: то ли прощение (возможно, уже не первое), то ли скатывание к разборкам и упрёкам, то ли ещё что-нибудь.

Да, компромисс не приносит полного удовлетворения и внутреннего спокойствия, и тем не менее это – *единственно человеческий вариант* нормализации взаимоотношений, урегулирования спорных вопросов в зоне общих интересов. Он может быть изначально добровольным (по зову взаимных симпатий и в силу врождённого миролюбия); может упредить назревающую конфликтную ситуацию при разумном, взвешенном подходе сторон к оценке перспектив их взаимоотношений; наконец, он может вырасти из уже создавшейся конфликтной ситуации как способ её разрешения. Но в основе любого из этих трёх вариантов лежит одно и то же: уступка доли интересов своих в пользу интересов другого и во имя интересов общих.

Компромисс, при всех его минусах, для каждой отдельно

взятой стороны несёт в себе огромный, чисто человеческий «плюс» для них обеих, вместе взятых. Эта искусственная ситуация выработана людьми, ибо их троичные структуры венчает план Духа, данный Богом только человеку. Заключение договора на условиях взаимных уступок и последующее неукоснительное соблюдение этих условий являет собой торжество человеческого начала над животным, духовности над самостью и себялюбием.

Животное не способно на уступки в зоне общих интересов. Природный инстинкт делает его поведение максималистским: «всё или ничего». Даже среди двух, на первый взгляд обоюдно сильных, противников кто-то в конечном счёте окажется уничтоженным или изгнанным из ареала. Утверждение «что моё – то моё» присуще и человеку, но, к счастью, далеко не каждому.

Компромисс – это решение нашего «третьего судьи», т.е. души, в пользу верхнего плана. Но сама-то душа каждого из бывших конфликтёров после принятия такого решения спокойствия не обретает, находясь под ответным воздействием ущемлённого ею физического плана. Общее благо на внешнем уровне взаимоотношений, т.е. мир и спокойствие, куплено ценой душевного комфорта их обоих. Не слишком ли высока цена?

Нет, хотя бы потому, что в конфликтной ситуации страдали *все* планы, в том числе и физический: нервная, сердечно-сосудистая системы и т.д. Более того, компромисс – во-

обще необходимое условие, *основа* нормальных в этическом плане взаимоотношений с любым человеком и в любых условиях. Искусство общения с людьми, способность жить среди них в значительной степени сводится к умению идти на компромисс с этими людьми и длительно пребывать в этом состоянии.

Ситуация компромисса была, есть и будет «вокруг нас» и во времени, и в пространстве, с детских лет и до глубокой старости, в любых жизненных обстоятельствах, соединяющих нас с другими людьми хоть ненадолго.

С раннего детства человека учат жить, и в этих уроках красной нитью проводится идея (должна, по крайней мере) уважения к себе подобным, терпимости к недостаткам других, ибо только при таком подходе можно рассчитывать на терпимость к собственным «минусам». Иными словами, нас с юных лет приучают к нормам поведения в условиях общежития, в основе которых лежит компромисс. Привитая в детстве способность к самопожертвованию становится в дальнейшей жизни мощным средством самовоспитания, подавления в себе соблазняющего голоса физического плана. Это – оселок, на котором в человеке оттачивается *человеческое* и притупляется *животное*.

Конечно, в природе живого мира существуют отношения, внешне похожие на компромисс. Это – симбиозы организ-

мов разных видов, приносящие им взаимную пользу. Каждый из индивидов отдаёт, но совершенно безболезненно, «что-то» своё для комфортного существования другого. Зонной общих интересов этих сожительствающих организмов является биологическое выживание. Но всё это имеет место только благодаря инстинкту, ни о каком осмысленном поведении речь, естественно, не идёт.

У человека же подобные действия далеко не бесконтрольны. И даже тогда, когда главную роль в его поведении играет инстинкт, значение последнего активно корректируется высшим планом триады.

Так, мать, вскармливая и закрывая собой беспомощного ребёнка, совершает всё это в основном в силу инстинкта. И в этом смысле её поведение *в принципе* не отличается от поведения самки животного. Но это – только на определённом этапе, когда происходит закладка физического здоровья ребёнка как фундамента его дальнейшей биологической жизни.

Дальнейшие же пути становления человека и животного расходятся. Как только под эгидой материнского инстинкта детёныш животного достаточно окрепнет и получит необходимые навыки для самостоятельной жизни (добывание пищи, самозащита и т.д.), мать и дитя теряют взаимный интерес друг к другу (инстинкт материнства «отработал своё»). Но у человека, с его развитой троичностью, всё неизмеримо сложнее, ибо он формируется не только как биологический

индивид, но и как личность.

Процессы гармоничного становления человека неразрывно связаны между собой. Бессознательный родительский инстинкт работает совместно со средним и высшим планами триады, т.е. носителями нравственных и духовных ценностей, что делает воспитательный процесс вполне осознанным и целенаправленным. Именно ипостаси духа и души родительской триады играют решающую роль в формировании личности ребёнка.

Всё это – прописные истины, но при чём здесь компромисс, от которого мы оттолкнулись в наших ушедших в сторону рассуждениях? Пока – абсолютно ни при чём.

От момента рождения потомка и до получения им «путёвки в жизнь» родители проходят длинную и тернистую стезю сознательных лишений и уступок, граничащих с самопожертвованием. Они по существу лишены зоны личных интересов, т.к. последние прямо или косвенно подчинены интересам ребёнка. Стремясь к тому, чтобы у него было всё «не хуже, чем у других», мать и отец выкладываются подчас до полного изнеможения – физического и морального. К тому же под влиянием различных обстоятельств может измениться шкала жизненных ценностей родителей. Это приведёт к болезненной ломке стереотипов воспитания. Внутренние, психологические трудности могут оказаться мучительнее и длительнее внешних, бытовых.

И всё эти жертвы приносятся родителями во имя един-

ственной, но многогранной цели: по возможности сформировать человека в соответствии со своими, не всегда стабильными, родительскими представлениями о том, «что такое – хорошо, и что такое – плохо».

Но вот, по мнению родителей, в отношении ребёнка ими сделано всё, на что они были способны. Повзрослевший воспитанник вполне готов к самостоятельной жизни. В каком же направлении он сделает первый шаг? Трудно сказать, но в любом случае этот шаг должен быть *человеческим* – взрослый ребёнок обязан поступиться частью своих интересов и открывающихся возможностей во имя родителей, воспитателей. Иными словами, сделать свой первый встречный шаг в растянутой на десятилетия компромиссной программе «отцы и дети». Программа эта представляется как продиктованный Богом договор родителей и детей, с *разнесёнными во времени* взаимными уступками сторон, как компромисс длительного действия, а не система односторонних жертвоприношений отцов во имя детей.

Бог не дал животному обратной связи от ребёнка к родителю. Повзрослевший индивид не заботится о своей матери, устраивая исключительно собственную жизнь и жизнь теперь уже своих потомков, ибо в эволюции животного это было бы тормозом. Вся жизненная энергия животного устремлена только вперёд, т.е. к потомству, в целях биологического

совершенствования последнего. И нет никакой отдачи энергии назад – в сторону уже ненужных предков.

И только для человека Всевышний установил эту связь. С какой целью? Об этом – позже, а сейчас важен сам факт.

Творец, зная (не до конца, конечно) цену своему творению, в котором достаточно сильно развито животное начало, назидает человека следующей заповедью: «Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой...» (Втор. 5, 16). Так что вся жизнь человека, исполняющего функции и предка, и потомка, спроектирована Богом по принципу непрерывного компромисса. И каждая из сторон этого освящённого Богом договора проживает за время одного цикла две полярно противоположные роли: дающего и принимающего, сильного и слабого, воспитателя и воспитанника и т.д.

В период смены этих ролей, продолжительность которого может быть различной, происходит «встреча» взаимных уступок, когда родители *ещё*, а дети *уже* способны к взаимопомощи. Какое-то время эти уступки сосуществуют, а далее – всё более и более расходятся по своей значимости. Усиливается роль уступок со стороны потомков и ослабевает со стороны стареющих предков (в силу их возраста). В конечном счёте уступки первых становятся единственными, а значит, и односторонними. Теперь уже в многолетнем компромиссе родителей и детей прямая связь исчерпана полностью, и практически работает только обратная связь.

Обратимся ещё раз к приведённой выше ветхозаветной заповеди, а точнее – к её продолжению. Давая человеку установление заботиться о своих предках (почитать их), Бог одновременно с этим и обосновывает данное требование, и стимулирует его исполнение: «...чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь Бог твой даст тебе» (Втор. 5, 16). Как понимать это? Возможно, Творец провидит в заботе человека о престарелых родителях залог обеспеченной и почитаемой его собственной старости (по принципу: «какой мерой меряете, такой и вам будет отмерено»). Возможно, но мне ближе иное понимание божественного назидания. Почитание человеком его предков – это надёжная гарантия комфортного состояния собственного душевного плана. Это – спокойная чистая совесть, отсутствие терзаний и мук по поводу неисполненного долга. Это – ощущение близости к Богу через исполнение Его заповедей. Это – торжество *человеческого* начала над животным и разума над инстинктом. Наконец, от этого зависит даже продолжительность жизни человека: «чтобы продлились дни твои».

Родителям, прошедшим школу самопожертвования и исполнившим божественную заповедь в отношении *своих* предков, *уже* должно быть «хорошо на той земле». Они вполне заслужили эту награду перед Богом, хотя мудрый Соломон и предупреждает: «Все пути человека чисты в его глазах, но Господь взвешивает души» (Притч. 16, 2). Допустим

же, что души наших абстрактных предков взвешены (оценены) Богом и погружены в комфортное, гармонизированное состояние.

Теперь очередь сына или дочери исполнить заповедь взаимной любви во имя Бога, родителей и самого себя. Кстати, последний стимул, несмотря на «привкус» эгоизма, весьма немаловажен для компромисса. Ибо достижение внутреннего, душевного спокойствия, а не только внешнего, есть конечная, но практически несбыточная цель любого компромисса.

Интересно, что из всех заповедей «по горизонтали», регламентирующих отношения меж людьми, именно эту, рассматриваемую нами, Бог дает Моисею первой (см. Втор. 5, 6–20; Исх. 20, 2–17), чем и утверждает её значимость, подчеркивая, насколько же тяжек грех человека, сползшего на животный уровень отношения к своему предку, т.е. потерявшего человеческий облик. «Заметьте, что неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности», – утверждает Пушкин устами героя неоконченного произведения «Гости съезжались на дачу...».

Конечно, в компромиссе «отцов и детей» взаимные уступки тех и других не только значительно разнесены во времени, но и сильно разнятся по качеству и количеству. Это и понятно: дети никогда не смогут дать родителям столь-

ко, сколько они получили от последних. Но как ни парадоксально, встречаются люди в родительском возрасте, сетующие на подобную (с их точки зрения, конечно) несправедливость. Ведь вполне очевидно, что у взрослых потомков помимо глубоко любимых и почитаемых отца и матери есть уже свои семьи. Цикл повторяется: дети становятся родителями, и на исполнение *своего* родительского долга они, естественно, будут расходовать львиную долю сил, средств и времени. Иначе человеческому обществу грозит деградация: слабые (в широком смысле), заброшенные дети дадут, в свою очередь, ещё более слабое потомство. Жаль, что это так туго осознаётся некоторыми обидчивыми бабушками (чаще) и дедушками.

На модели троичности компромисс «отцы и дети» в первой своей фазе будет выглядеть, как всё более усиливающийся разбаланс весов в сторону интересов ребёнка. Это происходит за счёт добровольной отдачи гирь-интересов с чаши предков на чашу потомков. По достижении максимального отклонения происходит его фиксация, т.е. остановка весов. Это и есть тот самый период смены ролей дающего и принимающего, о чём речь шла выше. Далее начнётся медленное движение чаш в обратную сторону за счёт перемещения гирь с чаши детей на чашу родителей. Совершается ли это из любви к предкам или под давлением божественной заповеди – для поведения модели значения не имеет. Разбаланс весов уменьшается, но никогда не станет равным нулю, т.к.

полного равновесия достичь невозможно в силу причин, изложенных выше.

Эта разновидность одновременного (название условно) компромисса встречается «вокруг нас» довольно часто в дружбе, длительном сотрудничестве и др. как проявление высоких нравственно-этических, поистине человеческих качеств.

На первый взгляд, компромисс представляется нам чисто пространственной троичной структурой, привязанной к реальности только «по месту»: кто, что и кому должен уступить. Совершая частичные уступки (или только готовясь к ним) во имя «чего-то» общего, мы подразумеваем относительно скорую, а иногда – почти мгновенную реакцию другой стороны, т.е. взаимную уступку без промедлений. Но так бывает далеко не всегда.

В общем случае любой договор, в том числе и «основанный на взаимных уступках», действует в определённом интервале времени – от заключения до расторжения. Следовательно, компромисс как временная структура подразумевает прошлое, настоящее и будущее.

Возможен ли компромисс с собой?

Компромисс как напряжённая форма взаимоотношений является своеобразным испытанием, учиняемым Богом человеку. Цель этого экзамена – выявить в составе челове-

ческой триады истинного лидера: план физический или же план духовный. Окончательное решение принимает душа – средний план триады.

«Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть! Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6, 24). И, обращаясь к сребролюбивым фарисеям, Христос с укоризной говорит: «...вы выказываете себя праведниками пред людьми, но Бог знает сердца ваши: ибо, что высоко у людей, то мерзость пред Богом» (Лк. 16, 15).

Учитель открытым текстом, без иносказаний и притчей говорит о том, что в человеческой триаде не может быть компромисса между планом нижним, материально-физическим, символом которого является маммона (богатство), и планом верхним, духовным, т.е. Богом, а точнее – божественным началом в человеке.

Душа человеческая как третейский судья в споре граничных планов не имеет права «по должности» на нейтральную позицию: она должна принять конкретное решение. И примет его в пользу более близкого ей, а значит, и более влиятельного плана. Она будет защищать и оправдывать его мотивы, представляя собой адвоката и судью в одном лице. И тогда человек уже *со спокойной душой* может выразить себя в поступке, ибо решение его души равнозначно решению самого человека.

Правда, в русском языке есть красивые изречения типа «пойти на сделку с собственной душой» или «на компромисс с совестью» и т.д., которые своим существованием вроде бы утверждают возможность подобного. Мне думается, что это – чисто риторические утверждения, ошибочные по своей сути. Компромисс возможен *только* между физическими планами двух человеческих триад, ибо он проявляется *только* в действии, поступке (или отказе от такового).

Поскольку человек располагает всего одним физическим планом, постольку «договор на основе взаимных уступок» в пределах собственной триады в принципе невозможен. Спокойствие души, состояние внутреннего комфорта есть в конечном счёте следствие *победы* одного из планов над другим, а не компромисса. Но человек, не осознавая этого, обманывает себя, ошибочно считая, что у него «и волки сыты, и овцы целы».

Человеческая триада «срабатывает» в этом случае, как система, состоящая из двухполюсного магнита и стального шарика, размещённого между его полюсами.

Эту систему можно считать физической моделью, демонстрирующей невозможность компромисса между ипостасями триады. («Опять эти железные аналогии!» – упрекнёт меня читатель. Что ж, оправдаться я могу только тем, что неэтичность данного примера компенсируется его наглядностью.)

Будучи освобождённым от связей, шарик устремится к то-

му полюсу, который ближе. Он никогда не займёт равновесного (среднего) положения между полюсами, хотя на первый взгляд такое вроде бы возможно.

Заменим в тройственной модели магнитные полюса на планы материально-физический и духовный, а шарикку отдаём роль души, т.е. «третейского судьи». Может ли его решение «зависнуть» между интересами планов верхнего и нижнего? Нет, конечно.

Оно будет определяться только и только мировоззрением этого судьи. Если судья-юрист обязан руководствоваться в своей деятельности исключительно требованиями Закона независимо от субъективных мнений и личных симпатий, то судья в человеческой триаде таких *внешних* законодательных норм не имеет. Критерием правильности принимаемого решения для него будет только наработанный им комплекс личных, *внутренних* представлений о правильном и неправильном. Сформированное таким образом мировоззрение выливается в убеждение, а затем – и в решение.

Как уже говорилось, формирование души человека зависит от многих факторов, которые «просеиваются» в неё через своеобразные фильтры крайних планов: высшего, духовного (божественное начало в человеке) и низшего (инстинкты, присущие человеку как биологическому виду). И в зависимости от того, *чей* вклад в душу будет более весомым (в смысле качества и количества отфильтрованного материала), такова будет в целом и душа: возвышенная к плану ду-

ховному или заземлённая планом материально-бытовым.

Будучи средним планом (с весьма сложным «рельефом» и разветвлённым «контуром»), она разъединяет и одновременно соединяет планы крайние. В силу этого душа является воспитанницей каждого из них. И как всякий воспитанник двух учителей испытывает внутреннее влечение к ним в разной степени, так и душа человеческая тяготеет к граничным планам триады неодинаково.

В человеке одновременно живут, но не могут одновременно проявиться взаимоисключающие друг друга качества «чёрные» и качества «белые». Они порождены противостоящими по своей сущности ипостасями триады. Поэтому здесь не может быть ни мира, ни даже короткого примирения «на основе взаимных уступок», т.к. последние просто исключены. При таких резких и глубоких расхождениях сторон во взглядах несколько смягчить (не примирить!) остроту взаимного неприятия может только сильный, объективный посредник. Но наш «душевный» посредник, к сожалению, объективностью не отличается. Примыкая заведомо к одному из планов, душа усиливает его и тем самым ослабляет план противостоящий. Компромисс же сильного со слабым по природе своей невозможен. Здесь может быть только подавление, т.е. абсолютный вариант решения конфликтной ситуации.

Как часто мы, вопреки логике (голосу рассудка), оправдываем свои действия только тем, что к чему-то или к кому-то «лежит (или не лежит) душа».

Внешне решение нашей души выглядит как решение, принятое самим человеком и реализованное им в поступке. Что же при этом взяло верх: эгоизм или жертвенность, низкий инстинкт или высокая порядочность, страх ответственности или чувство ответственности? Всё зависит, как уже говорилось, от внутреннего голоса, переходящего порой в «крик души».

Чаще всего в этом крике слышатся терзания души, разрывающейся между духом и телом – антиподами в человеческой триаде.

В христианской традиции плоть укрощается во имя торжества духа. Апостол Павел с присущей ему категоричностью утверждает в Рим. 8, 8–13: «...Живущие по плоти Богу угодить не могут». И далее: «...если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете».

Уже на стадии усвоения исходной информации (например, при встрече с дилеммой, от решения которой, увы, не уйти) сказывается привязка души к одному из планов триады. Конечно, неизбежное «быть или не быть?» будет мучительным по-разному для разных людей в одной и той же ситуации: для одних – долгие терзания, для других – почти мгновенное решение.

Первые, пытаясь найти решение типа «и волки сыты и овцы целы», безнадёжно и мучительно ищут компромисса с

собой. Душа, подверженная соизмеримому влиянию обоих граничных планов, не имея чёткого ориентира в триаде (стабильной шкалы жизненных ценностей), мечется от одного плана к другому и, наконец, робко пристаёт к более сильно-му.

Вторые, «нутром чуя» невозможность «срединного» решения проблемы, доверяются голосу своей души и принимают абсолютное решение совершенно безболезненно. Замечу, что для нас в данном случае важна не нравственная оценка решения, а скорость и уверенность, с которыми это решение человек принимает.

Однако и после принятия решения, и даже его воплощения люди, для которых мотивы и доводы обоих планов почти равноценны, не находят себе покоя, сомневаясь в правильности содеянного. «В человеке борются два чувства», – вот трафаретная формулировка подобного душевного состояния. Терзание это может оказаться столь сильным, что иной человек подводит себя к экстремальному решению: уходу из жизни или кардинальному изменению её образа. Отшельничество, монашество, преднамеренный поиск смерти на войне и риск собой во имя служения Идеи – хотя и не частые, но наглядные тому примеры.

Апостол Иуда Искариот, имя которого стало символом вероломства, раскаявшись в своём предательстве, «пошел и удавился» (Мф. 27, 3–5). Апостол Пётр, трижды отрёкшийся от Учителя в течение одной ночи, «...выйдя вон, горько

заплакал» (Лк. 22, 54–62). И до конца дней своих вершил он подвиг духовный, мужественно служа Христовой идее Царства, о чём повествует новозаветная книга «Деяния апостолов». Изнуряющее самообвинение и кратковременное самоуспокоение могут поочерёдно «раскачивать» жизнь человека в течение многих лет. (Внутренние весы не в состоянии успокоиться из-за постоянного смещения центра равновесия.) Какой уж тут компромисс с собой!

Но ведь существуют же в изобилующем количестве примеры поведения человека, напоминающие компромисс с собой. Эта видимость создаётся, когда человек пользуется *принципом* компромисса («жертвую малым во имя большего, частным – во имя общего») в ситуациях, далёких от компромисса.

В интересующих нас случаях этот принцип незаметно подменяется иным – «одним выстрелом убить двух зайцев», т.е. попытаться одним поступком удовлетворить противоречивые запросы крайних планов триады *таким образом*, чтобы жить со спокойной душой. И живут! Живут вокруг нас, и мы среди них, будучи подчас рационально-благородными и порядочными в меру.

Суть такого «универсального» решения заключается в отделении незначительной части интересов одного плана якобы в пользу другого. Внешне это выглядит как уступка (до-

пустим, плана физического в пользу плана духовного), но мы-то знаем, что сие невозможно. Как уже отмечалось, эти планы, непримиримые по своей природной сути, разнесены, кроме того, по «разные стороны» души, разъединяющей их и соединяющей одновременно. Так вот, именно она и поглощает все так называемые уступки. Именно ей, во имя её комфортного состояния и приносятся эти «жертвы», ибо только состояние души человека и определяет в конечном счёте степень его удовлетворённости исходом той или иной жизненной ситуации. Человек счастлив или несчастлив ровно настолько, насколько комфортно или дискомфортно его душе, независимо от состояния физического плана. Поэтому душа не может быть нейтральной, она будет стремиться к комфортному состоянию. И в этом смысле, если прибавиться к упомянутой выше магнитной модели, ведёт себя, как стальной шарик. Будучи изначально размагниченным, он после тесного и длительного контакта с одним из магнитных полюсов, намагничивается и теперь уже сам активно влияет на общую картину магнитного поля.

Так и душа, сформированная под влиянием более сильного плана, достигнув «совершеннолетия», начинает вершить судьбу триады. Напитанная энергией нижнего плана, душа становится не только судьёй, тонко подыгрывающим ему, но и его адвокатом и наставником в тех ситуациях, когда нижний план идёт *якобы на уступку* плану духовному. Дело в том, что материальный план триады, основанный на бес-

компромиссном животном инстинкте, просто «не додумался» бы вообще поступиться хоть чем-то своим, т.к. живёт по принципу: «что моё – то моё».

Но средний план, в силу структуры триады, находится и под воздействием плана верхнего, интеллектуального. А поэтому душа, естественно, и тоньше, и гибче, т.е. изощрённее грубого физического начала. Но на что же именно направлена эта душевная сообразительность? В данном случае – только на интересы нижнего, подзащитного плана, хотя и в завуалированном виде, конечно. Эта вуаль слетит, если всё перевести на видимую плоскость, т.е. в действия реальной личности. По замыслу хитрой заземлённой души, незначительная уступка в пользу плана духовного, да ещё сделанная прилюдно, (например, через телевидение) в конечном счёте должна окупить себя.

Внешне, конечно, всё напоминает благородное движение нижнего плана к компромиссу с верхним, этакую позитивную инициативу человеческой души. Но видимое – всего лишь ширма. А сокровенный расчёт весьма прост: с помощью внешне благородного жеста повысить авторитет (в новомодном варианте – рейтинг) в глазах окружающих, что приведёт человека в состояние глубокого самодовольства, желаемого душевного комфорта. Кроме того, этот дешёвый в прямом и переносном смысле фарс может принести, как и всякая реклама, некоторый материальный успех, что с избытком компенсирует изначальные, пусть даже совсем ми-

зерные, уступки. Налицо плодотворный союз материального и душевного планов.

Не только прилюдная демонстрация «высокой» морали оборачивается в конце концов победой нижнего плана (в союзе с приниженной душой) и поражением плана духовного. Псевдоблагородная уступка нижнего плана с не меньшим успехом может явить себя и в келейных условиях. Например, чтобы оказать ощутимую помощь другу или очень близкому человеку, попавшему в беду, необходимо расстаться со значительной частью своих материальных благ или полностью от них отказаться. Объективно – это возможно. Однако чаще бывает иначе. Дающий, жертвуя «от щедрот своих» нечто несоизмеримо малое, почти символическое, считает, что не просто жертвует, а вершит благодеяние и даже претендует на ответную благодарность.

При этом душа, очерстневшая и ставшая плотной и тяжёлой, оправдывает намерение родственного ей нижнего плана, шепнув ему: «другие и этого не дали бы». (Воистину, иное благодеяние бывает оскорбительнее его отсутствия.) Итак, благодетель спокоен и весьма доволен собой: максимум душевного комфорта при минимуме затрат на его обретение. Что ж, очень выгодная сделка инстинкта и нравственности, приспособившейся к нему. Продуктом их совместной деятельности является заурядная унижительная подачка в красивой упаковке бескорыстия и благого намерения. К тому же и этот жертвенный кусочек блага возвращается к «подателю

сего» как бумеранг. Видимо, нет смысла приводить примеры: их «вокруг нас» вполне достаточно. И, судя по реальностям нашего времени, станет ещё больше.

Однако в противоборстве планов верх может одержать и план духовный. Не будем лукавить: в настоящее время *такое* случается «вокруг нас» относительно редко, являясь в большей степени исключением, нежели правилом. Животное начало в человеке пока что остаётся достаточно сильным (не у всех людей, конечно), и механизм управления инстинктом не всегда справляется со своим «подопечным».

Но настойчивый и хорошо подготовленный наставник и не надеется сходу получить желаемый результат: он будет действовать последовательно и методично, добиваясь своей цели. Вот так же, в микродозах, воздействует и сильный духовный план на душу человека, выводя её из-под чрезмерного влияния плана физического. Раскаянье человека в поступке, который был совершён под воздействием плана низшего, является первой, но весьма внушительной победой плана высшего.

Весьма полезно пережить состояние души, которое предельно откровенно описал библейский пророк Иезекииль (Иез. 36, 31): «Тогда вспомните о злых путях ваших и недобрых делах ваших и почувствуете отвращение к самим себе за беззакония ваши и за мерзости ваши», а спустя примерно

две с половиной тысячи лет, – и А.С. Пушкин:

И с отвращением читая жизнь мою,

Я трепещу и проклиная...

А отсюда – недалеко уже и до благородного (сегодня это слово звучит как анахронизм) деяния, пусть даже и не слишком значительного внешне. В конце концов две лепты бедной вдовы (Лк. 21, 2–4) перетягивают всё то, что другие «от избытка своего положили».

Здесь, как и в варианте с планом физическим, цель в конечном счёте та же: достижение комфортного состояния человеческой души. Однако «качество» этого комфорта, а также его источники и методы достижения принципиально иные.

Душа заземлённая радуется успешным, хотя и безнравственным подчас поступкам человека на физическом плане. Это – радость *захвата* и торжество принципа «не важно действие, а важен результат». Но если душа станет соратницей высокого духовного плана, то обретение ею полного удовлетворения станет возможным только через *самоотдачу*, радости – через жертвенность. Достичь победы духа над инстинктом можно только при условии, провозглашённом Христом: «Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 33). Иными словами – одно из двух, среднего не дано.

Итак, нельзя соединить «договором на основе взаимных уступок» материально-физический и духовный планы триа-

ды, т.к. они различны по своей природе, и, значит, компромисс с собой не возможен в принципе.

Триада в любви

«Любовь – чувство, трудно поддающееся формальному определению. Любовь как интимное и глубокое чувство может быть устремлено на другую личность, человеческую общность или идею». Так формулирует понятие «любовь» Словарь по этике [6]

Любовь к ближнему

Читаем фрагмент из Евангелия от Матфея (22, 36–40): «Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим»: Сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя»; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки».

Несмотря на отдалённость приведённых выше литературных источников друг от друга идеологически и во времени, они в принципе одинаково характеризуют объекты любви – центры её устремления и направленности, хотя и по-разному их называют. Но понятия эти близки по смыслу, а посему общее подобие приведённых выше фрагментов не нарушается. Сравним их тексты.

Так, понятия «Бог» и «Идея» родственны. Бог и есть идея, причём идея абсолютная. «Другая личность» соотносится с «ближним». В евангельской заповеди, правда, отсутствует понятие «человеческая общность». Но это подразумевается, т.к. библейский закон в целом обращён к общности, израильскому народу – объекту отеческой Любви Творца: «Я – отец Израилю», – провозглашает Господь в Иер. 31, 9.

Как уже отмечалось, понятия «личность» и «ближний» являются соотносимыми, но не тождественными: ближний – всегда личность, но не каждая личность является нашим ближним. Впрочем, есть и принципиально иное мнение (правда, непоследовательное, противоречивое), культивируемое православием.

Понятие «ближний» является отправной точкой человеческих взаимоотношений, освящаемых любовью. Поэтому вопросы: «А кто мой ближний?» и «Кому я довожусь ближним?», а точнее – ответы на них, чрезвычайно важны для нас. Обратимся же в поисках этих ответов к Библии как «опорному» источнику, выбранному для данной работы.

Ещё за полтора тысячелетия до пришествия Христа Господь, давая через Моисея нравственные и другие заповеди Израилю, наставляет: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев. 19, 18).

Эта нравственная заповедь, а точнее – её вторая часть, резко выделяется среди других, носящих в целом запретительный характер. Суть их укладывается в короткую формулу: «Не сотвори другому зла». Именно это условие было необходимым и вполне достаточным для мирного сосуществования в рамках единого народа двенадцати израильских племён (колен).

На данном фоне божественное наставление «возлюби» воспринимается не как основа, моральный принцип бытия, а как его вершина, пока что недостижимая. Но подъём к этой высшей нравственной планке *автоматически* приводит к исполнению всех «нижележащих» моральных норм, что и утверждает апостол Павел в Рим. 13, 9–10: «Ибо заповеди: «не прелюбодействуй», «не убивай», «не кради», «не лжесвидетельствуй», «не пожелай чужого», и все другие заключаются в сем слове: «люби ближнего твоего, как самого себя». Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона».

Таким образом, заповедь любви, открываемая в Ветхом Завете через «закон и пророков», переходит в Новый Завет, становясь его нравственной основой, что и подчёркивает Христос в беседе с фарисеем (Мф. 22, 35–40).

Естественно, формулировки заповеди любви к ближнему в обоих Заветах одинаковы, ибо Христос цитирует фрагмент ветхозаветного стиха. Но заповедь, данная Израилю через Моисея, предваряется фразой: «Не мсти и не имей злобы на

сынов народа твоего». Иными словами, понятия «сыны народа твоего» и «ближний твой» далеко не одно и то же: для первых – достаточно отсутствия злобы и мести, а вторых – надо любить, как самих себя.

Апостол Павел в «Послании к евреям», пересказывая фрагмент Книги Иеремии (Иер. 31, 34), пишет: «И не будет учить каждый ближнего своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа...» (Евр. 8, 11). В параллельном же месте к данному тексту (Ис. 54, 13) эти категории людей объединены в понятие «сыновья твои» (народа Израиль). Как видим, для Павла «сыны народа», «ближние» и «братья» – не одно и то же.

В формулировке Христа подобное разделение отсутствует; точнее, отсутствует само понятие «сыны народа твоего». Это вполне естественно, ибо Евангелия призваны к научению всех народов (Мф. 28, 19–20). Но понятие «ближний твой» остаётся, тем не менее, весьма проблематичным. Причём не только для нас, ныне живущих, но и для современников Иисуса Христа. Об этом свидетельствует Его притча о милосердном самарянине (Лк. 10, 30–37), которую Учитель говорит в ответ на прямой вопрос: «А кто мой ближний?» (Лк. 10, 29). Интересно, что этот вопрос задаёт не простой, тёмный израильтянин, а законник, т.е. толкователь еврейского закона, знающий, безусловно, ветхозаветную заповедь о любви к ближнему.

Я не стану цитировать полностью текст довольно объём-

ной евангельской притчи, уповая на любознательность читателя, приведу лишь итоговый вопрос Христа, ответ законника и вывод из притчи: «Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди и ты поступай так же» (Лк.10, 36–37).

Вдумаемся в постановку вопроса, это очень важно. Христос спрашивает: *кто* из троих человек, встретивших раненого иудея, оказался *ему* ближним? Но Христос не ставит вопроса: *кому* из этих троих *он* (пострадавший) оказался ближним?

В общем случае, ответы на вопросы: «Кто мне ближний?» и «кому Я ближний?», вместе взятые, не подразумевают одно и то же лицо. Иными словами, становясь кому-то ближним, я, в принципе, ещё не обретаю в этом человеке ближнего для себя. Чтобы этот круг замкнулся нравственно и энергетически (а в этом, видимо, и заключается глубинная суть любви), необходимо, как минимум, выполнение следующего условия: человек, для которого волею судеб и в силу нравственных устоев я стал ближним, должен прочувствовать *это* и признать меня *таковым*. И тогда в соответствии с буквой и духом заповеди он должен полюбить меня, признанного ближнего, как самого себя.

Закрывающие притчу вопрос Христа и ответ на него еврейского законника (ответ, одобренный Учителем) являются своего рода рецептом того, как *стать* ближним (но не *об-*

рести ближнего!). Для этого надо просто совершить во имя другого человека благородное действие: оказать посильную помощь, простить неблаговидный поступок, пожертвовать частью своих благ без красивого прилюдного жеста, конечно, и т.д. Иными словами, оказать милость. «Ибо суд без милости не оказавшему милости; милость превозносится над судом» (Иак. 2, 13).

Итак, из заключительной части притчи следует, что ближний – это не любой и каждый вообще, а оказавший мне милость, т.е. обративший ко мне своё сердце. Надо только суметь услышать этот сердечный голос, оценить не столько само благодеяние, сколько намерение и желание его совершить. И тогда мир получит ещё одну пару ближних, взаимно любящих людей.

Казалось бы, притча Христа даёт ясный и вполне однозначный ответ на вопрос: кто есть ближний? И тем не менее «Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия» разъясняет: «Ближними нашими должно почитать всех, потому что, все – созданыя единого Бога и произошли от одного человека. Но те, которые одной веры с нами, должны быть особенно близкими нам, как дети одного отца небесного по вере Иисуса Христа» [7], с. 441.

Что ж, в общем случае любое мнение по интересующему вопросу требует уважения и внимательного отношения к се-

бе, тем более оно не может быть отвергнуто «с порога», когда исходит из авторитетного источника. Поэтому следует со всей серьёзностью отнестись к выводам архимандрита Никифора (автора энциклопедического труда), духовного писателя второй половины девятнадцатого века, настоятеля Высокопетровского монастыря в Москве. В силу того, что выводы эти приведены в издании, разрешённом Духовно-цензурным комитетом, следует считать, что автор заявляет не столько от собственного имени, сколько от имени конфессии, которую он представляет.

Обращает на себя внимание тот факт, что доводы относительно понятия «ближний», православный автор не подкрепляет главным аргументом – евангельской притчей о милосердном самарянине. Более того, он даже не упоминает о ней в своих рассуждениях. Впрочем, это не вызывает удивления, поскольку выводы архимандрита находятся, мягко говоря, не в полном соответствии с сюжетом и центральной мыслью притчи.

Да, действительно, все люди являются созданиями единого Бога и произошли от общих прародителей – Адама и Евы. Но, несмотря на это, мы видим, что не только в глобальной общечеловеческой семье, а даже в семье обычной человеческой отношения между её членами подчас трудно назвать родственными. Более того они подчас откровенно враждебны. В такой обстановке ближний родиться не может, т.к. милостью здесь, образно говоря, и не пахнет. Наверное, каж-

дый или почти каждый может привести примеры подобных отношений из жизненной практики – собственной или своих друзей и знакомых. Кстати, можно вспомнить и библейские примеры «взаимной любви» родных братьев: Каина и Авеля, Соломона и Адонии и т.д. А уж исторических примеров и не счесть. Нет, наличие общих родителей, прародителей и единого Творца не есть аргумент в пользу того, чтобы «ближними нашими должно почитать всех».

Но, видимо, автор и сам не чувствует полной уверенности в своей позиции. Так, вслед за призывом почитать ближними всех, он сразу же оговаривается, делая особое исключение для тех, «которые одной веры с нами». Заметим, проведя параллели с притчей Христа, что, как это ни парадоксально, но именно *иноверец*, т.е. не иудей по вере, стал ближним последнему, явив ему свою милость. Причём самаряне были не просто нейтральными иноверцами, а иноверцами презираемыми, «так что само название Самарянин считалось у иудеев бранным и презрительным словом», – гласит та же «Библейская энциклопедия» [7], с. 618.

Следовательно, религиозная принадлежность не является критерием для определения понятия «ближний», что и подчёркивает Христос, вводя в притчу наряду с двумя равнодушными единоверцами (более того – священнослужителями) милосердного противника по вере.

Дифференцируя всех людей, т.е. всех ближних (с точки зрения автора, конечно) по признаку: «единоверец или ино-

верец», архимандрит Никифор тем самым выделяет среди них категорию «особенно близких нам». Иными словами, это – не иначе, как «ближние из ближних». И если уж нам предначертано возлюбить ближнего (просто ближнего), как самого себя, то, как же тогда мы должны возлюбить ближнего из ближних, т.е. привилегированного ближнего? И что или кто является мерилom *такой* любви? Вряд ли разделение ближних по сортам, да ещё на конфессиональной основе, способствует веротерпимости в отношении иноверующих.

Конечно, можно было бы и не комментировать столь подробно позицию (православного!) автора, поскольку для возражения достаточно привести только один факт. Христос своим вопросом: «Кто из этих троих был ближним?» прямо *выделяет такового* из действующих лиц притчи, а не *почи-тает всех* троих ближними, как должно быть по архимандриту Никифору.

Таким образом, ближний – понятие дифференцированное, и любви нашей на уровне «как самого себя» достоин далеко не любой и каждый. И чтобы *обрести* ближнего, надо прежде всего *стать* им, как и поступил милосердный самарянин из Христовой притчи, которая, к большому сожалению, редко бывает востребованной нами в повседневной жизни. Мы скупы на добрые дела и, как следствие, редко и трудно становимся ближними. Но тот, «кто разумеет делать добро и не делает, тому грех» (Иак. 4, 17). И чтобы удержать человека от пополнения своих «греховных запасов», апостол

Пётр предлагает ему простой и доходчивый рецепт: «Уклоняйся от зла и делай добро...» (1 Пет. 3, 11).

Теперь, представляя себе, *кто* есть ближний, попытаемся понять – *как же* возлюбить его? «Как самого себя», – гласит ветхозаветная заповедь (Лев. 18, 19), усиленная Христом в Завете Новом (Мк. 12, 31). Более того – именно этот уровень любви является необходимым, а ещё более того – одним из главнейших условий обретения жизни вечной: «...так поступай, и будешь жить», – заканчивает свою притчу Христос.

В Новом Завете, в отличие от Ветхого, объектом любви становятся и брат (в обобщённом смысле этого слова), и враг (Мф. 5, 44). Призыв: «любите!» получает очень широкую направленность, но «любите, как самого себя» – адресуется только ближнему. (Судя по Еф. 5, 33: «Так каждый из вас да любит свою жену как самого себя», апостол Павел считает ближними людей, составляющих супружеские пары. На мой взгляд, это – лишь благое пожелание.)

Именно эта, высшая форма человеческой любви и вошла во вторую заповедь Христа, которую он называет *подобной* первой (наибольшей) заповеди: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим и всею крепостью твоею...» (Мк. 12, 30–31). (В тексте Втор. 6, 5 вместо слов «всею крепостью твоею» написано «всеми силами твоими».) В сущности, первая заповедь

призывает человека возлюбить Бога непосредственно *всею триадою* своею, на всех планах: проявлённом, духовно-интеллектуальном и душевно-эмоциональном.

Поскольку наш ближний по изначальному созданию своему есть подобие и образ Бога, постольку и любовь наша к ближнему должна являться образом и подобием нашей любви к Богу. Это – своего рода проекция любви к Богу на человеческом плане.

Итак, в силу подобия, человек должен возлюбить ближнего, как и Бога, также *всею триадою* своей. Это вполне естественно, т.к. любовь, троичная по своей структуре и живущая на всех планах триады, исходит из одного и того же источника – человека. И в силу этого человеческая любовь – в принципе одна и та же по своей сущности, одного и того же «качества», независимо от своей направленности – к Богу или к ближнему. Таким образом, между понятиями «любовь к Богу» и «любовь к ближнему» можно поставить знак *подобия*, но не знак *равенства*. Различие состоит в *силе* самой любви: заповедь любви к Богу требует от человека максимальной мобилизации всех ипостасей его троичной структуры. Слова «*всем*» и «*всею*» в первой заповеди определяют силу этой любви. Любовь же к ближнему (даже самому близкому человеку) не может быть выше любви к Богу: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин и Меня...» (Мф. 10, 37).

Как видим, любовь человека к ближнему своему имеет,

образно говоря, божественное начало (подобие любви к Богу), но человеческое окончание (ограничение: «как самого себя»). Рассмотрим подробнее и то и другое.

Что значит возлюбить Бога (и подобно тому ближнего) «всей крепостью своей» или «всеми силами своими»? Это – любовь к Богу и ближнему на проявленном плане, на уровне поступка. Явить эту любовь означает приложить все силы (крепость свою) к удержанию себя от позывов нижнего животного плана; к недопущению деяний, мерзких Богу и человеку, табуированных, в частности, Моисеевым законом. Какими усилиями это может быть достигнуто – следует из Нагорной проповеди: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя... И если правая рука твоя соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (Мф. 5, 29–30). И в то же время максимально полно, всеми силами и возможностями вершить добрые дела: «Дети мои! Станем любить друг друга не словом или языком, но делом и истиной», – призывает апостол Иоанн (1 Ин. 3, 18).

На уровне «всеми силами» любовь к Богу проявляется через любовь к ближнему: «Возлюбленные! Будем любить друг друга... Кто не любит, тот не познал Бога» (1 Ин. 4, 7–8). В свою очередь любовь к ближнему есть совершенный путь

познания Бога, что и следует из фрагмента: «Возлюби Господа Бога всем разумением твоим». Что это значит?

Это любовь к Богу на духовно-интеллектуальном плане, выражающаяся в стремлении осмыслить Бога, воспринять и познать Его человеческим разумом («разумением твоим»). Но поскольку «Бога никто никогда не видел» (1 Ин. 4, 12), то познать Творца разумом в какой-то степени возможно только через Его творения, высшим и совершенным из которых является человек. «Познай себя – и ты познаешь Богов и Вселенную», – таков девиз древних гностиков. Следовательно, любовь к Богу «всем разумением» проявляется в подобной любви к Его творениям; в частности – в любви к ближнему. И эта любовь на духовном плане в свою очередь трансформируется в творческий, познавательный процесс, где предметом исследования становится микрокосм, т.е. человек – образ и подобие Бога.

Но прежде, чем возлюбить Бога всеми силами и разумением, необходимо возлюбить Его «всем сердцем твоим, всею душой твоею». Вот почему первая из заповедей начинается именно с этих слов. В основе же любви к Богу на уровне души и сердца лежит *вера*. Иначе как же можно вообще любить, не веря в предмет своей любви, не воспринимая его существования? Как можно исполнять заповеди Того, Кто для тебя просто не существует и тем более – познавать Его разумением своим?

И как невозможна любовь к Богу без глубинной веры в

Бога, так же невозможна любовь к ближнему, если не понять и не почувствовать, что *именно этот* человек и есть твой ближний. Иными словами, невозможна любовь к ближнему без веры в ближнего.

Возлюбить Бога всем сердцем и душой означает проникнуться к нему всей глубиной душевного плана и благодарить Его за безграничную любовь к творению своему – человеку. Готовность самопожертвования во имя Господне – вот цена человеческой любви к Богу: «И кто не берет креста своего и следует за мною, тот не достоин меня. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее...» (Мф. 10, 38; 16, 25).

Подобно этому, любовь к ближнему есть воздаяние ему сердцем и душой не только и не столько за благородный поступок, но более – за человеческую любовь, явленную в этом поступке, за душевный импульс и намерение, предшествующие доброму деянию. Воздаянием ближнему может быть и сама человеческая жизнь, ибо: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

Итак, Любовь к ближнему ограничена пределом «как самого себя». Следовательно, уровень *любви к себе* и является мерилom любви к ближнему.

Что же следует понимать под любовью к себе? Конечно, речь идёт не о физиологической любви, порождённой

инстинктом самосохранения. Подобная любовь к себе естественна и свойственна любому живому существу, в том числе и человеку, «ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее...» (Еф. 5, 29). Но чем сильнее любовь человека к своей плоти и тому, что «питает и греет ее» (бытовому комфорту), тем слабее в нём желание делиться своим достоянием с другим. Закоренелый эгоист вряд ли способен жертвовать даже незначительной частью своих благ во имя ближнего, о чём уже говорилось в предыдущей главе. Вряд ли любовь к себе на физиологическом уровне способна быть мерилom любви к ближнему и поощряться Богом и Сыном Божиим. А ведь любовь и к Богу, и человеку (ближнему, брату твоему, сыну народа твоего и т.д.) никогда не остаётся незамеченной и не вознаграждённой Богом. Подтверждений тому и в Ветхом, и в Новом Завете – более чем достаточно. Так, мудрый Соломон весьма образно и доходчиво утверждает: «Благотворящий бедному дает взаймы Господу; и Он воздаст ему за благодеяние его» (Притч. 19, 17).

Пример ответной любви Христа в отношении тех, кто глубоко и открыто верует в него, приведён в Мф. 10, 32: «Итак всякого, кто исповедует Меня перед людьми, того исповедаю и Я пред отцем Моим небесным». А в Мф. 25, 31–40 Христос приравнивает награду за любовь к человеку («одному из сих братьев Моих меньших») к награде за любовь к Богу. И тогда тайная, неосознанная надежда на божественное воздаяние за любовь к ближнему становится вполне естествен-

ной для человека.

Любовь к ближнему – любовь ответная, «вторичная» по природе своей. Какой же она должна быть? Чем воздать ближнему за его «первичную» любовь к нам, за любовь по инициативе его души и сердца? На этот вопрос и Ветхий, и Новый Заветы дают, казалось бы, вполне ясный ответ – возлюбить как самого себя. Но не всё так просто, как это может показаться при первом прочтении заповеди.

Дело в том, что заповеди о любви человека, во-первых, к Богу и, во-вторых, к ближнему базируются на ценностях разных категорий: *наивысшей* и *высшей* соответственно. Смысл первой заповеди вполне очевиден, чего не скажешь о второй. До тех пор, пока человек глубинно не усвоит себе, что *он сам* и есть высшая ценность (и выше её – только Бог!), он будет недооценивать себя, занижая планку любви к самому себе и (по логике заповеди) к ближнему своему. До тех пор, пока *сама личность* не станет мерилom своего отношения к ближнему, любить себя и ближнего она будет по разным стандартам.

Чтобы прочувствовать божественное предписание относительно *критерия* любви к ближнему, необходимо мысленно поставить на его, ближнего, место *самого себя* и постараться вжиться в эту временную роль. Иначе говоря, тщательно «примерить на себя» ситуацию, в которой побывал (или может оказаться) наш ближний, и по возможности непредвзято увидеть и всеми фибрами почувствовать *себя* в

этой роли. Теперь в соответствии с этой самооценкой ответим на вопрос (только без вранья самому себе!): *чего* мы заслуживаем, *чего* достойны? Иными словами, *какой* любви к себе хотели бы мы со стороны возлюбленных нами?

Ответив на этот вопрос, выходим из роли, возвращая её ближнему и возлюбив теперь его так, как мы любили *себя* ещё совсем недавно.

Я слишком детализировал понятие «как самого себя», но сделал это преднамеренно для наглядности. В краткой же, лаконичной форме оно сформулировано Христом: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними...» (Мф. 7, 12). Ключевым понятием в этой заповеди является «как хотите». Именно представление человека о желаемом отношении к себе и является (точнее – должно являться) мерой его отношения к людям. Таким образом, мы сами устанавливаем меру своей любви к ближнему, которая не должна быть слабее любви ближнего к нам.

Но у каждого из нас может быть и не один ближний. Таковыми становятся, в силу обстоятельств, очень многие люди. Правда, мы не всегда, как уже говорилось, способны это почувствовать и должным образом оценить. Но даже к признанным ближним – будет ли одинаковым наше отношение? В одинаковой ли мере и форме проявится наша любовь к ним, а точнее – к каждому из них? Конечно, нет! Хотя, ка-

залось бы, я, как эталон, не изменяюсь и сохраняю стабильность своего представления о любви.

Дело в том, что человек обладает не единым эталоном, а набором эталонов различных номиналов и достоинств, что позволяет ему дифференцированно возлюбить своих ближних. Вначале человек выявляет для себя степень достоинства и значимость поступка ближнего, глядя на содеянное через призму собственного видения. Затем он сверяет всё это с соответствующим нравственным эталоном и определяет меру и форму любви к ближнему. Этот процесс завершается на плане души, хотя участие в нём принимает вся человеческая триада.

«Какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф. 7, 2). Но ближний-то уже отмерил нам меру своей любви (иначе он бы просто не стал нашим ближним). Теперь слово за нами. И подходя к заповеди Христовой как бы с обратной стороны, мы находим адекватную меру своей любви, которой и должны отмерить нашему ближнему. Естественно, любовь эта будет иметь практически столько оттенков и разновидностей, сколько есть самих ближних. Однако единый принцип любви «как самого себя» при этом не нарушается, т.к. набор эталонов в полном своём составе – всегда при нас. Он является частью нашего «я» и бережно хранится (эталон всё-таки!) на среднем, душевном плане триады. И поэтому, несмотря на многообразие проявлений любви к ближнему, все они будут порождением одного и того же нравственного

принципа.

Дифференцированный подход (выбор эталона близости) в любви к нашим ближним мотивируется не общей с ними религией или национальностью, и даже не степенью фамильного родства, а чем-то иным. Это чувство, как и любое чувство вообще, трудно сформулировать словесно. Оно не исполнение долга, не компенсация, выплачиваемая ближнему за проявленную любовь, и не расплата, не взаимный расчет: «ты – мне, я – тебе». Здесь не идёт речь о рассудочном взвешивании деяний ближнего, в котором участвует холодный ум. Любовь к Богу и ближнему не имеет количественного эквивалента. Две лепты, принесённые в дар Богу бедной вдовой, перетягивают своей любовью к Всевышнему все дары богатых иудеев с их показной религиозностью (Лк. 21, 1–4), на чём Христос и акцентирует внимание апостолов.

«Да, но Христос тем не менее в своей заповеди Мф. 7, 2 оперирует понятием «мера», – могут возразить некоторые, – а это понятие буквально связано с количеством чего-либо. В данном случае, условно говоря, – любви».

Нет, согласиться с этим нельзя. В контексте нагорной проповеди «мера» – понятие не всегда количественное. Чаще – это качественная характеристика действий, поступков, намерений с точки зрения их нравственного содержания. Например, «мерю доброю...» (Лк. 6, 38). Или: «Дополняйте же меру отцов ваших. Змии, порождения ехиднины!» – гневно обличает Христос фарисеев, как продолжателей злых де-

ний (*МЕРОприятый*) их предков (Мф. 23, 32).

В целом же понятие «мера» в Новом завете достаточно условно и многозначно. В зависимости от контекста оно способно выражать и количество, и качество. В последнем случае «мера» сродни «эталоону», который был использован для характеристики уровня любви к ближним. Да и в повседневной жизни слова «мера» и «эталон» часто употребляются не в метрологическом их значении. Например: ответная мера, мера пресечения, эталон красоты и т.д.

Итак, мера любви к конкретному ближнему есть продукт жизнедеятельности нашей души. Именно на среднем плане человеческой триады происходит оценка инициативной любви ближнего к нам и выбор эталона ответной любви к ближнему (в рамках «как самого себя»). Достоинство выбираемого эталона определяется нашей душой в меру (опять же в меру!) её восприимчивости к любви и вниманию. Следовательно, не исключён вариант, когда наша реакция на любовь ближнего будет неадекватной – в виде ответной любви более высокого уровня. Это вполне возможно: «Давайте и дастся вам: мерою... переполненною отсыплют вам в лоно ваше...» (Лк. 6, 38).

Слово «переполненною», т.е. сверх меры, может быть раскрыто по-разному. Прагматичный обыватель расценит его как прозрачный намёк Христа на возможность получить (нечто материальное, безусловно) больше, нежели отдать. Иной же, наоборот, узрит в этом «превышение расходов над

доходами», т.е. неадекватно высокую плату за любовь ближнего (выбор эталона любви явно завышенного достоинства). Но человеку, возлюбившему ближнего *душою* своею, такой меркантильный подход абсолютно чужд. Для него неадекватных эталонов не существует: все они – нормальны, т.к. находятся в пределах сугубо индивидуального понятия «как самого себя». Нет, не расчётливую, материально выгодную «любовь», унижающую человека, имеет в виду Христос.

Как раз на физическом, внешнем плане ответная любовь к ближнему может явить себя очень буднично, почти незаметно или не проявиться вовсе. Ведь далеко не у каждого есть материальные и иные возможности для выражения своей любви в видимой форме. К тому же волею судеб может не представиться случая, чтобы воздать ближнему за его добрые дела чем-то равноценным, адекватным внешне. Так что на материальном плане мера ответной любви может быть и не переполненной. Но, «кто имеет уши слышать, да слышит!» (Лк. 8, 8): Христос подразумевает душевную чашу, переполненную любовью, которая далеко не всегда есть поступок и благодеяние, но всегда – намерение и желание свершить их во имя ближнего.

Итак, подведём короткий промежуточный итог. Любовь к ближнему подобна любви к Богу на всех планах триады: внешнем, душевном, духовном. В силу этого подобия, любовь к ближнему является своего рода моделью любви к Богу. Любовь к Всевышнему ограничивается только и толь-

ко полнотой человеческих возможностей: всею крепостию, всею душою, всем разумением. Любовь же к ближнему «лимитирована» понятием «как самого себя», что означает: я воздаю ближнему той любовью, которой достоин *сам*, окажись я ближним в подобной ситуации.

И, наконец, следует заметить, что ближний и возлюбивший ближнего, замыкаясь во взаимной любви, составляют систему (пару), в которой прямая и обратная связи действуют поочередно. Иными словами, каждый из двух людей в этой паре последовательно и неоднократно становится как ближним, так и возлюбившим ближнего. С течением времени обе функции соединяются в каждом из них настолько, что образуется новый стабильный тип «монолитных» взаимоотношений.

Индивидуальная половая любовь

В наших рассуждениях о любви ближнего и к ближнему я не акцентировал внимания на половой принадлежности любящего и любимого. Речь шла о любви, неокрашенной сексуальной притягательностью, а поэтому и возлюбивший, и объект его любви являлись существами, условно говоря, бесполоыми. Такая любовь раскрывается на нейтральном в сексуальном отношении фоне. Естественно, она не лишена жалости, сочувствия, сострадания и т.д. Более того, возможно, что она зарождается и существует благодаря именно этим

чувствам. Но эмоции человеколюбия не имеют половых признаков. На проявление этой любви в значительной степени влияет разум, рассудок, чувство долга, этическое воспитание и т.д.

«Однако сущность любви наиболее полно проявляется в отношениях между людьми: самая яркая её форма, загадочная и неотвратимая по силе воздействия, – индивидуальная половая любовь» [6], с. 164.

Характерно, что само слово «любовь» требует уточнения (ответа на вопрос «к кому?» или «к чему?») почти во всех случаях, не относящихся к любви половой. Например, любовь к Богу, к Родине, природе, детям, родителям и т.д. И только интимное и глубокое чувство выражается просто словом «любовь», предельно ясным и понятным миллионам людей во все времена.

Такая любовь не противостоит любви к ближнему, а наоборот – вбирает её в себя, усиливает и обогащает разнообразием форм и проявлений. Ибо связанные глубинным чувством Он и Она естественным образом будут образцовыми ближними, способными возлюбить друг друга более, чем самого себя.

Сотворив женщину из ребра Адама («человека» – в переводе с еврейского), Бог по существу выделил из тела андрогинного человека женское начало.

Таким образом, мужчиной (мужем) Адам становится «автоматически» после извлечения из него потенциально сокрытой Евы (жены).

После разделения единого человеческого существа на мужчину и женщину Бог заветствует им, а в их лице и всему человечеству: «Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут как одна плоть» (Быт. 2, 24). Таким образом, разделённые Богом женская и мужская половины единой когда-то плоти должны стремиться к воссоединению. Это дарованное Творцом каждому человеку неудержимое желание соединиться с существом противоположного пола является неисчерпаемым источником любовной энергии. Глубинные чувства человека, приведённые в активное состояние этой энергией, и есть «индивидуальная половая любовь» (в сухой формулировке словаря). А по сути – Любовь с большой буквы.

О каком же воссоединении двух начал идёт речь? На каком уровне? Ведь любой человек по структуре троичен, следовательно, Он и Она должны «прилепиться» друг к другу своими триадами в целом, а не на каком-либо отдельном плане. Однако, из библейского текста, казалось бы, следует, что Бог устремляет человека к воссоединению со своей «половиной» только на физиологическом уровне («И будут одна плоть»). Нет, это неверный вывод! Ошибка заключается в слишком узком толковании понятия «плоть».

Да, в буквальном смысле это – тело, т.е. нечто плотное.

Но в русской лексике существует множество примеров, когда переносное, иносказательное значение какого-либо слова имеет более широкое хождение в быту и литературе, нежели буквальное. Так, апостол Павел в 1 Кор. 15, 44 утверждает: «Сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное». Иными словами, речь идёт о душевной и духовной ипостасях человеческой триады, которые Павел именуется «телами». Далее, в Быт. 6, 12 читаем: «...всякая плоть извратила свой путь на земле». С пророком Моисеем (автором Бытия) как бы перекликается и другой пророк – Исайя: «...и узрит всякая плоть спасение божие...» В приведённых фрагментах слово «плоть» обозначает человека *вообще*, а не его физическое тело.

Следовательно, и в ветхозаветной заповеди (Быт. 2, 24), и в заповеди Христа: «... и будут два одною плотью; так что они уже не два, но одна плоть» (Мк. 10, 8) говорится о союзе, в котором Мужчину и Женщину связывает не только животный *инстинкт*, но и человеческое *единодушие* и *единомыслие*.

Этот небольшой экскурс в Библию необходим по следующей причине. В силу примитивного понимания, а возможно и преднамеренно, приведённые выше фрагменты Священного Писания нередко используются в качестве оправдания безудержного и неразборчивого секса. Сама по себе попытка свести Любовь только к реализации физиологической потребности, т.е., по сути, поставить знак равенства между че-

ловеком и животным, является глубоко оскорбительной для нормального человека, поскольку она направлена на дискредитацию духовного и душевного планов его триады. В сущности, это попытка выхолостить из отдельно взятого человека то, что делает его личностью и *в принципе* отличает его от животного индивида. Когда же для подобной мистификации используется библейский текст – это уже откровенное кощунство над верой и осквернение духовного идеала почти целого миллиарда людей Земли. (По данным официальных церковных источников, из общей численности населения мира 4495 млн человек в 1981 году 998 млн, т.е. 22 процента, исповедовали христианство [8], с. 57.)

Истинные мотивы столь активной в России пропаганды секса вне любви, когда достаточно сложный союз «Мужчина – Женщина» успешно вытесняется простейшей связью «самка – самец», слишком уж прозрачны. Один из таких мотивов – материальный, коммерческий. На эксплуатации человеческой физиологии можно хорошо заработать. Секс превратился в стабильную (в силу устойчивости инстинкта) и эффективную (в силу высокой степени «накала» этого инстинкта) разновидность аморального бизнеса. Всё это слишком очевидно для нас в повседневной жизни. Позволю себе привести лишь один пример регионального масштаба. Так, вологодские «жрицы любви» через местные бесплатно рас-

пространяемые газетёнки рекламируют аршинными буквами и цифрами (номера телефонов) свои услуги. При этом гарантируется их высокое качество (в соответствии со спецификой заказа) в интервале 24 часов. Но самое пикантное заключается в том, что клиент вознаграждается за состоявшийся визит... пятью бесплатными (!) бутылками пива (реклама это подчёркивает особо). Каков стимул? Любовь в компании с пивом «Толстяк»! Как это «тонко»? Предложение любви с пивной отрыжкой – не самое виртуозное в сфере провинциального секс-бизнеса: есть и похлеще. Впрочем, и этого достаточно.

Но сексуальная атака на россиянина со стороны СМИ всех видов (ТВ-программы, свободная торговля печатной и видеопродукцией, реклама и т.д.) преследует не только сиюминутную, меркантильную цель, но и цель долговременную, дальнобойную и... разрушительную. Она, к сожалению, пока сокрыта для непроницательного глаза, и в этом её опасность и коварство. Дай Бог, чтобы период, когда «видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают», был бы как можно короче. Впрочем, эта деликатная тема, имеющая прямое отношение к шкале жизненных ценностей, требует отдельного рассмотрения.

Возможно, читатель предположит, что автор этих строк либо сторонник платонической (в обыденном смысле) люб-

ви, изолированной от сексуальных влечений, либо безнадёжный ханжа. Отнюдь нет!

Так же, как секс не может узурпировать право называться любовью, сводя всё многообразие этого чувства к физиологии, так и любовь перестаёт быть таковой, если в ней аннулировать интимное, эротическое начало. Отказ от физической близости (искусственное воздержание) в любви есть не что иное, как издевательство над физической и психической природой человека, а точнее – двоих людей сразу. Отношения мужчины и женщины, лишённые сексуальной притягательности, могут называться чем угодно, но только не любовью: дружба, деловое партнёрство, духовное общение и т.д. Секс – уникальный компонент (да простят мне этот аналитический термин) в триаде любви, как, впрочем, душа и духовность.

Конечно, каждая из ипостасей триады Любви может существовать отдельно, вне связи с другими. (В отношении секса, живущего вне любви, уже говорилось, повторяться не стану.) Можно, например, встретить человека противоположного пола, с которым нас будет связывать глубокое взаимное уважение, симпатия, доверительность, т.е. обрести душевно близкого человека. Но если мы абсолютно не тяготеем к нему на других планах, в том числе и на физическом, то этот «душа-человек» будет нам скорее другом или кем-то ещё, но только не любимым. Возможно также общение с человеком, духовные интересы и запросы которого совпада-

ют с нашими или дополняют их. Обмен мнениями, информацией, взаимное духовное обогащение, конечно, притягательны, но – не более того. Любимым этого человека также не назовёшь.

Таким образом, вполне допустимо в сфере общения наличие трёх человек, с каждым из которых могут быть установлены вполне естественные, комфортные отношения, но только на каком-то одном плане человеческой триады. (Правда, возможны комбинации: например, духовно близкий человек вполне может быть и «родною душою».) Но отношения, называемые *любовью*, могут возникнуть, установиться и долго жить *только* когда эти три человека гармонично соединятся для нас в одном-единственном. Однако это условие – скорее необходимое, нежели достаточное.

Конечно, любовь невозможна в принципе без «сцепления» и даже взаимопроникновения триад Его и Её. Но это условие само по себе ещё не гарантирует рождения, а тем более возрастания любви. Для этого необходимо, чтобы обнявшие друг друга триады перешли, образно говоря, из статического состояния в динамическое и начали *взаимодействовать* на всех планах. (Помните, как в русских народных сказках «мёртвая вода» только соединяет, сращивает воедино расчленённое тело человека, но не более того. А «живая вода» это тело оживляет, приводит его в динамику.)

Естественно, взаимоотношение триад «в полном объёме» представляется идеальным. А потому и Любовь с большой

буквы – явление исключительно редкое. В земных, грешных условиях она может лишь приближаться к идеалу в той или иной степени. Иными словами, идеал Любви, рождаемый троичной структурой человека как образа и подобия божьего, далеко не совпадает с реальным представлением о любви конкретного человека. И тем не менее необходимым условием жизнеспособности Любви, как таковой, является восприятие любимого нами человека во всей полноте его троичности (пусть даже несколько идеализированной под свои представления, что вообще присуще человеку любящему).

Но чем же мы можем воспринять эту троичность? Естественно, аналогичным механизмом, полученным от Бога, т.е. собственной триадой. Это означает, что *всё* существо одного человека, с его «плюсами» и «минусами», воспринимается *всем* существом другого. Если такое восприятие станет *обоюдосторонним*, то необходимое условие для возникновения Любви цельной, единой, а точнее, триединой выполнено. Как и в варианте «любовь к ближнему», рассмотренном выше, в любви индивидуальной половой каждый в паре «Он – Она» являет свою любовь на тех же уровнях троичности, но внутреннее наполнение и проявленная форма этой любви совершенно иные. Точнее, как уже отмечалось, любовь ближнего и к ближнему органически и в полном объёме присутствует в Любви, являясь всего лишь её «состав-

ной частью». В любви ближних превалирует всё-таки внешний, проявленный план, т.е. поступок, с которого, собственно говоря, и начинается эта любовь (вспомним притчу Христа о добром самарянине). В любви же Его и Её наряду с поступками и действиями, иногда самыми невообразимыми и непоследовательными (с позиции холодной, нейтральной логики), живут и сокрытый комплекс глубоких переживаний, и выплескивающийся наружу каскад эмоций (подчас противоположных по своему характеру). Здесь всё таинственно, загадочно и необъяснимо. Поэтому моделировать троичность в любви, как моделировались ранее те или иные троичные ситуации, просто невозможно. Никакая единая физическая модель не способна охватить всё многообразие и противоречивость явлений, присущих любви. Например, удивительную совместимость невероятной мощи любовной энергии с необычайной хрупкостью её защитной оболочки, которую способно пробить даже одно неосторожное слово, взгляд или эмоция любимого человека!

В первом приближении (и только!) любовь можно выразить в поэтизированных образах, неисчерпаемое многообразие которых существует в мировой литературе и произведениях изобразительного искусства. Но никакой словесный образ не в состоянии выразить чувство или мысль во всей их глубине, что весьма лаконично сформулировал Ф.И. Тютчев: «Мысль изречённая есть ложь!» Однако вернёмся к нашей теме.

Все ипостаси человека, соединённые в триаду, представляют собой единое, гармоническое целое. Тем не менее в этой триаде каждый из её планов (уровней) относительно самостоятелен, и потому можно говорить о любви на уровнях физическом, душевном и духовном. Об этом уже шла речь при рассмотрении предыдущей темы. Но в индивидуальной межполовой любви есть свои особенности: все три её уровня облучаются одним общим для них источником *божественной* энергии, которая устремляет Его и Её к воссоединению в единую плоть. В любви же к ближнему подобной энергетической подпитки нет, и поэтому она теряет свою самостоятельность в межполовой любви, становясь неотъемлемой частью последней.

Посмотрим же на Любовь с позиции каждого уровня триады. Поскольку автор этих строк мужчина, постольку ему удобнее смотреть с «мужской колокольни» и говорить от имени мужчины. Я прошу читателя и особенно читательниц сделать на то соответствующую поправку.

Итак, что же означает любовь на физическом уровне? Отличаются ли интимные взаимоотношения как неотъемлемая сторона Любви от подобных отношений, не освящённых Любовью? Да, отличаются принципиально, хотя природа интимных отношений, независимо от их взаимосвязи с Любовью, едина – мощный инстинкт продолжения рода, являю-

щий себя во взаимной притягательности полов.

С точки зрения троичности, в интимных отношениях вне Любви имеет место разрыв обеих триад, т.к. функционируют только их взаимосвязанные нижние (физические) планы. Верхние же планы (дух и душа), будучи «не у дел», полностью изолированы и, естественно, никакой роли при этом не играют. Это чисто биологические взаимоотношения, присущие всему животному миру, и человек, с его развитыми душевным и духовным планами, в *данном* случае – не исключение. Ни о каком богатстве эмоций, рождаемых *такими* отношениями, а значит и о любви, и речи быть не может, ибо душа как план отключена от процесса. Здесь безраздельно доминирует тело, телесные потребности, телесное наслаждение. Здесь женщина выступает только в роли объекта для удовлетворения мужских вожделений. И не более того.

В интимных же отношениях, складывающихся в Любви, всё обстоит иначе. Функция физического плана, конечно, превалирует и здесь. Но она не царит безраздельно, как в предыдущем варианте, вытесняя всё человеческое, ибо в значительной степени корректируется воздействием высших планов – души и духа.

Это – следствие того, что в любви, на каком бы превалирующем плане она не проявлялась, единство обеих взаимодействующих триад сохраняется. Здесь участвует вся триада целиком, а не её отдельный, в данном случае физический, план. Иными словами, и на *таком* уровне любят не только

телом, но и душою, и духом.

В троичной любви женщина воспринимается мужчиной во всей полноте её достоинств, именуемых единым словом – Женственность. Это изменяет Его отношение к Ней: от унижения женщины к уровню примитивного биологического объекта в интимных отношениях вне любви до обожествления Её в интимной любви. Любящий мужчина способен воспринимать земную женщину, как тёплую Богиню (не холодную статую!), воплотившуюся в конкретную Женщину. «В твоих чреслах – Бог!» – восторженно говорит своему любимому героиня романа Ричарда Олдингтона «Все люди – враги». И этим сказано всё. Причём сказано женщиной, что лишь подчеркивает аналогию глубинных чувств, испытываемых любящими.

Характерно, что даже Ветхий завет, при всей аскетичности и суровости его моральных сентенций, включает в свой состав такое лиричное произведение, как книгу Песни песней, приписываемую Соломону. По форме – это песнь о любви на интимном плане, поднятой душой и духом до гимнической высоты. А по своей морально-этической сути данное произведение является оправданием этой любви перед двумя искажениями: аскетизмом – с одной стороны и похотливостью – с другой.

Любовь на физическом плане не только удовлетворяет желания тела, но и порождает неисчерпаемое богатство эмоций и мыслей, реализуемых в поступках мужчины (вспом-

ним, например, о мобилизующей роли Дамы сердца в подвиге средневекового рыцаря). Этот же любовный восторг, неся в себе творческое начало, являлся во все времена источником вдохновения для поэтов и художников, воспевавших Женщину и Любовь. Способна ли на *такое* «интимная любовь» вне Любви? «Стихи о любви без любви не напишет никто, даже Пушкин» [9], с. 66. Лучше не скажешь – исчерпывающий лаконизм! Самыми сильными, но и самыми утончёнными чувствами, которые испытывает мужчина в интимной близости с любимой женщиной, являются благоговение перед Ней и глубинная внутренняя благодарность за то, что Она есть: мужчина воспринимает Её как дар Божий, как высшее благо, дарованное человеку Творцом.

Это и есть Любовь на физическом уровне. Интимные же отношения вне любви представляют собой её суррогат, возникший в результате разрушения единства человеческой триады и распада её на отдельные автономные планы.

Перескочив через план души, перехожу к рассмотрению понятия «Любовь на духовном плане», или «Духовная любовь». Делаю это преднамеренно, т.к. именно душа, наш «третьейский судья», призвана дать честный и нелицеприятный ответ на сложный и подчас мучительный вопрос: «А Любовь ли *это?*» Естественно, что и вопрос, и ответ на него прозвучат на самом правдивом языке – языке чувств. Душа

же наша, в силу её особого, срединного положения в триаде, находится под влиянием и физического (снизу), и духовного (сверху) планов. Поэтому, прежде чем рассуждать о любви «всею душою своею», т.е. на среднем уровне триады, необходимо хотя бы кратко поговорить о любви на крайних, воздействующих на душу планах. О физической любви уже речь шла, обратимся же теперь к любви духовной.

В силу относительной самостоятельности планов триады, мужчина может встретить женщину, близкую (и даже очень) ему по духу, но к которой он совершенно равнодушен и душой и телом. В результате этого у них могут установиться на духовном уровне вполне комфортные, содержательные отношения, которые будут жить и вне Любви. Но Любовь без духовного начала существовать не может в принципе. Иначе разрушается триада Любви, в которой это начало трансформируется в её неотъемлемую составляющую – любовь на духовном плане.

Верхний план триады предполагает и соответствующую ему форму любви. Это – активная, созидательная любовь, в основе которой лежит глубокое уважение и внимание к личности любимого. Она – целенаправленна, осмысленна и даже в какой-то степени аналитична. Любовь на духовном уровне (и только она) способствует трансформации личности в индивидуальность, т.е. эволюции души через возвышение духа.

Тезис «Принимаю тебя в любви таким, каков ты есть» вполне приемлем на уровне души, *но не духа*. «Более же все-

го имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов» (1 Пет. 4, 8), т.е. сильная взаимная любовь на душевном уровне (именно её подразумевает контекст послания апостола Петра) затушёвывает человеческие пороки, делая их невидимыми для любящих. «Любовь слепа», – утверждает житейская мудрость. Да, слепа, но только *не на высшем* уровне триады. Духовная любовь – это зрячая составляющая Любви, её глаза – добрые и внимательные. Ведь человеку очень трудно разглядеть самостоятельно сокрытые в себе способности и потенциальные возможности. И даже, если каким-то образом он выйдет на это, то вряд ли сумеет адекватно оценить, а тем более раскрыть и реализовать их. Помочь ему в этом должен кто-то другой. Кто же? Естественно, глубоко любящий человек.

Таковыми могут быть родители, учителя, друзья и т.д. Но ведь они вполне могут по многим причинам или проглядеть человека, или не оценить его должным образом, ограничившись расплывчатым замечанием: «В ней (нём) что-то есть!» И всё на этом.

И только мужчина, беспредельно любящий всею своей триадой, просто не может, не имеет права, в силу особенности духовной любви (как сознательного, разумного аспекта Любви), не видеть в любимой женщине Человека. А значит, не заметить в ней той искры божьей, которая дана ей как возможность для последующего духовного восхождения. Оценить Женщину *таким* образом и сделать всё, чтобы из этой

искры «возгорелось пламя», – вот истинный смысл и содержание понятия «любовь на духовном уровне». (Это в полной мере относится и к женской Любви.)

Выше говорилось, что мужчина способен под влиянием душевных порывов вознести женщину на пьедестал любви и даже боготворить любимую. Прекрасно! Но это, на мой взгляд, вторичная реакция. В первую же очередь он воспеваает собственную любовь, пытается освятить собственные чувства, а уж потом – гимн, прославляющий женщину. Не берусь категорично утверждать, но смею предположить, что в лирической поэзии, родившейся под пером мужчины, мотив:

«Я вас любил так искренне, так нежно...»

в целом возобладает над:

«Всё в ней гармония, всё диво,

Всё выше мира и страстей...».

Такова уж, видимо, любовная психология мужского пола, для которого самовыражение через любовь подчас важнее самой Любви. Тем не менее, пьедестал, на который мужчина способен возвысить любимую, чрезвычайно высок.

Но что же прославляется в женщине? Гармония внешних и внутренних достоинств, красота тела и душевное обаяние. Воспеваётся, безусловно, высокая, красивая любовь, но... не высший её уровень, не Любовь с большой буквы! Ведь мужчину в данном случае восторгают в женщине те качества, которые *уже* раскрыты в ней самой природой. Он воспринима-

ет любимую как совершенство, как подарок судьбы, доставшийся ему в «завершённом» виде. Иначе говоря, Его покоряет в Ней абсолютно всё. Но это – сладостный самообман, суть которого состоит в том, что здесь изначально часть принимается за целое.

Мужчина чаще всего видит только открытые ему (но не им!) и вполне доступные его восприятию достоинства этого дара. Перед ним раскрыты (и то не во всей полноте) в основном чувственно воспринимаемые совершенства любимой женщины. Духовный же её потенциал, т.е. высший человеческий план, для мужчины практически сокрыт. Он или просто не знает о его существовании вообще, или же пренебрегает им, не считая его жизненно важным. Следовательно, мужчина, не подозревая того, подчас воспринимает свою любимую не такой, «какая она есть», а какой он *способен* её увидеть и оценить, сообразуясь со шкалой своих жизненных ценностей.

Согласимся, что далеко не каждый человек способен понять: Любовь прежде всего – дар божий, ибо «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4, 16). Иначе каждому было бы ясно, что этот дар даётся человеку не только для его чувств, но и для его разума – божественного компонента человеческой триады. И тогда мужчина, возможно, открыл бы для себя, что Любовь – подарок с сокрытым *смыслом*, что это – *промысел* божий. Такое открытие обязательно свершится, если мужчина

возлюбит Женщину, как высшее создание Творца, не только «всем сердцем твоим и всею душою твоею», но и «всем разумением твоим». Так и хочется перефразировать первый псалом Давида (Пс. 1, 1) следующим образом: «Блажен муж, узревший искру божию в женщине своей, возлюбивший её на плане духовном и сохранивший цельность триады Любви».

Однако, чтобы увидеть и содейть *всё это*, мужчина должен сам и обладать достаточно сильным духовным планом, и быть по-доброму внимательным к своей любимой. Благодаря такому духовному чутью происходит надёжное «сцепление» родственных планов обеих триад и, как следствие, образование *единого* духовного плана. Взаимоотношения на этом уровне, разогреваемые энергией восторженной чувственной любви, и есть любовь на духовном уровне, или духовная любовь.

К сожалению, таким сочетанием личных качеств владеет далеко не каждый мужчина. К тому же роль духовности в любви, оцениваемая им субъективно по индивидуальной шкале жизненных ценностей, как правило, занижается, и духовный план (ох, как часто!) отсекается от триады любви.

А это – начало конца. Любовь, потерявшая третью точку опоры, становится неустойчивой и, естественно, недолговечной. Да и любовью-то она называться уже не может. А даль-

ше что? Трудно сказать однозначно. Возможно, обнаружится несходство характеров, угаснет восторженность, привычной станет чарующая когда-то внешность и т.д.

Неужели присутствие духовного плана в любви есть гарантия Любви? Нет, конечно, но отсутствие его – всегда серьезная предпосылка к ее угасанию. Объясняется это следующим. Любовь (именно – Любовь, а не её видимость) живёт во взаимоотношениях Его и Её до тех пор, пока оба интересны *друг другу*. Замечу, что речь идёт не об общих интересах к чему-то или увлечениях чем-то (это не спасает), а именно о встречном интересе друг к другу. При нарушении этого условия Любовь уходит от людей, а далее расходятся и сами люди. Впрочем, взаимоотношения внешне могут сохраняться, и даже длительное время, но на каком уровне? Этого не знает никто, но одно можно сказать с уверенностью – Любовь этих людей уже не связывает. Возможно, их удерживает привычка, чувство долга, семейные и иные обстоятельства – всё, что угодно, но только не любовь.

Уже говорилось, что все планы человеческой триады органически связаны и активно влияют друг на друга. Следовательно, энергия духовного плана, «просачиваясь» сверху на более низкие уровни, по-своему оплодотворяет их. Духовный план есть прерогатива человека, и только человека во всей биосфере. Духовность является основным признаком отличия его от иного животного мира. Как носитель человеческого начала, она, проникая на нижние планы, очело-

вечивает всю триаду. Пока длится этот процесс, пока триада подпитывается духовной энергией высшего плана, человек остаётся человеком. В противном случае наступает медленное, внешне вполне цивилизованное оскотинивание личности (да простят мне это грубое сравнение), сползание её к материальному, биологическому уровню. Бездуховность подводит человека к тому, что сердце его становится холодным, «душевная ткань» мертва.

«И окроплю вас чистою водою, – и вы очиститесь от всех скверн ваших, и от всех идолов ваших очищу вас. И дам вам сердце новое и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное и дам вам сердце плотяное» (Иез. 36, 25–26). Да, Творец, предвидя угрозу деградации личности, готов протянуть человеку руку, помочь ему избежать самоуничтожения. Но человек, в силу свободы воли, полученной им от Творца же, отвергает божественную помощь, упорствует в своих пороках, продолжая размещать в шкале жизненных ценностей материальное над духовным, животное над человеческим.

Конечно, фрагмент, вырванный из книги ветхозаветного пророка Иезекииля, в силу почтенного возраста произведения, может казаться анахронизмом. Однако это весьма обманчивое впечатление, ибо содержание фрагмента приложимо в полной мере к нашему времени, в котором изобилуют и «скверны» (вопиющая безнравственность во всём своём многоличии), и «идолы» (материальные блага, деньги лю-

бой ценой), не говоря уж о многочисленных «каменных сердцах» и полном отсутствии «нового духа». Причём последнее зло (бездуховность) – самое страшное, т.к. вскармливает все другие «скверны». Однако я отошёл от рассматриваемой темы, правда недалеко и не слишком в сторону.

Физический и духовный планы в триаде являются граничными в отношении того, *что* находится соответственно ниже человека (мир животных) и выше его (мир Духа Святого). Но любая граница – линия, поверхность и т.д., разъединяя, одновременно и соединяет то, что лежит по разные её стороны.

Следовательно, умозрительная граничная оболочка, «обтягивающая» духовную сферу человека, не только разделяет *божественное* и *человеческое*, но и надёжно соединяет их. И чем больше поверхность этой оболочки, чем более она чувствительна и духовно проницаема, тем эффективнее мировой Разум силою Духа Святого обогащает духовный план отдельной личности. Духовное достояние Человечества, таким образом, становится доступным человеку (разумеется, стараниями последнего).

В принципе, интерес к личности может возникнуть на любом плане, но *длительно* существовать способен только на плане духовном (в силу его потенциальной неисчерпаемости).

Раньше или позже привыкнуть, т.е. потерять внутренний интерес, можно ко всему, что стабильно во времени или изменяется по заранее известному закону. К сожалению, исключением не является и любимый человек, с его внешними данными и душевными добродетелями, раз и навсегда определёнными ему природой. Время берёт своё, и былой интерес к человеку на физическом и душевном планах угасает, если они изолированы от духовного плана, проводника божественной энергии. Когда же эти планы открыты высшей энергии, то интерес к человеку переносится ею с плана духовного на нижележащие планы триады. Одухотворённые (в прямом смысле этого слова) тело и душа человека раскрываются во всей своей привлекательности. В конечном счёте личность, обладающая сильным, постоянно обновляющимся духовным планом, способна стать *троично* интересной на долгое время.

Однако это не гарантирует Любви на долгое время, если отсутствует *взаимный* интерес. Любовь, по природе своей, понятие двустороннее, в том числе – и на духовном плане.

Что же определяет интерес к личности любимого человека? Однозначного ответа и быть не может, но общим критерием, по-моему, является её *неординарность* (конечно, с точки зрения любящего), которая может быть как явно выраженной, так и глубоко сокрытой. Угадать в другом, что он «не такой, как все», под силу только очень любящему человеку, обладающему к тому же природно-чуткой душой. Пер-

вое достижение духовной любви – это интуитивное открытие личности любимого. А дальше – тайное должно стать явным, зримым, доступным.

Теперь уже необходимо методично делать всё, чтобы любимый человек стал открытием для *самого себя*; чтобы он, именно он, выявив в себе сокрытые возможности, способности, склонности и т.д., уверовал в них. Но главное – подвести человека к тому, чтобы в нём пробудилось желание и решимость *реализовать* открытый в себе духовный потенциал, а это – уже начало активного этапа, весьма ответственного для обоих.

В этот период, длиною во всю оставшуюся жизнь, старания любимого человека реализовать себя, с одной стороны, и максимальное содействие тому человека любящего, с другой стороны, должны сливаться в единый процесс, плодотворный для обоих, а их духовные планы гармонично соединяться в единое целое.

Если любовь душевная принимает любимого человека таким, каков он есть, то любовь духовная терпеливо стремится к тому, чтобы он стал *совершеннее*, чем есть. «Терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка», – разъясняет апостол Иаков (Иак. 1–4).

Для духовной любви, как уже говорилось, необходимым условием существования, её «питательной средой» является глубокий интерес к человеку. Однако этот интерес, по-

моему, мало зависит от *степени* реализации последним своего духовного потенциала. Достаточно только наличия его, как такового присутствия той духовной «изюминки», которая позволяет просто-напросто сказать: «В этом человеке что-то есть!» Действительно, один человек может покорять нас объёмом, глубиной и многогранностью *уже* раскрытых способностей. Другой же человек интересен именно «сокрытыми в нём и запечатанными до времени» (по мотивам Дан. 12, 4) потенциальными духовными данными. Динамичное «откровение сокровенного» становится в этом случае высшим интересом для обоих.

Активный период, характеризующийся практическими мерами, способствующими духовному восхождению обоих, и есть, по сути, любовь на духовном уровне. Как будет протекать этот процесс, какие практические деяния совершит любящий человек во имя духовного совершенства человека любимого – всё зависит как от личных особенностей (характера, привычек) Его и Её, так и от внешних условий и возможностей (материальных, бытовых и др.).

Успех таких целенаправленных действий обеспечивается не только их активностью, но и тем, насколько охотно они воспринимаются другой стороной. От этого во многом зависит дальнейшее желание (или нежелание) любящего участвовать в духовной жизни любимого, а следовательно, и интерес к личности последнего. Совпадение намерений (даже самых искренних) одного человека с внутренним желанием

и потребностями другого – явление не столь уж частое. Поэтому и любить на духовном плане – счастливый удел далеко не многих, и здесь нет правых и виноватых: *такая* любовь – подарок судьбы.

Любовь на духовном уровне совершенствует обоих, т.к. обязывает (есть же и приятные обязанности) каждого из них этот уровень постоянно повышать, чтобы быть неизменно интересным и, как следствие, столь же неизменно любимым. При этом вновь обретаемый индивидуальный багаж духовных знаний становится общим достоянием.

По природе своей духовная любовь жертвенна и бескорытна. Это высшая, в прямом смысле, человеческая её форма. Опираясь *только* на глубокий интерес к человеку, она имеет единственной наградой своей радость по поводу успехов этого человека в самосовершенствовании.

Естественно, в границах Любви любовь духовная в отрыве от любви физической и душевной существовать не может. Ведь всякий замысел (идея) любви духовной должен быть обработан (взвешен) любовью души перед воплощением его в жизнь.

Соседствуя с планом души, высший план триады «пропитывает» духовной энергией определённый граничный слой душевного плана. И тогда в силу обратной связи (взаимопроникновения планов) возвышенная душа начинает работать на духовный план, становясь его союзником. Энергия духовного (тонкого) плана, эта искра божья, обладающая высо-

кой проникающей способностью и усиленная одухотворённой душой, воздействует и на физический план, облагораживая его. Животная по природе своей, но теперь уже сильно очеловеченная, любовь нижнего плана воплощает замысел духа и желание души в поступок, действие любящего человека.

Духовная любовь является божественным началом в Любви, символом присутствия в ней Всевышнего.

Как уже отмечалось, тесная взаимосвязь планов триады не исключает их относительной самостоятельности в Любви, в силу чего душа воспринимает любовь не только опосредованно, т.е. под воздействием божественного или животного начала в человеке; «видит» любовь не только глазами духа или тела. Она имеет собственный канал связи с тем, что «вокруг нас», и способна любить непосредственно. Проявления этой любви многообразны в той степени, в какой сложен и многофункционален план душевный. «От любви до ненависти – один шаг», – гласит житейская статистика. И весь этот диапазон эмоций укладывается в рамки ёмкой душевной любви. Любовь (с большой буквы) – это прежде всего и более всего любовь «всею душою своею».

Душевный план и в любви не утрачивает своей основной функции – функции «третьего судьи». Именно он либо даёт человеку «разрешение» на любовь, либо накладывает

«запрет» на неё. Вспомним варианты наших знакомств: чаще всего они начинаются при первичном воздействии физического, проявленного плана. На нас влияют прежде всего внешние данные представителя противоположного пола. Изначальное влечение наше (т.е. мужчин) к женщине определяется в большинстве случаев только наружной привлекательностью последней. Мужчина взволнован, очарован и полон надежд.

Но вот он, узнав эту внешне обаятельную женщину несколько ближе, нередко разочаровывается в ней. В чём же дело? Да только в том, что он открыл в ней такие, доселе сокрытые качества и черты, которые не вписываются в его личную шкалу нравственных ценностей. И к этой женщине уже «не лежит душа». Человек же, неприятный нам на душевном уровне, становится в равной степени непривлекательным и на остальных. Кстати, бывает, что и явного повода к охлаждению нет, и в поведении человека всё, вроде бы, нормально и правильно, но... О зарождении любви в таком случае и речи быть не может, всё оканчивается, слава Богу, не начинаясь, – на стадии увлечения.

В рассмотренной ситуации душевный план исполняет важнейшую миссию: он защищает человеческую жизнь от проникновения в неё чуждого элемента. Образно говоря – «отделяет зёрна от плевел». Но никакой фильтр практически не может быть идеальным, и наша душа, к сожалению, не является исключением. Будучи по-человечески несовер-

шенной, она способна подчас принимать желаемое за действительное.

По природе своей душа слепа: её зрением, а точнее – поводом, является интуиция. Но чувство это способно давать весьма приблизительные, а зачастую и вообще ошибочные прогнозы. Душа, не видя реальности, проявленной в фактах и поступках, оценивает её осязательно, на ощупь. Поэтому душевная избирательность в отношении людей (в данном случае – женщин), оказавшихся в зоне внимания нашего физического плана, может «дать сбой». И тогда, как следствие, право на вход в нашу жизнь получает «не тот» человек. Естественно, это станет явью значительно позже: разочарование, раскаянье в своей недалёковидности придут потом. А пока душа, ловко обманутая физическим планом, радуется вместе с ним.

Подобная ситуация представлена в одном из библейских сюжетов (Быт. 27), содержание которого сводится к следующему. Подстрекаемый своей матерью Ревеккой, её любимый младший сын Иаков идёт на обман отца Исаака, чтобы заполучить его благословение, предназначенное старшему сыну – Исаву. Пользуясь тем, что отец слишком стар и совершенно слеп, Иаков маскируется под Исава (надевает одежду последнего, имитирует с помощью козлиных шкур природную волосатость его кожных покровов и т.д.). В конечном счёте обман удался: ощупав сына и ошибочно приняв его за Исава, Исаак благословляет Иакова, т.е. призывает на него по-

мощь и благодать Божью. Последствия этого обмана, удавшегося по причине физической слепоты Исаака, проявятся позже. Не станем давать нравственную оценку поступкам Ревекки и Иакова: она очевидна. Большой интерес в данном случае представляет его слепой отец Исаак, которого подвела его притупленная интуиция. Но если патриарх, которого Бог благословил лично (Быт. 25, 11), обладает столь несовершенным душевным планом, то что же тогда говорить о душе простого смертного? И всё же именно она, наш «третейский судья», выносит окончательный вердикт – быть или не быть Любви. Справедливость же судейского решения может быть проверена только временем – долгим или кратким.

Защищая Любовь от «инородного тела», наша душа как бы демонстрирует его непривлекательность всем планам триады. Но может быть и нечто обратное тому. Допустим, что внешность женщины, на первый взгляд, кажется вполне заурядной, и наш физический план, естественно, не посылает в душу никаких сигналов о повышенном интересе к новой знакомой. Но это равнодушие может смениться восхищением, когда мы совершенно неожиданно для себя открываем в ней сильное духовное начало. И это качество, ранее маскируемое невыразительными внешними данными, способно теперь сделать их не просто привлекательными, но, не побоюсь этого слова, завораживающими. Сильный и красивый духовный план как бы подтягивает к своему уровню и внешность человека, и мы ловим себя на том, что уже любим-

ся этой женщиной, что она по-настоящему интересна. А это уже серьёзная предпосылка к зарождению любви на душевном плане под влиянием плана духовного (не физического!).

Если в любви, внезапно возгорающейся под влиянием плоти, наша душа способна исполнить защитную роль, отторгая от человека инородное для Любви тело, то в Любви, созревшей под деликатным воздействием духовного плана, тот же самый «третейский судья» ведёт себя в принципе по-иному. Теперь он способствует тому, чтобы человек «распахнул душу» и призвал в свою жизнь триаду, родственную ему по шкале жизненных ценностей.

Следующая специфическая функция душевного плана состоит в том, что он является своеобразным индикатором, определяющим «качество» Любви, а точнее – его изменение во времени. Именно душой мы предчувствуем перемены в отношениях, хотя на внешнем плане, казалось бы, всё пока стабильно. Конечно, мы можем оказаться и «обманутыми» нашей душой (время покажет), но такое случается сравнительно редко: чаще всего душевное чутьё в Любви нас не подводит.

Заметим, кстати, что в роли индикатора, реагирующего на «отклонение Любви от курса», наша душа выступает как самостоятельный план триады, на который не в состоянии воздействовать ни физический, ни духовный планы. Интуиция, внутреннее чутьё – качества, не «воспитанные» граничными планами, а как бы вживлённые в душу человека самой при-

родой при его зачатии. Этими качествами Господь одарил далеко не каждого: тонко чувствующих душ гораздо меньше, нежели заземленных, очерствевших.

Выражение «душа нараспашку» – весьма условно: открытыми (распахнутыми) для людей могут быть только отдельные её грани. Остальное же – сокровенно, особенно – тайники любви. Именно в эту святая святых нашей души доступ разрешён только любимому человеку, для остальных же – закрыт наглухо. Следовательно, наш душевный план исполняет ещё одну функциональную обязанность в отношении Любви – он является её надёжным хранителем.

Можно говорить и о других важных функциях души в сфере Любви, однако *тайнство* любви на душевном плане постичь невозможно, ибо «любовь от Бога», и более того – «Бог есть любовь». Но дано ли простому смертному познать Бога или в полной мере оценить Его дар? Конечно, нет. Поэтому совершенно невозможно сформулировать исчерпывающий (а тем более – единый) ответ на вопрос: что значит любить на душевном плане? По-видимому, вариантов ответов будет немногим меньше, чем самих отвечающих, и при этом все ответы будут верными, но ни один из них не будет исчерпывающим.

И всё же должны быть какие-то общие критерии любви на душевном уровне; общие – для всех истинно любящих.

Говоря о таких критериях, я осознаю, что это – индивидуальная попытка вывести общие места: внешне это выглядит, как желание автора выявить нечто объективное через субъективное видение проблемы. Что ж, любой человек имеет право на собственную точку зрения в том или ином вопросе.

Сформулированные словесно признаки индивидуальной любви на душевном уровне не всегда являются специфическими особенностями именно этого чувства. Некоторые из них могут проявляться и в других сферах человеческих взаимоотношений (дружба, родители – дети, учитель – ученик и т.д.), правда на ином эмоциональном (я бы сказал – энергетическом) фоне. Но есть и весьма характерные показатели, присущие только любви такого уровня. Так, возлюбить женщину на душевном плане – равнозначно возлюбить её «всею душою своею». (Если это не так, то речь идёт не о Любви.)

Однако, следуя заповеди Христа, любить *таким образом* должно Бога. Следовательно, возлюбив женщину «всею душою своею», мы тем самым боготворим её и, как бы отрывая от «мира дольнего», превозносим к «миру горнему». Унижаем ли мы тем самым величие и достоинство Бога? По-моему, нет: ведь мы приближаем «образ и подобие» к Оригину, а не наоборот.

Таким образом, общим признаком любви на душевном плане является боготворение, идеализация женщины, когда она для нас не земной человек, а «земной Ангел». Это – первый и главный критерий душевной любви: остальные же вы-

текают из него, как следствие.

Зададимся вопросом: возведя женщину всею душою своею на *такой* пьедестал, достаточно ли в земных, повседневных условиях любить её, «как самого себя», т.е. по нормам любви к ближнему? На мой взгляд – нет: даже далеко не единственного «рядового» ближнего мы должны возлюбить, по меньшей мере, не ниже, чем самого себя. Тогда как же должно любить ближнего, боготворимого нами? Если уж мы подняли его до уровня «чинов ангельских», то и воздать ему должны Любовью, соответствующей этому рангу. Но мы, к сожалению, не знаем ни подобной любви, ни самого Ангела. Всё это, естественно, только в нашем воображении, представлении. Единственное, что можно безошибочно утверждать: если земная Женщина в земных условиях воспринимается мужчиной, как «Ангел во плоти», то Любовь к ней, естественно, будет *выше* уровня «как самого себя». Иными словами, любить на душевном уровне – значит любить больше, сильнее, чем самого себя. (Этот вывод, как уже говорилось, естественным образом вытекает из первого, главного критерия душевной любви.) И в чём же это должно выражаться? Ведь мы с натяжкой представляем себе любовь к ближнему даже на уровне «как самого себя», не говоря уж о более высокой планке.

Всё очень просто и одновременно сложно: речь идёт о *жертвенности*. Это и есть – «более чем самого себя». Превышение уровня любви к женщине над уровнем любви к се-

бе выступает в данном случае в виде жертвенности своим «Я» (и всем, что с ним связано) во имя Любви. Это, образно говоря, «запас прочности» Любви.

Параметр этот одновременно можно считать и практическим «показателем степени» Любви, ибо жертвенность реализует себя в поступке. По смысловому содержанию жертвенность в Любви – понятие добровольное: очень трудно систематически ущемлять себя, допустим, из соображений долга или другой нависшей дамокловым мечом необходимости. Более того, жертвенность любящего человека вообще не должна осознаваться им самим, как жертвоприношение. Она должна приносить ему ощущение счастья, погружать его душу в комфортное состояние. Радость отдачи, превышающая радость получения, есть достоверный признак «здоровья» Любви.

Конечно, рассмотренные выше симптомы душевной любви не исчерпывают всех особенностей, характерных для любви такого уровня. Но мы рассмотрели только общие, «обязательные» признаки, без которых любовь на душевном плане как понятие существовать не может. Каждый из нас, естественно, способен назвать множество своих убедительных и важных для него критериев, по которым он судит о любви на душевном уровне. Эти доводы (не стоит даже пытаться их именовать) будут, конечно, верными, т.к. являются частными проявлениями общих признаков, рассмотренных выше.

Итак, в результате довольно подробных рассуждений о любви на каждом из планов триады приходим к следующему.

На физическом плане любовь являет собой природную, животную силу взаимного тяготения полов, благодаря которой «и будут два одной плотью»; это – энергетическая основа Любви.

На плане души любовь – сила, очеловечивающая эту стихийную энергию и переводящая её из категории физической в нравственную. Любовь этого уровня способна выявить в человеке образ и подобие Бога; только на этом плане можно возлюбить ближнего более, чем самого себя.

На духовном плане любовь непосредственно связана с эволюцией личности; более того, она активно воздействует на трансформацию последней в индивидуальность. А ведь именно в этом и заключается высший смысл человеческого бытия. «Человек – тварь, но он имеет повеление стать Богом», – утверждает Григорий Богослов, один из величайших учителей и отцов церкви [10], с. 3. Базируясь на любви душевной, достигшей показателя «более чем самого себя», любовь духовная, совершенствуя «образ и подобие», способствует продвижению его к Оригину. «Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный», – назидает Христос в Нагорной проповеди (Мф. 5, 48).

Любовь на каждом отдельно взятом плане триады органично соединяется с любовью на других планах, в результате чего создаётся феномен, называемый Любовью (с боль-

шой буквы). Триединство Бога являет себя и в триединстве Любви, даруемой Им триединному человеку. И тогда постулат апостола Иоанна «Бог есть любовь» обретает вполне определённое (троичное) толкование.

Наверное, многим знакома эстрадная песня (к сожалению, не помню её автора), в которой есть такие слова:

...Счастливы только те, я знаю,
у кого Любовь бывает на двоих.

Мне лично импонирует этот фрагмент, т.к. в нём предельно ясно выражена далеко не простая (как это может показаться) мысль: Любовь, как высшее счастье, не может быть дана одному, т.е. отдельно взятому человеку. Иными словами, Любовь как понятие может существовать только в замкнутой системе «Он – Она». При этом триады Его и Её должны не просто встретиться, «едва соприкоснувшись рукавами», а проникнуть, прорасти друг в друга. Подчёркиваю, именно органически соединиться, но не слиться, не раствориться одна в другой.

Создавая единую, общую «зону Любви», взаимно питая друг друга всеми видами любовной энергии, Он и Она тем не менее не теряют своей индивидуальности. Более того, они оказывают взаимную поддержку в раскрытии и совершенствовании природных данных каждым из них.

Попытаюсь графически проиллюстрировать вышесказан-

ное на примере известного символа – звезды Соломона.

Получается этот знак в результате сближения двух равно-
сторонних треугольников – **А** и **Б** (рис. 1), символизирующих мужскую и женскую триады соответственно, а затем и «врастания» их друг в друга до образования правильной шести-
лучевой звезды (рис. 2).

Рассмотрим её как возможную структурную модель отношений между триадами в Любви.

Средней частью фигуры, её сердцевиной является правильная гексаграмма – «зона Любви», *общая* для обеих триад, но изолированная от внешнего мира непосредственно. Именно здесь «будут два одной плотью» (физической, душевной и духовной), а Любовь раскрывается сполна на всех уровнях.

*Б-женская
триада*

Гексаграмма обрамлена контуром чередующихся по половому признаку отрезков **а** и **б**. На этих связях, как на основаниях, вырос венец из шести «разнополюх» треугольников.

Это – *индивидуальные* зоны триад **А** и **Б**, соединившихся во имя Любви. Совокупность «однополюх» треугольников представляет собой трёхплановую обитель каждой из триад. Эти зоны, хотя и расположены вне общей «зоны Любви», имеют к ней непосредственное отношение. В них формируется индивидуальное лицо абстрактных Его и Её в общей гармонии Любви.

Как видим, эти треугольные лепестки, «взявшиеся за руки» в точках **о**, образуют корону, оберегающую «зону Любви», как святыню, от прямого, подчас дерзкого вмешательства в неё запредельного мира.

В то же время их острия **А** и **Б**, направленные вовне, выполняют роль антенн, принимающих разностороннюю информацию внешнего мира на соответствующих планах обеих триад. Внутри каждой индивидуальной зоны происходит обработка и накопление полученной информации с целью последующей передачи её в общую зону, в результате чего «не скудеет Любовь».

Обогащение общей зоны энергией зон индивидуальных происходит под строгим перекрёстным контролем. Обратите внимание: основание каждой из индивидуальных зон принадлежит триаде противоположного пола. Так, мужские зо-

ны А опираются на женские основания б, играющие роль фильтров. Таким образом, энергия индивидуальных зон очищается от вредных для Любви примесей на границе с общей зоной. Непредвзятость «приграничного» контроля способствует прохождению в общую «зону Любви» только того, что имеет ценность для *обеих* триад.

Но обеспечить полноту и безошибочность этого контроля человеческая триада, в силу своего несовершенства, конечно, не может. Поэтому в оберегаемую зону проскакивают хорошо замаскированные личинки будущих ссор и разногласий, а также сетований: «И как же раньше я этого в ней (в нём) не разглядел (не разглядела)!» В целом же индивидуальная зона – это «мой дом – моя крепость». В ней на всех трёх её планах обитают индивидуальные интересы и вкусы личности. Именно здесь триада активно работает над собой, самосовершенствуясь во имя Любви и любимого человека.

Внешне звезда Соломона очень напоминает цветок – один из самых популярных поэтических образов Любви. Например, в известной неаполитанской песне (кинофильм «Вернись в Сорренто») есть такие слова:

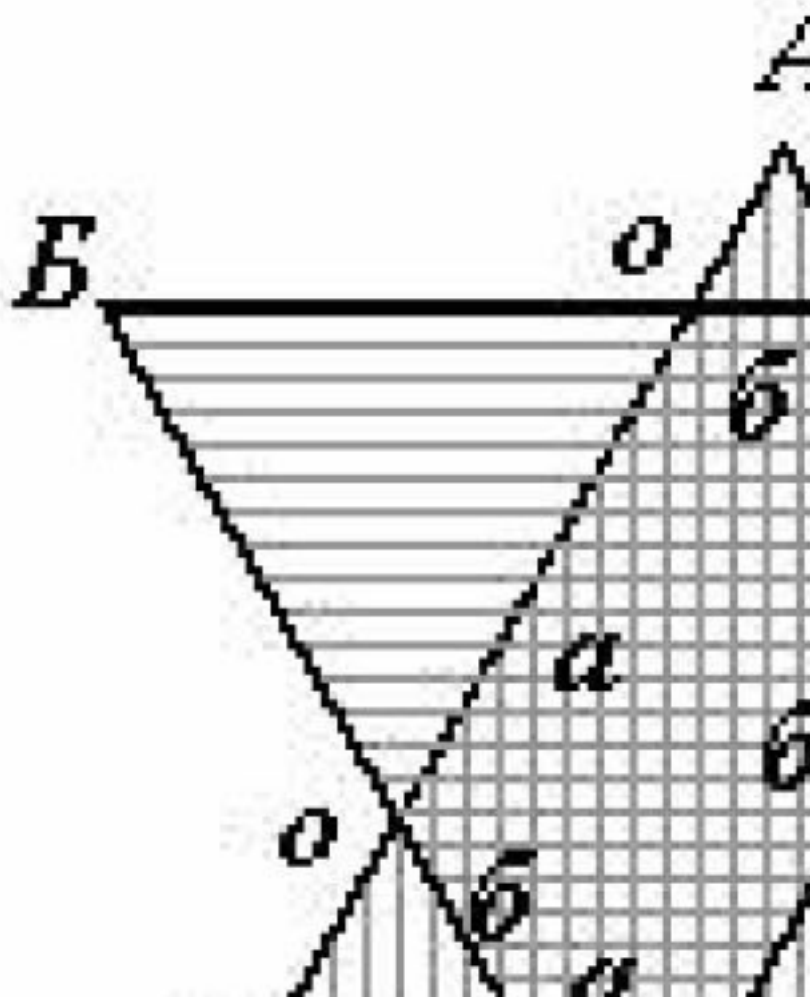
Расцвёл цветок Любви

В бедном сердце моём...

Однако в сокрытых эзотерических учениях звезда Соломона символизирует гармонию мира и аналогию между высшим миром (Макрокосмом) и миром низшим (Микрокосмом). И тогда на уровне последнего этот знак иллюстриру-

ет гармоничное соединение духовного и материального. Но поскольку носителем духовного начала считается мужчина, а материального – женщина, постольку звезда Соломона и воспринимается не только как поэтический образ, но и как идеальный символ земной Любви.

Конечно, при рассмотрении этого знака в подобном качестве Любовь подразумевалась такой, какой она должна быть в идеале. Но это – чисто теоретический вариант, к которому должно стремиться *обоим*. А практически? Велика ли вероятность (на примере модели) *такого* движения мужского и женского треугольников навстречу друг другу, чтобы образовалась абсолютно правильная гексаграмма? Видимо, нет.



Скорее всего при встречном движении поля этих треугольников, соединившись, сформируют общую фигуру, отличающуюся от описанной выше гексаграммы. «Зона любви» будет или деформированной (Рис. 3 – искажённое соединение триад), или неполной и смещённой (Рис. 4 – соединение диад). В последнем случае разросшиеся индивидуальные зоны каждой из триад блокируют дальнейшее развитие общей «зоны любви» – эгоизм берёт верх, подавляя любовь.

Вот так же, но уже не на модели, а в обычной земной жизни, Любовь гармоничная и долговременная – явление крайне редкое (раритет!), а всякого рода искажения и отклонения – сплошь и рядом.

Не стану углубляться далее в анализ возможностей звезды Соломона, хотя она ещё и не исчерпала себя как графическая модель Любви, скрывая интересные закономерности и соотношения. Главный вывод можно сделать уже сейчас.

Этот любимый магами знак, даже в самом искажённом виде, свидетельствует о том, что понятие «любовь» (с любой буквы) – *всегда двустороннее*, т.е. существует только в общей зоне – «зоне любви». Казалось бы, это вполне очевидно, и тем не менее веками на правах реальности бытует иное понятие – безответная (неразделённая, односторонняя и т.д.) любовь.

Применительно к формированию звезды Соломона это означало бы, что мужской и женский треугольники в своём

движении навстречу друг другу способны только едва соприкоснуться вершинами, не создав общей зоны. О какой же любви может идти речь в данном случае?! Слишком далеки Он и Она друг от друга.

То, что называют безответной любовью, можно именовать как угодно: влюблённостью, увлечением, тоской, желанием любви и т.д., но только не Любовью, которая в *принципе* не может быть неразделённой. По существу, это часть Любви, жадно искавшая свою половину, но нашедшая чужую. «Неразделённая любовь» – это своего рода самообман, замена целого его частью, ибо она не может развернуться в триаду.

Как мы уже видели, троичная структура человека порождает в нём любовь на соответствующих уровнях. Следствием этого является тройственное восприятие любимого человека в интересном, родственном аспекте. В большей степени это присуще женщине (хотя не чуждо и мужчине):

За два прошедших года эти

Ты для меня был всем на свете:

Учителем и другом, мудрецом,

И, как ни странно, сыном и отцом.

Лучше не скажешь! Непосредственность и выразительность передачи сложного чувства предельно трогательны. Ясно, что эти прекрасные строки принадлежат перу женщины, обладающей утончённым душевным планом и познавшей Любовь во всей её троичной полноте. Воистину, поэт –

в душе, а не на бумаге.

В каждом человеке независимо от возраста живёт одновременно дитя и родитель – настоящий или потенциальный. Поэтому в Любви человек проживает параллельно три жизни: за себя, ребёнка и родителя.

Конечно, «любимые женщины нас любят, как матери». Но это – полуправда. А полная правда заключается в последнем стихе приведённого фрагмента: они хотят любить нас ещё и как *дочери*, т.е. чувствовать в любимых мужчинах, как прежде в своих отцах, надёжную защиту от житейских невзгод.

Тема «Триада в любви», конечно, не исчерпывается любовью к ближнему и любовью межполовой, ибо троичность присуща каждому виду любви в сфере отношений между людьми (например, между родителями и детьми). Это вполне естественно, т.к. любовь, устремлённая на личность вообще, «основана на открытии максимальной ценности конкретного человека» ([6], с. 164), который трехипостасен по природе своей.

Но троична также и любовь, устремлённая на общность, природу, идею и т.д. Например, любовь к Родине, которую мы воспринимаем и как Родину историческую – «землю отцов», и как место своего рождения и обретения имени – Родина-мать, и, наконец, как конкретную страну – государство. И в этой любви, как и во всём мире троичностей, деформация

ция одного из её планов ведёт к перекосу других, а затем и к распаду (исчезновению) самого понятия «любовь к Родине». Так, откровенное недовольство граждан, обманутых и не защищённых государством, негативно влияет, хотя и косвенно, на их отношение и к своей «малой Родине» (например, экологическое и бытовое варварство), и к Родине исторической (например, циничная спекуляция боевыми наградами наших дедов и отцов; откровенное нежелание исполнять свой священный долг по защите отечества и т.д.).

Троична по своему характеру и любовь человека к природе как источнику материальных благ (потребительских ценностей в самом широком «ассортименте»); душевного покоя и наслаждения (эмоциональный комфорт); художественного творчества (в литературе, живописи, прикладном искусстве и т.д.). Любви человека к природе присущи те же «болезни», что и любви к Родине. Это вполне естественно, ибо первая является одной из форм второй. Так, перекося триады в сторону материального плана (необузданное хищничество) не только ослабляет душевную и духовную функцию природы, но и приводит к умерщвлению природы как таковой. Да, человек почти в прямом смысле «рубит сук, на котором сидит».

Заключая тему, хочу свести её к следующим важным, на мой взгляд, выводам.

– Межполовая индивидуальная любовь – понятие двустороннее и, следовательно, может существовать только при на-

личии «зоны любви», *общей* для обеих триад – Его и Её, что непосредственно вытекает из Мк. 10, 8: «И прилепится к жене своей и будут два одной плотью, так что они уже не двое, но одна плоть».

– Все виды любви, кроме Любви человека к человеку, не требуют соединения в «единую плоть» любящего и любимого. Однако это не означает, что «общей зоны» в этих видах любви не может быть вообще. Более того, без взаимной любви эти отношения просто-напросто теряют гармонию, долговечность и в конечном счёте свой смысл.

– Любовь Бога к человеку беспредельна по своей глубине и широте: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 16).

Любовь же человека к Богу, хотя и ограничена возможностями сердца, души, разума и крепости любящего, требует тем не менее максимальной их мобилизации: «И возлюби Господа Бога твоего, всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею» (Мк. 12, 30). Именно человек, возлюбив Бога *всю* триадою своей, создаёт тем самым «зону любви», общую для себя и Бога. Скромная по «размерам» триада отдельного человека занимает точечное место в безграничной божественной триаде. Но поскольку это относится ко «всякому верующему в Него» в великом множестве, то любовь Бога к конкретному человеку расширяется до пределов любви ко всему челове-

честву. И тогда союз триад любви к Богу отдельных людей, погружённый во всеобъемлющую триаду любви божественной, становится общей зоной этой Высочайшей Любви.

Триада в произведениях искусств ва

Похоже, что троичность живёт в человеке на правах архетипа. Она «вросла» в религии, сказки, легенды народов мира, в пословицы и поговорки. Это, конечно, не означает, что другие числа не фигурируют во всём перечисленном (например, загадочная семёрка). Но триада является базовой структурой, своего рода гарантом стабильности и завершённости. Это, образно говоря, есть «минимальное законченное».

Так, три базовых цвета: красный, синий, зелёный – дают в своих сочетаниях всё колористическое многообразие (цветное телевидение); в основе музыкального лада также лежит трезвучие.

А в литературе? Пушкин, например, сомневается в том, что «найдёте вы в России целой три пары стройных женских ног». (Почему именно три?) Героя «Пиковой дамы» Германа губит триада таинственных карт в составе: тройка, семёрка, туз. (Кстати, начинается этот роковой набор опять же с базовой «тройки».) В «Сказке о попе и о работнике его Балде» последний с третьего щелчка в лоб вышибает ум у скупого и бесчестного хозяина. Естественно, эти природные, бытовые

и литературные примеры, в которых троичность подчёркнуто очевидна, может продолжить каждый. Но позволю себе привести всё же ещё один фрагмент:

Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую:

Гипсу ты мысли даёшь, мрамор послушен тебе:

Сколько богов, и богинь, и героев!..

(А.С. Пушкин «Художнику»)

Да это же математическая по краткости и исчерпывающая по глубине формула троичного восприятия произведения искусства! Эта поэтическая формулировка не менее гениальна, нежели сами образы в камне!

Пушкин в данном случае выступает как образцовый зритель: то, что он видит (физический план), рождает в нём высокие мысли (духовный план) и восторженные эмоции (душевный план). Это реакция поэта на произведение искусства. А как же оценивается им автор скульптурных портретов? Также тройственно: идея («мысли даёшь»), мастерство воплощения («мрамор послушен тебе») и готовое творение в материале («сколько богов»)… Таким образом, произведение и его творец рассматриваются во взаимосвязи как единое гармоничное целое. Творец живёт в своём творении и после физической смерти, как бы консервируя себя в своём детище. Но как сложится судьба последнего – только Богу известно.

Тройственный союз: художник – произведение – зри-

Произведения искусства, объединённые крылатым выражением «пища духовная», но не востребованные человеком, подобны хлебу физическому, находящемуся на складском хранении. И то и другое становится действенным только при наступлении голода (голод духовный, к сожалению, большинство людей испытывает гораздо реже, нежели голод физический).

Однако выставить из запасника картину, исполнить симфонию или издать книгу ещё не значит дать вторую жизнь произведению. Нет, «вдунуть в лице его дыхание жизни» способен только активный зритель, слушатель, читатель: тот, кто не только смотрит, но видит; не только слушает, но слышит; не только читает, но внутренне реагирует на прочитанное.

Таким образом, творец оживает в своём творении только при подключении к нему потребителя хлеба духовного. Создаётся тройственный союз: художник – произведение – зритель (обращаюсь к изобразительному искусству только в силу его наглядности). Поскольку каждый из них троичен по своей структуре, то фактически возникает действенный союз троичностей.

Жизнь этого союза сравнительно коротка – не более времени общения зрителя с произведением. Но последствие такого общения на зрительскую триаду может быть различ-

ным по силе и продолжительности. Речь идёт о глубине впечатления, но отнюдь не о его «знаке»: сильным и памятным может быть и отрицательное восприятие произведения.

Тройственный союз «художник – произведение – зритель» может не состояться только в одном случае: при полном безразличии зрителя к произведению, когда диада «художник – произведение» отделена от зрителя глухой стеной равнодушия и непонимания. Негативно воспринятое произведение вызывает всё же активную реакцию, когда зритель (слушатель, читатель) «работает» всю свою триаду против увиденного (услышанного, прочитанного). Но это же самое произведение отходит в небытие при встрече с равнодушным зрителем. Виновен ли в этом последний, трудно сказать однозначно. Возможными причинами могут быть и эмоциональные особенности человека, и его интеллектуальный склад, сформировавшийся к данному времени (мировоззренческая позиция, духовный эталон), но чаще всего – элементарная неподготовленность к встрече с произведением искусства, низкий уровень общей культуры. Может ли, например, встреча с иконой или картиной на мифологическую тему пробудить в зрителе «что-то», если он никогда не открывал Библию или «Мифы и легенды Древней Греции» и, следовательно, не знает даже сюжета этих работ? Нет, конечно.

В рассматриваемом тройственном союзе первый и главный его участник – художник (композитор, писатель) – остаётся в тени, которая со временем (годы, века!) становится всё плотнее. И мы, потомки художника, уже воспринимаем его творение в отрыве от творца (кстати, подобная участь нередко постигает и произведения современных нам авторов, поскольку мы «ленивы и нелюбопытны»). А между тем личность художника, вызванного из-за кулис времени, играет немалую роль в восприятии его произведения.

Художник творит в своё историческое время, самоутверждаясь в произведениях, доступных и понятных его современникам. К сожалению, ключ к пониманию многих из этих творений нами утерян. Поэтому биография художника (личная и творческая), условия формирования и обитания, окружение, исторические особенности эпохи, а также его личные качества – всё это немаловажно для восприятия, а значит, и оценки того или иного произведения. Знания об авторе (и чем больше – тем лучше) обогащают весь тройственный союз, делая его сравнительно недолгую жизнь ярче и многограннее.

Например, «сельские главы» из «Евгения Онегина» воспринимаются совершенно по-иному после посещения пушкинских мест в Псковской области, где поэт провёл два года в ссылке, или после прочтения книги С.С. Гейченко, посвященной Пушкинскому заповеднику [11].

В опере Н.А. Римского-Корсакова «Садко» морские пей-

жажи, «нарисованные» музыкальными средствами, воспринимаются, как зримые образы. Такая выразительность объясняется, видимо, и тем, что гениальный композитор собственными глазами видел и как «о скалы грозные дробятся с рёвом волны», и как экзотичны «жемчужины в море полуденном», ибо он был профессиональным моряком. (Окончив морской корпус, три года провёл в океанских походах на клипере «Алмаз».)

Полотна В. Верещагина полнее и глубже раскроют свою философскую глубину зрителю, ознакомленному с литературными трудами художника [12], напрямую связанными с его живописью. На примере картин В. Верещагина можно проследить, как «отпечатываются» в произведениях личные качества автора, его характер. «Так уж был устроен его (Верещагина. – Г.М.) взгляд на мир, что ложь для этого взгляда не распределялась по принципу: «больше – меньше». Ложь в детали также преступна, как и ложь в идее» [12], с. 20. И тогда вполне объяснимо неразрывное единство общего замысла произведения и тщательно проработанных его деталей, обретающих подчас символическое значение (например, орнамент дверей Тамерлана или «вопиющие» черепа в «Апофеозе войны»). Этот ряд примеров при желании может быть продолжен каждым читателем.

Хочу, чтобы меня поняли правильно. Я не навязываю никому никаких вариантов, а тем более системы и пишу не об обязательном, а о желательном.

Естественно, в тройственном союзе художника, произведения и зрителя связь первого и третьего звена опосредованно, через произведение существует всегда; зритель, встречаясь с произведением искусства, в любом случае составит какое-то своё представление о личности его автора. Однако эта связь может быть усилена расширением и углублением знания о художнике и его творчестве. Источниками информации в этих случаях могут быть книги, периодика, мемориальные музеи, тематические теле- и радиопередачи и т.д. (Было бы желание!)

Какова же последовательность, т.е. что же вначале: знание об авторе, его творчестве (в широком смысле слова), а затем встреча с конкретным его произведением или наоборот? На мой взгляд, предпочтительнее первый вариант (существует понятие «подготовленный зритель», «подготовленный слушатель»), однако не исключается и второй. Допустим, что под впечатлением выставки работ неизвестного или малоизвестного вам художника вы заинтересовались его творчеством и стали углублять свои знания по теме. Эта «обратная связь», вполне вероятно, может снова привести вас на ту же выставку. Но теперь вы другими глазами будете смотреть на уже знакомые вам полотна. А для юного зрителя (слушателя, читателя) именно первичный интерес к конкретному произведению может послужить начальным стимулом к более широким познаниям в искусстве и литературе.

В любом варианте познания: от художника ли через зри-

теля к произведению или от произведения через зрителя к художнику – совершенствуется только зритель. Теперь, зная о художнике, ему легче познать его детище. Укрепив связь с творением и его творцом, зритель (слушатель, читатель) тем самым удерживает их от ухода в небытие на время, равное ещё одной человеческой жизни, а это немало.

Восприятие произведения живописи

Связь «зритель – картина», как уж отмечалось, троична по структуре. Изначально чувственное восприятие (зрение) произведения трансформируется затем в эмоцию и мысль. Обратимся к примеру.

При первом взгляде на картину В. Верещагина «Апофеоз войны» (я имею в виду подлинник ГТГ, а не репродукции) зрителем овладевает состояние, которое, как и любую эмоцию, трудно описать. Одним словом – «душа содрогается!» Необычайность сюжета, особенно жуткий ансамбль вопиющих черепов на переднем плане картины, их «лица», искажённые ужасом, – буквально потрясают. (Пишу, конечно, о своей реакции, но думаю, что подобное состояние испытывали и другие.)

Затем к интенсивной работе душевного плана подключается мысль, раздумье. Как бы всплывает и становится совершенно очевидной доминирующая идея произведения – отрицание войны как способа человеческих отношений. Это

– приговор войне! Таким образом, вся человеческая триада вступает в активную работу с произведением.

Конечно, «Апофеоз войны» воспринимается как символ, как заключительный аккорд в этой ужасающей «музыке войны». Но я думаю, что далеко не все знают о том, что картина В. Верещагина является художественным изложением исторического факта. Приведу выдержку из книги о Верещагине: «Однако в каталоге сообщалось: картина – не плод фантазии. Монумент из черепов соорудил один из кокандских ханов, Велихан-Тюре, вблизи реки Кызыл как знак своего всевластия, силы и непобедимости» [13], с. 53. (Речь идёт о каталоге выставки картин и рисунков В. Верещагина в марте 1874 года в Петербурге.)

Информация о жутком историческом факте, полученная зрителем через художника, ещё ближе соединяет их и на душевном, и на духовном планах. Увидев (в своём воображении, конечно) этот зловещий памятник как физическую реальность и пережив ещё раз содрогание души, обратимся к произведению вновь. И тогда мы поймём, но, возможно, не сумеем выразить словами *то*, что предельно чётко сформулировал сам художник в письме к П.М. Третьякову: «Передо мной, как перед художником, война, и её я бью сколько у меня есть сил; сильны ли, действительны ли мои удары – это другой вопрос, вопрос моего таланта, но я бью с размаху и без пощады» [13], с. 6.

Это – жизненное кредо художника, не единожды встре-

чавшегося с войной лицом к лицу, знавшего войну изнутри, раненого и погибшего на войне. Вот почему все картины В. Верещагина таковы, что им просто по-человечески веришь, глубоко и безоговорочно.

Рассмотренный выше пример демонстрирует не только троичность восприятия в действии, но и влияние знаний о произведении (его предыстория, мотивы и т.д.) и его создателе на «качество» самого восприятия.

Восприятие музыкального произведения

Всё вышесказанное о троичном восприятии произведения живописи в полной мере относится и к восприятию музыкального произведения, в чём есть, безусловно, и свои особенности. Как известно, музыка является самым эмоциональным и наиболее условным из всех искусств. При встрече с картиной, скульптурой видимый образ «кого-то» или «чего-то», переданный в линиях, красках, пластике предстаёт перед нами. В музыке же образ должен родиться в воображении слушателя под влиянием услышанного, т.е. воспринятых слухом (физический план), «организованных, упорядоченных звуков, вызываемых инструментами или человеческим голосом» [14], с. 4.

Эта слуховая информация может быть расшифрована только на плане человеческой души, ибо музыка является языком последней. Без единого слова (я имею в виду «чи-

стью» музыку, без словесного сопровождения), одной только комбинацией звуков музыка способна привести человеческую душу в определённое состояние.

Таким образом, результат воздействия музыки на плане физическом созревает и раскрывается прежде всего на плане души. Но это – только в том случае, если музыкальное произведение нашло своего слушателя (или наоборот – слушателю посчастливилось встретить музыку, созвучную его душе). В противном случае, связь планов физического и душевного не устанавливается. Музыка, вызывающая сильные эмоции у одного человека, конечно, может и не затронуть душу другого, но людей, совершенно равнодушных к музыке, по-моему, не существует. Речь может идти только о репертуаре – любимом или нелюбимом.

Связь физического и душевного планов человека при его встрече с музыкальным произведением очевидна, ибо музыка обращена главным образом к чувствам людей. (Л.Н. Толстой, например, считал музыку «стенографией чувств».)

По словам Ромена Роллана, «музыка овладевает нашими чувствами прежде, чем её постигает разум» [14], с. 4. В этом коротком, но очень ёмком изречении внимание акцентируется на последовательности включения в работу души и разума. Наличие же самих процессов не вызывает у автора цитаты никаких сомнений. Это как бы вполне естественно, а потому и неизбежно.

Безусловно, чувства человека непосредственно влияют на деятельность его сознания. Поэтому в любом случае (за редким исключением) музыка, воздействуя на душевный план, подключает через него к работе и план духовный. Известно, что душа реагирует на музыку рождением эмоций, различных по характеру и глубине. А в какой же форме её постигает разум? По мнению музыкантов, например Н.А. Римского-Корсакова, – в форме образа и мысли. Под влиянием музыки в воображении слушателя должны появиться образные ассоциации, своего рода «музыкальные картинки», т.е. слышимое должно стать видимым, доступным внутреннему взору.

Однако всякая ли музыка, и каждый ли человек при встрече с ней способны породить некий зрительный образ? В принципе – да, но это – только *в принципе*. Реально же на этот процесс влияют многие факторы: уровень общей культуры (насыщенность духовного плана), жизненный опыт, возраст, эмоциональный склад личности (особенности душевного плана), способность мыслить абстракциями и др. Но прежде, чем говорить о возможности возникновения и формирования образа, необходимо определиться с самим понятием «образ». *Что* им считать?

Некоторые люди просто уверены (заключение, вынесенное мною из многочисленных бесед), что они вообще никогда и ничего «не видят под музыку».

Но *невидимое и несуществующее* – далеко не одно и то же. В силу превалирования конкретного мышления над абстрактным эти люди признают в качестве образа *только* предметное, почти материальное изображение, выразительное и ясное, как цветная фотография. И когда вместо чётко обрисованного «чего-то» воображение набрасывает им крупными мазками всего лишь абстрактное «ничто», люди не принимают последнее как образ. Конечно, это нельзя назвать оформившимся видением, но и бесформенным чувством, полностью изолированным от разума, – тоже, ибо духовный план уже подключился к работе.

В общих чертах характеризовать подобную реакцию на музыку можно, как *ощущение присутствия* в смутном, абстрактном образе конкретного, видимого образа. А в напряжённых, тревожных аккордах 5-й симфонии Бетховена, например, ощущается не столько присутствие образа, сколько его *преддверие*. «Гимн ширится, незабываемый для тех, кто слышал его хоть раз... Тревога, таящаяся в музыке, грозы, которые образуются в отдалении, приближаются, становятся зримыми, разражаются бурей...» [15], с. 152

Конечно, это сугубо личное видение музыкального произведения. У каждого слушателя возникнут свои зримые ассоциации, но все они будут родственными по духу, ибо не увидеть в данной музыке тему героической борьбы практически невозможно.

Итак, если принять в качестве образа весь диапазон внут-

ренных видений от абстрактных, смутно проявленных в отдалении, до конкретных и чётко обрисованных вблизи, то можно утверждать, что практически все люди способны образно воспринимать музыку.

Образы явят себя воображению, ибо нет людей без души. А если музыка без души? В этом случае никакой образ родиться не может, ибо *такая* музыка не способна оплодотворить душевный план человека, но способна деформировать его физический план – нервную систему.

Напряжение духовного плана значительно снижается при встрече с программной музыкой, т.к. в этом случае зримый образ *задаётся* названием музыкального произведения или более развёрнуто – литературным описанием. Например, фортепианный цикл «Времена года» П.И. Чайковского, где каждой из двенадцати миниатюр предпосланы заголовки и эпиграфы, дающие слушателю зримый образ в «готовом виде». Естественно, разновидностей этого образа будет ровно столько, сколько слушателей в зале. Однако все они – «образы-родственники» по своему происхождению. Название музыкального произведения как сокращённая до минимума программа поможет только в том случае, когда это название само по себе *хоть что-то* подскажет слушателю. «Одни только заглавия «Шехеразада», «Прометей» многое говорят тем, кто знаком со сказками «Тысяча и одной ночи» и античными мифами» [14], с. 18.

Программная музыка, разгружая духовный план, повы-

шает в то же время напряжение плана душевного, задавая ему определённый настрой. Слушатель, знающий заранее тему (сюжет) произведения, т.е. сориентированный на вполне определённый зримый образ, вправе оценить, *насколько* музыка эмоционально соответствует этому образу. Душа напряжена, она жаждет гармонии чувств, *вызванных* образом, и чувств, *вызываемых* музыкой. В непрограммном произведении видимый образ (конкретный или абстрактный), создаваемый воображением, вырастает из музыки и является по существу зримой стороной музыкального образа. Конечно, эти образы всегда будут гармонично соединены: ведь из эмоций плана душевного «лепится» образ на плане духовном. В программной же музыке такого совпадения может и не быть (в представлении конкретного слушателя, конечно). Естественно, расхождение образов: музыкального, *созданного* слушателем, и зримого, *заданного* слушателю, – не приводит к целостному восприятию произведения, и слушатель говорит: «Я в этой музыке ничего не понимаю», хотя следовало бы сказать: «Я эту музыку не чувствую».

Есть произведения, музыка которых вызывает у подавляющего большинства слушателей чувства, настолько близкие по своему характеру, что образы, рисуемые под их воздействием, практически совпадают. «Напомним, что лишь много лет спустя после смерти Бетховена соната (№ 14. – *М.Г.*) получила название «Лунной», и под этим названием стала знаменитой» [15], с. 92.

Видимо, чувства, навеянные музыкой сонаты, рождали в воображении слушателей в течение многих лет устойчивый образ лунной ночи. В конце концов, он становится названием фортепианного произведения, т.е. его программой. И теперь уже наоборот: этот образ должен вызывать у слушателя адекватные «подлунные» чувства.

Конечно, разнесение цельного восприятия музыки по отдельным планам человеческой триады можно считать условным. Ведь человек одновременно или последовательно и слышит, и чувствует, и переживает, и ощущает абстракции, и видит образы. *Всё это* содержится, например, в музыке Второго концерта для фортепиано с оркестром С.В. Рахманинова, о чём сам композитор говорит:

Это тихая лунная ночь;

Это отдалённый вечерний звон;

Это то, что родится от сердца и идёт к сердцу;

Это любовь!

Сестра музыки – это поэзия... А ещё музыка – это... всё-всё, что нас окружает. Наверное, это и память о прошлом, и мечта о будущем» [16], с. 46. Приведённое высказывание по сути своей применимо к любому музыкальному произведению; меняться могут только характер чувств и формы образов, конкретных и абстрактных, но сами-то они обязательно будут, если музыка воспринята душой.

Однако и при этом условии есть исключение, в силу которого слышимое не может трансформироваться в ви-

димое. Это – чрезмерно сильный чувственный фон, вызываемый музыкой на душевном плане. Находясь в таком крайне неуравновешенном эмоциональном состоянии, человек, естественно, ничего не видит, не воображает и вообще отключается от мира сего, погружаясь полностью в свои обострённые переживания. Подобное испытывает плачущий под музыку слушатель или, наоборот – чрезмерно возбуждённый (особенно – в составе толпы, тонизированной музыкой как допингом). При этом чувства захлёстывают его, достигая такого накала, что и духовный план как бы отсекается от душевного мощной эмоциональной завесой. О каком «образе» здесь может идти речь?

Работа триады при встрече человека с музыкой сориентирована, условно говоря, в прямом направлении: от физически слышимого – к воображаемому видимому, от звуков – к мыслеобразу. Но когда в душе человека *рождается* музыка, триада работает в обратной последовательности: от физически видимого – к внутренне слышимому, от зримого образа – к музыкальному. (Присуща ли эта способность каждому человеку – утверждать не могу, но и отрицать тоже.) Во втором случае, как и в первом, связующим звеном, трансформирующим один образ в другой, будет та же эмоциональная волна (продукт душевного плана), но как бы противоположного направления. (Например, вид бескрайнего хлебного или цветочного поля с холмами, перелесками, белыми об-

лаками на фоне голубого неба почти всегда ассоциируется у меня с мелодией Первой симфонии В. Калинникова. Эта же музыка, кстати, начинает звучать в душе при спокойной, неспешной встрече с картинами И.И. Шишкина «Рожь» и «Полдень. В окрестностях Москвы».)

Формирование зримого образа не является заключительным этапом работы человеческой триады в процессе восприятия музыки. Так, давая сравнительную характеристику видам искусства, Н.А. Римский-Корсаков подчёркивал: «Живопись даёт образ и мысль, и нужно создать в своём воображении настроение. Поэзия слова даёт мысль, и по ней нужно создать образ и настроение, а музыка даёт настроение, и по нём надобно воссоздать мысль и образ» (Цит. по [14], с. 22). Поскольку это личностная формула трояственного восприятия искусства, постольку с ней в целом можно соглашаться или нет, но на фрагмент, касающийся музыки, следует обратить особое внимание, ибо Н.А. Римский-Корсаков – музыкант и педагог с мировым именем.

Итак, слушатель под влиянием музыки должен воссоздать в конечном счёте не только образ, но и мысль. В какой же последовательности? На мой взгляд, первичным должен быть образ. Мысль же в данном случае – вторична, как реакция на этот образ.

Плакать под музыку или, наоборот, пребывать в состоя-

нии экстаза можно и без воображаемого образа, для этого, как уже говорилось, вполне достаточно лишь сильных эмоций. Но *размышлять* под музыку значит размышлять об образе, вызванном этой музыкой. Мысль человека способна «обработать» или увиденное, или представленное им в своём видении. Услышанное же (и прочитанное), прежде чем стать объектом для размышления, переводится в видимое, в образ – конкретный или абстрактный. Следовательно, если, в силу тех или иных причин, конкретная музыка не проходит на духовный план конкретного человека, где она должна породить образ, то, естественно, такая музыка никогда не породит и мысль.

«Формула» Н.А. Римского-Корсакова подтверждает этот вывод. Она является обобщённой формой задания музыкальному слушателю (ключевое слово в ней – «надобно»), выполнение которого становится реальным, если «музыка даёт настроение», т.е. способна разбудить душевный план, который в свою очередь и настроит на «воссоздание мысли и образа» духовный план человека.

В этой «музыкальной лесенке» первая её ступень – восприятие музыки душой, является не только фундаментом образного и мыслительного восприятия музыкального материала, но и необходимым условием нравственного совершенствования личности.

В древнегреческой эстетике существовало понятие «катарсис» (очищение), означающее облагораживание чувств

человека под воздействием искусства и в частности музыки. «Пифагорейцы разработали теорию очищения души от вредных страстей (страха, вожделения, гнева, ревности и т.д.) путём воздействия на неё специально подобранной музыки» [17], с. 140. Но облагораживание душевного плана происходит не только за счёт очищения его от эмоций отрицательных, но и путём возбуждения в душе человека эмоций положительных, жизненно необходимых (сочувствие, всепрощение, энтузиазм, решимость и т.д.). Во истину, «нам песня строить и жить помогает».

Триада человека-слушателя выполняет более сложную работу, нежели триада человека-зрителя. Так, при встрече с картиной физически видимый образ «чего-то», находящийся непосредственно перед нами, переводится чувственной энергией души непосредственно в мысль (ассоциации, размышления, анализ и т.д.).

При восприятии же музыки на духовном плане первоначально формируется зримый образ, который затем уже становится объектом мысли. Иными словами, слышимое предварительно трансформируется в видимое; музыкальный образ – в мыслеобраз. Так что воспринимать непрограммную музыку во всей её полноте – в соответствии с «формулой» Н.А. Римского-Корсакова – гораздо сложнее, нежели живопись или скульптуру.

И ещё об одной отличительной особенности, касающейся теперь уже состава и структуры троичностей: «художник –

произведение – зритель» и «композитор – сочинение – слушатель».

Если зритель и картина, независимо от возраста последней, способны общаться друг с другом напрямую, то музыка и её слушатель без посредника, т.е. музыканта-исполнителя, общаться не могут.

С одной стороны, исполнитель соединяет слушателя с музыкальным сочинением. Он является своеобразным переводчиком музыки с языка нотного стана на живой, доступный слушателю язык человеческого голоса или инструмента. Качество этого перевода должно быть высоким, ибо от того, *как* прозвучит сочинение, во многом будет зависеть и эмоциональное воздействие музыки на слушателя, и воспроизведение им образа и мысли.

С другой стороны, исполнитель является полномочным представителем композитора, ибо последний, в силу понятных причин, не всегда может представить слушателю своё произведение непосредственно. Естественно, это становится вообще невозможным после физической смерти композитора. Так что присутствие исполнителя в музыкальной троичности неизбежно. Но, несмотря на это, он всё же не является её самостоятельным звеном (что следует уже из самого понятия «исполнитель»), хотя благодаря ему, и только ему, все звенья музыкальной троичности соединяются в единую гармоничную систему.

Каковы же, с точки зрения троичности, общие выводы из

этих рассуждений?

– Любой вид искусства базируется в принципе на единой троичной структуре «автор – произведение – потребитель духовных ценностей».

– Художественное произведение содержит в себе компоненты, которые человек гармонично воспринимает на всех уровнях своей триады. Следовательно, художественное произведение по сути своей троично.

– Эффект восприятия произведения (особенно музыкального) на одном из планов триады активно влияет на работу смежного плана (эмоция трансформируется в мысль, но и мысль способна породить эмоции).

Поскольку музыка является наиболее сложным для восприятия видом искусства, то ей, естественно, отведено в данной работе значительно больше места, нежели изобразительному искусству.

Вероятно, нет смысла анализировать в подобном ключе примеры из литературных произведений, где слишком очевидны и троичная структура, и уж тем более троичное их восприятие читателем.

Другие проявления троичности

Троичность «вокруг нас» может быть вполне очевидной, причём настолько, что человек воспринимает её, не замечая, как нечто вполне естественное и привычное, например трёх-

мерность пространства или троичность времени. Но подчас троичность выступает не в столь откровенной форме, маскируясь за внешней стороной явления.

Для человека, в силу его троичной структуры, внутреннее желание найти и зафиксировать середину того, что имеет начало и конец, представляется вполне естественным. Это устремление рождает целый ряд интересных триад, одной из которых является «зеркальная» симметрия.

Такая скромная в своём элементарном виде троичная структура становится одним из *принципов* гармонизации художественных произведений в изобразительном, декоративно-прикладном искусстве и архитектуре. «Симметрия связывается с представлением о гармонии и эстетическом совершенстве форм, начиная с эстетики Древней Греции. На основе симметрии строятся все формы орнаментов; в архитектуре помимо конструктивных качеств она даёт композиционное тождество элементов; в живописи определяет взаимную уравновешенность частей» [17], с. 314.

И хотя этот основополагающий принцип не всегда столь очевиден в произведениях, основанных на нём, тем не менее симметрия (как троичная структура) сравнительно легко просматривается при внимательном обозрении произведений прикладного искусства и архитектуры.

Другим интереснейшим видом троичности, сокрытой в творениях рук человеческих, является золотое сечение (правило золотого деления). Понятие это математическое и в общем виде представляет соотношение пропорций, при котором меньшая часть делимого (например, отрезка прямой) так относится к большей, как большая к целому.

«Всякое тело, предмет, вещь, геометрическая фигура, отношение частей которых соответствует такому делению, отличаются строгой пропорциональностью и производят наиболее приятное зрительное впечатление. Наиболее простой вид золотого сечения представлен в человеческом теле: пропорциональное, совершенное тело должно поясом делиться в отношении золотого сечения» [17], с. 94. (Конечно, понятие «совершенное тело» помимо соответствия золотой пропорции предполагает соответствие его и другим параметрам.) Как видим, наше физическое тело «сконструировано» по троичному принципу, т.к. соотношение *трёх* параметров определяет степень его совершенства. Так что мы сами есть зримый образ нерукотворной троичности, что и гармонизирует наши взаимоотношения с внешним миром, с троичностью «вокруг нас».

Да простит меня читатель, но я должен сделать ещё одну ссылку на используемую литературу. Автор книги, из которой мною взят цитируемый ниже фрагмент, является специалистом-метрологом с 40-летним стажем. Уж он-то, конеч-

но, не понаслышке знает и чувствует троичность! «В эпоху возрождения утверждали, что «золотое сечение» – это *«объединение совершенного разума и абсолютной красоты»*. Нас и наших потомков всегда будут восхищать... русские храмы Севера и на владимирской речке Нерли, скрипки Страдивари и пропорции храма Василия Блаженного... Все они сделаны руками человека с соблюдением золотой пропорции. Но долгие годы объясняли люди своё чувство прекрасного, вызываемое этими памятниками культуры, «божественным единством и святым триединством» [18], с. 547.

Святое триединство – вот что такое золотая пропорция в представлении многих поколений людей. Но эта троичность непосредственно, в «чистом виде» сокрыта от глаз человека. Мы не столько видим (даже зная о ней), сколько чувствуем её присутствие в порождённых ею же совершенных формах. Точнее – не в отдельных формах, а в их соотношениях.

Симметрия и золотое сечение присутствуют не только в искусстве и архитектуре, но и в созданиях природы. Так, симметричны, например, левая и правая половины человеческого тела и тела животных, семена и листья растений, кристаллы и снежинки. Примером золотого сечения в природной среде, как уже говорилось, является человеческий торс. Из других «живых примеров» следует назвать в первую очередь иглокожую морскую звезду, имеющую форму пентаграммы, т.е. правильного пятиугольника. Этот природный объект с полным правом можно назвать шедевром, ибо

«пятиконечная звезда с древних времён символ совершенства..., пример золотого сечения..., любимая геометрическая фигура человечества и реальный эталон красоты» [18], с. 546–547. К тому же она симметрична относительно всех пяти осей.

Золотая пропорция «зашифрована» и в других естественных формах. Например, в форме отрывающейся капли, в контуре кленового листа или очертаниях симметричной раковины морского моллюска. В этих примерах золотое сечение содержится в соотношениях не только линейных размеров, но и площадей. (Отношение золотого сечения – величина постоянная, численно $\Phi=1,62$.)

Обратимся ещё раз к звёздам, но не морским, а рукотворным – звёздам московского Кремля, взметнувшимся над столицей (страной) в 1934 году. Это воплощение в материю высокой (в прямом и переносном смысле слова) троичности «над нами», гармонизирующей троичность внизу, т.е. «вокруг нас».

Более полувека венки из пяти пятиконечных звёзд, светящихся в ночи, защищали территориальную целостность, политическую и экономическую независимость «необъятной Родины моей». Это рукотворное созвездие по призванию своему подобно эгиде (щиту) верховного олимпийского бога Зевса.

Двуглавый орёл, сменивший на высоком посту рубиновую звезду, внешне, на мой взгляд, менее оригинален, хотя и более «историчен» как государственный символ. Но главное, т.е. функциональное, отличие состоит в том, что орёл, правда одноглавый, будучи атрибутом того же Зевса, олицетворяет совершенно противоположное начало – карательное (по крайней мере – в отношении Прометея, давшего людям частицу божественного огня).

И совершенно неважно, сколько *уже* кремлёвских звёзд физически столкнули со шпилей башен двуглавые орлы. Важно другое – намерение, желание такой замены. Ведь далеко не новость, что мысль энергетична, материальна, однако в это, к сожалению, верят немногие – в основном люди с развитым интуитивно-континуальным мышлением.

В повседневной жизни мы часто сталкиваемся с ситуациями, когда, казалось бы, вполне очевидная (по форме) троичность воспринимается как двоичность (по сути). Точнее – как троичность, в которой функция одного из компонентов явно недооценивается, не учитывается как реальность. При таком подходе, естественно, во внимание принимаются роли только двух активно действующих сторон и оцениваются только их возможности.

Весьма опрометчивый подход! Ведь именно этот практически неучтённый фактор может стать неожиданно решаю-

щим при подведении итогов противодействия сторон.

Прогноз результатов любого единоборства обычно сводится к ответу на простой и привычный вопрос: «Кто победит?» А правильнее было бы ставить вопрос в несколько иной форме: «Кто будет назван победителем?» Несмотря на внешнее сходство, формулировки эти далеко не идентичны. Так, применительно к спортивным играм и видам спорта, где результат определяется не объективными показателями секундомера или рулетки, а субъективным «человеческим фактором», сильнейшим станет тот, кого назовёт судья. Понятно, что от квалификации, объективности и внимательности последнего во многом зависит судьба пальмы первенства.

В спортивной триаде, состоящей из двух соперников и судьи, последний является фактором, регламентирующим отношения сторон во время их встречи. При этом считается само собой разумеющимся, что он просто обязан всё знать (в компетенции судьи), всё замечать, правильно и незамедлительно реагировать. Более того, предполагается, что *именно так* он будет поступать во всех без исключения случаях. Ещё более того – что исполнять всё это он будет *автоматически*, как робот с заложенной в него программой (в данном случае – официальными правилами спортивного поединка), без личных симпатий и антипатий к участникам. Обезличивание судьи, изъятие из него «человеческого фактора» (права на ошибку) приводит к недооценке его роли в расстановке

приоритетов.

В рассмотренной выше спортивной триаде соперники стремятся к званию «победитель», полагаясь только на собственное мастерство. Влияние судьи-человека на итог соревнования, как уже отмечалось, учитывается слабо. Фактически ему отводится функция регистратора всех «плюсов» и «минусов» в единоборстве соперников. Победитель же должен определиться в результате механического сопоставления того и другого. На этом самом важном этапе судья-человек как бы исключается из процесса судейства.

Но значение судьи как особого компонента триады резко меняется в критических ситуациях, сходных по смыслу (не по сюжету!) с судом библейского царя Соломона. Любопытный читатель, не знакомый с этой историей, может прочитать о ней в Третьей книге Царств (3, 16–28).

Я же только хочу заметить, что обе женщины, оспаривавшие свои права на одного и того же ребёнка, абсолютно не надеялись на силу личных доводов, которые у обеих сторон зеркально аналогичны. Их надежды и чаянья обращены только к судье, мудрому Соломону. Он и впрямь выносит оригинальное и психологически сильное решение (приказывает: «рассеките живое дитя надвое и отдайте половину одной и половину другой»), чем и выявляет подлинную мать оспариваемого ребёнка. В рассмотренной триаде роль сред-

него звена (судьи) является доминирующей, судьбоносной.

В главе, посвященной компромиссу, говорилось о том, что в тупиковой конфликтной ситуации люди прибегают подчас к помощи посредника-миротворца, доверенного лица обеих сторон. Насколько будет успешной миссия этого третейского судьи, не знает никто. Но нас в данном случае интересует не конечный результат, а изначальный мотив. По сути, это пример того, как неустойчивая конфликтная диада, стремясь к стабильности, прибегает к третьему звену. В шатких жизненных ситуациях люди устремляются к троичности, интуитивно чувствуя в этом возможность хоть что-то и как-то уладить, обрести третью точку опоры.

В исторически сложившейся троичности «народ – власть (государство) – христианская Церковь» последняя является доверенным лицом обеих сторон, ибо это верующий народ и верующая власть (хотя бы формально). А все верующие, независимо от их социального и материального положения, теоретически уравниваются под эгидой Церкви. Для них существует «один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, который над всеми, и чрез всех, и во всех нас» (Еф. 4, 5–6). Церковь стирает национальные и иные различия между верующими. В ней «нет ни Еллина, ни Иудея..., варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3, 11). Иными словами, для церкви все

её члены – просто *христиане*.

Это и создаёт некую иллюзию взаимной христианской любви, равноправного союза власть имущих, малоимущих и неимущих людей. По крайней мере, в храмах по большим христианским праздникам с зажжёнными свечами в руках, осеняя себя крестным знамением, стоят рядом и те, и другие, и третьи *как единоверцы*.

Крупномасштабная триада «народ – Церковь – власть» в контексте данного параграфа является только одним из примеров, иллюстрирующих троичность «вокруг нас» и не более того. Но я хотел бы обратить внимание на то, что основной фактор «все и во всем Христос» связует звенья этой триады «по горизонтали». Ведь Церковь объединяет, собирает (отсюда – прекрасное русское слово «собор») вокруг себя людей и, в силу этого, является посредником между человеком и человеком, но во имя Бога.

Однако Церковь (точнее церковные иерархи) претендует одновременно с этим и на роль посредника между Богом и человеком. Она не только отводит себе функцию ходатая за человека перед Богом, но зачастую и действует от Его имени.

Разбираться в том, насколько обоснованы эти и им подобные претензии, довольно сложно, ибо здесь есть доводы и «за», и «против». Тем не менее, триада «по вертикали» «Бог – Церковь – человек» существует (по крайней мере в православии и католицизме), и Церковь узурпирует в ней право на посредничество между безгрешным Христом и грешным

человеком. (Интересно, что в составе полного титула главы католической Церкви, папы римского, есть звание, которое с латинского дословно переводится, как «наместник Сына Божьего».)

Приведённый пример говорит о том, что у нескольких триад (по крайней мере у двух) может быть общее звено. Разве не могут, например, у наших друзей, помимо нас, быть ещё друзья, причём не менее любимые, чем мы? Конечно, могут. Естественно, что эти общие друзья будут при необходимости призваны в «третейские судьи» не только нами.

Троичные структуры (как и всё, что вокруг нас), независимо от их природы, живут не только в пространстве, но и во *времени*. Более того – многие из них раскрывают себя, становясь очевидными, только по прошествии какого-то временного интервала. К примеру – триада в Любви.

Троичности подобного рода представляют собой процессы. Например, процесс восприятия музыкального произведения: от воздействия музыки на физическом плане – к эмоциональному состоянию, а от него – к образу и мысли. В процессе развития любой системы видоизменяются в определенной последовательности (т.е. во времени) её конкретные «сиюминутные» состояния. Но что считать таким состоянием? В течение какого времени оно существует, не изменяясь? И есть ли такой интервал вообще?

Время воспринимается нами в трёх условных формах: прошедшего, настоящего, будущего. Но условностей этих мы практически не замечаем, считая троичность времени объективной реальностью. К тому ж и грамматика узаконила три временные формы глагола – части речи, связанной с действием, с процессом.

Если прошедшее или будущее можно представить в своём воображении, то о настоящем следует говорить как о явлении условном и вполне реальном одновременно. Ибо, существуя, как «миг между прошлым и будущим», т.е. как нечто неуловимое, настоящее воспринимается, как миг *бесконечный*: «Именно он называется – жизнь!» Однако эти же фразы, сведённые вместе (песня из кинофильма «Земля Санникова»), подводят к парадоксальному выводу о том, что настоящего не существует вовсе, т.к. оно являет собой лишь граничную линию между прошлым и будущим (теоретически же линия не имеет толщины).

Действительно, начальная фаза любых, даже самых кратких мыслей, слов или действий при достижении ими завершающей фазы уже отойдёт к прошедшему. И наоборот – «что-то», начатое сейчас (например, самое короткое восклицание!), завершится в будущем. Но к этому моменту будущее уже станет прошедшим, а точнее соприкоснётся с последним. И, тем не менее, *пребываем* мы всё-таки в настоящем, в этом тончайшем пограничном слое времени, хотя *живём* при этом прошлым (благодаря памяти) и будущим

(благодаря опыту и воображению).

Интересна в этом плане позиция восточной философской школы, в частности дзэн-буддизма: «Ничего, кроме настоящего, не существует, и если человек не умеет жить в настоящем, он вообще не умеет жить... Это не значит, что следует шагать по жизни, не задумываясь, но вопрос о том, куда шагать, не должен становиться настолько важнее вопроса о том, где ты стоишь, чтобы и шагать уже не имело смысла» [19], с. 115.

Однако, чтобы настоящее воспринималось, как нечто реальное и жизнеспособное, а не как условная линия между «уже» и «ещё», необходимо раздвинуть временные рамки, в которых оно могло бы себя реализовать. Это возможно только за счёт «отторжения» доли времени, принадлежащего прошедшему и будущему, и присоединения её (как бы с двух сторон) к настоящему.

В действительности мы так и поступаем: искусственно разрезаем непрерывную нить времени на фиксированные отрезки, в пределах которых *настоящее* обозначается узаконенными единицами времени, соединёнными со словами типа: сей (час), сию (минуту), настоящий (год, век) и т.д. Эту же роль играют и временные интервалы, границы которых определены весьма приблизительно (например, эпоха, эра и т.д.) или вообще размыты. Более того, само словосочетание «настоящее время» существует не только как понятие наряду со временем прошедшим или будущим, но и как своеоб-

разная (аморфная) «единица времени»: «В настоящее время в стране царит полнейший беспредел» (из выступления депутата Государственной Думы).

Желание утвердить «что-либо» в настоящем, отделить его от прошлого или грядущего заключается, например, в другом, не менее интересном словосочетании – «сегодняшний день». Мы так привыкли к нему, что даже не замечаем в нём «масла масляного»: ведь слово «сегодня» (сего дня) уже само по себе означает сей, настоящий день. Условность настоящего, его весьма относительная связь с реальным временем заключена, например, в выражениях типа: «в эту радостную минуту», «в сей скорбный час» и т.д. Ясно, что это образ, а не отрезок времени.

Рассматривая выше некоторые троичности, я прибегал для наглядности к помощи отвлечённых символов (весы – выбор, звезда Соломона – Любовь и т.д.). В данном же случае такой необходимости нет, ибо существует прямой символ – часы, наглядно демонстрирующие троичность времени, которое они же измеряют.

Проследим за дискретным ходом секундной стрелки: все секунды впереди неё находятся ещё в будущем; те, что позади – уже в прошлом. И только небольшая пауза, кратковременное замирание стрелки на каждом секундном делении – и есть настоящее. Кстати, это же несложное наблюдение позволяет не только увидеть «миг между прошлым и будущим», но и сделать, хотя и не новый, но очень полезный вывод: про-

шное, настоящее и будущее существуют *совместно* всегда, в каждый момент времени, образуя нерасторжимую троичность.

И ещё о символе времени. Существуют, как известно, электронные часы с цифровой индикацией минут. Не имея стрелок, они, естественно, не способны демонстрировать единство временной триады. Но зато эти часы создают убедительную иллюзию остановки настоящего времени и растяжения его действия на целую минуту. Такая иллюзия в течение столь длительного временного интервала (особенно в конце его!) может дорого обойтись: например, успокоенные ложным настоящим, мы опоздали на транспорт, время отправления которого, оказывается, неожиданно для нас уже отошло к прошлому. Да, «не думай о секундах свысока», ибо они суммировались в данном случае в целую минуту, «но бывает, что минута всё меняет очень круто». (До чего же поучительны эти песни из кинофильмов!)

Если провести аналогию между человеческой триадой и временной троичностью, то, на мой взгляд, следует уподобить физическую ипостась человека прошедшему времени, душевную – настоящему и духовную – будущему. Конечно, данный вывод в значительной степени интуитивен, но есть и доводы разума, к которым я обращусь несколько позже.

Во многих русских народных сказках речь идёт о некото-

ром «тридевятом царстве и тридесятом государстве». Трудно сказать, чем они отличаются от иных царств и государств, с другими «порядковыми номерами».

Интересно другое: почему в сказках «тридевятым» является именно царство, а «тридесятым» государство? Почему не наоборот? Вероятно, потому, что понятие «царство», в отличие от «государства», подразумевает в целом устойчивую, статичную схему: состав и структуру какого-либо владения, ареала, среды и т.д. Например, С. Ожегов трактует «царство» (вариант), как «область действительности, средоточие каких-нибудь предметов, явлений» [4]. В качестве примеров он приводит «царство льда», «животное царство», «тёмное царство» (некультурная, отсталая среда). Понятие «тридевятое», в основе которого лежит тройка и триада из троек, т.е. девятка, также символизирует стабильность, надёжную основу (трёхточечная механическая опора, например, будет устойчива на любой поверхности). Поэтому слово «тридевятое» в русских народных сказках прилагается к «царству», как подобное к подобному, по основной характеристике.

Что касается «тридесятого государства», то это скорее (и в большей степени) динамичная система, функционирующая в пространстве и во времени по определённым законам. И в эту активную систему целенаправленных процессов «тридевятое царство» входит как составная часть, а точнее – как её статичная составляющая. «Тридевятое царство», таким об-

разом, является фундаментом, базисом, на котором функционирует (с учётом его особенностей) надстройка, именуемая в сказках «тридесатым государством». Например, структура и состав «царства природы», расположенного в границах государства, будут в значительной степени определять его экономическую и социальную политику.

Но почему же государство в сказках названо «тридесатым»? Дело в том, что все три девятки «тридевятого царства», включаясь в систему «государство», обретают определённое движение. Если в системе «царство» эти девятки находились в относительном покое, существовали как бы статично, то в динамичной системе «государство» они включаются в те или иные *процессы*. А процесс – понятие, связанное со *временем*.

Конечно, и «тридевятое царство», выключенное из внешних процессов, тоже существует во времени, как и любой объект этого мира. Но существует оно во времени пассивно, просто пребывая в нём. Для такого состояния временной фактор не является главной характеристикой системы (в данном случае – «тридевятого царства»).

Когда же система переходит из статичного состояния в динамичное, т.е. втягивается в процесс, то такие характеристики, как скорость и ускорение, становятся определяющими. Образно говоря, «тридевятое царство» – это спринтер на старте, находящийся в напряжённой статике; «тридесатым государством» – тот же спринтер на дистанции, для которо-

го время является единственным фактором, определяющим результативность забега.

Таким образом, переходя в систему «государство», каждая девятка «тридевятого царства» обретает ещё одно изменение – время, что превращает её в десятку. Следовательно, сказочное государство в целом становится «тридесятым».

Конечно, охватить все проявления троичности «вокруг нас» – задача непосильная. Да и следует ли стремиться к этому?

Пёстрый мир троичностей во многом повторяется, тиражирует себя. В различных его *внешних* проявлениях демонстрируется одна и та же *внутренняя* троичная суть. Поэтому достаточно рассмотреть в обобщённом варианте только « типовые », « базовые » троичности, из которых вырастают кусты схожих меж собой структур, ситуаций, процессов и т.д. (К словам, взятым в кавычки, отношусь с особой осторожностью.) Но даже « типовых » троичностей существует столько, что просто перечислить их весьма затруднительно, не говоря уже о каком-либо анализе.

В данной работе сделана попытка рассмотреть с позиций троичности некоторые структуры природного и рукотворного происхождения (трёхмерное пространство, симметрия и золотая пропорция в природе и архитектуре и т.д.); отдельные жизненные ситуации, с которыми практически сталки-

вается каждый (ситуация выбора, компромисса, конфликтная ситуация и т.д.); поведение человеческой триады в любви, в восприятии и оценке произведений искусства.

Естественно, этими ситуационными примерами далеко не исчерпывается всё троичное разнообразие жизненных аспектов, природных явлений и социальных институтов. Мною только вскользь затронуты, например, проявления троичности в дружбе, правосудии и т.д. Несколько полнее, но недостаточно, рассмотрена проблема «отцы и дети» (в главе «Ситуация компромисса»), где троичность являет себя поэтапно.

А сколько привычной, а поэтому и не замечаемой троичности буквально рассыпано вокруг нас! Рассыпано – почти в прямом смысле слова. Я имею в виду обилие возрастных триад (родственных и общественных), среди «осколков» которых мы постоянно вращаемся. Ведь в этой пестроте окружения «перемешаны» чьи-то сыновья-дочери, отцы-матери, деды-бабки... Троична и роль человека, находящегося между дедом и внуком. (Подробнее об этом в следующей книге, в главах, связанных с ролью Пятой заповеди нравственного закона Моисея.)

Триады «живут» в нашей речи, традициях, формулировках тех или иных понятий. Так, всё многообразие русских фамилий сводим к привычной для нас триаде «Иванов – Петров – Сидоров»; ритуальное приветствие сопровождаем троекратным «Ура!», а глубоко личное – тройным поцелуем.

Троично возвеличиваем – ещё живо в памяти «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи» и так же проклинаем – «будь оно всё трижды проклято».

Раскладываются ли в триаду разновидностей понятия «честь» и «совесть»? Маловероятно. Думаю, что это монолиты: они или *есть*, или их просто *нет* на душевном плане человека. А вот что касается ума... В романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги» известный средневековый мыслитель Никколо Макиавелли рассуждает о *триаде разновидностей* человеческого ума: «Умы человеческие, говорю я, бывают трёх родов: первые – те, кто сам всё видит и угадывает; вторые видят, когда им другие указывают, последние сами не видят и того, на что им указывают, не понимают. Первые – лучшие и наиболее редкие; вторые – хорошие, средние; последние обычные и никуда не годные». Иначе говоря, умов, способных в соединении с духовностью «зачать» разум, в общей копилке умов человеческих не так уж много. По крайней мере – не большинство.

К словесной триаде мы нередко прибегаем, когда желаем передать максимум информации (полноту, завершённость) при минимуме слов. Например, знаменитое донесение Юлия Цезаря: «Пришёл, увидел, победил» или «огонь, вода, медные трубы» как символ многочисленных жизненных испытаний, выпавших на долю человека. При желании читатель может продолжить этот ряд.

Неосознанное тяготение к троичности просматривается и

в организации интерьера наших жилищ. Достаточно обратить внимание на то, как расставлена мебель, развешаны на стенах картины и украшения, распределены «безделушки» на полках и сервантах, чтобы почувствовать «дух троичности». Присутствие его может проявиться, например, в склонности хозяев квартиры к симметрии (что чаще всего), «золотой пропорции» или иной троичной схеме.

Любые взаимоотношения двух человек (групп), независимо от их места, времени и продолжительности, троичны по своей структуре, ибо между ними всегда стоит «третейский судья» – видимый или сокрытый. Им может быть реальная физическая личность (организация) – блюститель правовых и нравственных норм (например, юрист, судья в спорте, примиритель в тяжёлой ситуации компромисса, комиссия по трудовым спорам и т.д.). Однако чаще всего эту функцию исполняют сами же нравственно-этические нормы. Будучи общими и обязательными для всех, они незримо связывают отдельных людей в общежитие. Но когда эти условия не соблюдаются, то конфликт неизбежен, ибо «третейский судья» изгнан. В результате этого триада превращается в неуправляемую диаду, члены которой развивают конфликт, не будучи теперь уже сдерживаемы никем и ничем.

В предыдущих главах при рассмотрении проблемных ситуаций неоднократно проводилась параллель между равно-

весеи механических весов и душевным равновесием человека. При этом подразумевалось, что последнее может наступить *только* в результате нахождения вполне приемлемого (эталонного) решения проблемы. Применительно же к весам как модели ситуации это означало бы, что сбалансированное состояние их возможно *только* при равенстве нагрузок на чашах.

Однако есть и другой метод достижения баланса весов – сдвиг точки равновесия к одной из чаш. Это подгонка под равновесие, которого можно добиться при любом соотношении гирь. Если теперь идти от уравновешенной *таким* способом модели ситуации к самой ситуации, то логично утверждать следующее.

Достичь душевного равновесия человек может не только в результате успешного решения проблемы, но и в результате *изменения отношения* к ней. Иначе говоря, то, что ещё совсем недавно считалось абсолютно неприемлемым (или наоборот – единственно приемлемым), сегодня утратило свою категоричность и стало теперь уже не столь существенным. С течением времени изменился эталон, образец желаемого, что и привело к снижению остроты проблемы. Душа, наш личный «третейский судья», руководствуется законом с учётом поправок, внесённых в него физическим и духовным планами триады.

Изменение отношения к проблеме лежит в диапазоне: от незначительных уступок до полного безразличия к ней («а

нужно ли мне всё это?»). Отступление, даже частичное, от своего изначального желания происходит болезненно и не сразу. При этом первичное полнообъёмное желание, так и не осуществлённое в *настоящем*, плавно перетекает в *прошлое*, а решение отступить, доселе сокрытое в *будущем*, проявляется в настоящем.

Всё это более чем очевидно. Но, как уже отмечалось ранее, увидеть очевидное (именно в силу его доступности) не так просто, как это кажется. Я пытался (насколько удачно – судить читателю) на уровне простейшей бытовой ситуации обнажить связь *трёх триад*, ощутимую почти физически. Это не статическая, окостеневшая связь: изменяются отношения не только между планами внутри каждой из триад в результате их совершенствования, но и между самими триадами: ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ, ПРОСТРАНСТВЕННОЙ, ВРЕМЕННОЙ.

Диалектическое развитие этих троичных взаимоотношений, естественно, приводит к эволюционным изменениям *шкалы жизненных ценностей*, кодекса ориентиров жизнедеятельности человека, что является объектом повышенного интереса Творца в процессе Его эксперимента.

Истоки этого грандиозного опыта с человеком сокрыты в ранних библейских событиях. Обратимся же к ним еще раз, но теперь уже с целью выявить некоторые троичные особенности эксперимента в *динамике*.

БИБЛЕЙСКИЕ ИСТОКИ

(смежная тема № 2)

*Ибо слово Божие живо и действительно
и острее всякого меча обоюдоострого:
оно проникает до разделения души и духа,
составов и мозгов...*

(Евр. 4, 12)

*Рожденное от плоти есть плоть,
а рожденное от Духа есть Дух.*

(Ин. 3, 6)

Если Смежная тема № 1 касается в большей степени троичности «в статике» (троичность структуры, состава), то настоящая тема – троичности «в динамике» (троичность поступка, действия; в частности – процесса перемещения человека из Эдема и божественного эксперимента с ним в земных условиях).

После «кругового обзора» троичностей возвратимся в рай, но не для отдыха, а для работы. Попробуем разглядеть смысл эдемских событий с позиции человека наших дней. В целом смысл этого библейского сюжета представляется мне лично сведённым в ТРЁХГРАННУЮ поверхность, каждая из граней которой видится только под вполне определённым углом зрения. Иными словами, доминирующая идея этих со-

бытий будет видаться в трёх различных вариантах в зависимости от принципиального подхода к содержанию Библии в целом.

Вариант первый. Он основан на *рациональной, критической* оценке к библейской информации. Это стремление подойти к ней с позиции человеческой логики, охватить её разумом. Но попытка измерить глубину богодухновенного Писания человеческой меркой чаще всего безуспешна. Сталкиваясь с явным неправдоподобием отдельных библейских «фактов», человек начинает сомневаться в правдоподобии Библии в целом (попробуйте буквально поверить, например, в то, что кит, питающийся планктоном, мог проглотить человека – Иону и что последний, проведя в чреве кита целых трое суток, благополучно вышел из него). Не сведя концы с концами в своих логических цепочках, читатель теряет веру в богодухновенность Священного писания и, как следствие, интерес к нему. «Это всего лишь наивный библейский миф о происхождении жизни, и не более того», – вероятно, так оценит эдемские события читатель-рационалист.

Итак, первая грань «трёхгранного смысла» эдемской истории есть обоснованное разумом отрицание... всякого её смысла вообще.

Вариант второй. Он основан на *ортодоксальном* подходе, т.е. безусловном доверии человека к любому без исключений библейскому тексту. «Эти необыкновенно наивные люди не только слепо верят, что кит проглотил Иону, но они

поверили бы, что Иона проглотил кита» [28], с. 450 (речь идёт об эпизоде из второй главы Книги пророка Ионы).

Для таких бездумно религиозных людей эдемские события, впрочем как и другие, есть реальность, имевшая и своё время, и своё место; в их представлении эти события и протекали-то *буквально* так, как изложено в Библии. Участие же в них Самого Творца с Его обвинительной в адрес человека «прямой речью» поднимает эти события в глазах ортодокса до уровня безусловной святости. Что ж, «всякое повеление Бога должно считаться справедливым, независимо от его содержания» [22], с. 245. Для человека, буквально воспринимающего библейские сюжеты, мысль об исследовании Писания и поисках истины является крамольной *в принципе*. Он убеждён, что вся истина лежит на поверхности событий, что она *уже* раскрыта: Бог создал Закон (запрет), змей исказил Закон; человек преступил Закон, и в силу этого бесконечно виновен пред бесконечно правым Богом. Ортодокс делает Бога неприступным для человека в большей степени, чем это делает Сам Бог; он «гармонично» сочетает богооправдание и человекообвинение (извиняюсь за словесное самоуправство).

Итак, вторая грань «трёхгранного» смысла эдемской истории есть не что иное, как «обоснованное» слепой, бездумной религиозной верой признание буквальной достоверности эдемских событий.

Вариант третий. Он основан на *символическом* подходе

к оценке библейских сюжетов, в том числе и сцены у древа познания. Такой подход предполагает, в частности, что эдемские события, включая слова и действия Творца, являются символами, образами сокрытых реальностей.

Если ортодоксальный подход исключает саму возможность «исследовать Писание», а рациональный ограничивает её «разумными» пределами, то символический подход раздвигает эти рамки вширь и вглубь, создавая условия для творческого осмысления библейских сюжетов. Конечно, данный подход представляется символическим «в чистом виде» только в исходной, принципиальной оценке событий, но при последовательном их анализе он использует элементы как логического, так и ортодоксального методов.

Итак, третья грань «трёхгранного» смысла эдемской истории может стать видимой только в свете иносказательного её толкования. Что же при этом откроется человеку? Всё зависит от его исходной мировоззренческой позиции. Поскольку я приемлю концепцию *троичности*, то под этим углом я и должен анализировать события, разыгравшиеся в Эдеме.

«Я связь миров, повсюду сущих...»

Прежде всего, что означает в свете *такого* видения сам факт изгнания человека из рая на землю? Это начало грандиозного процесса разделения, разлёта единого, синкретического целого на самостоятельные, но взаимосвязанные сущ-

ности. Это окончание формирования мира дольного, зародившегося в недрах мира горнего. Это образование, условно говоря, первичной троичности – троичности миров: божественного, человеческого, природного.

В Эдеме Бог создал *модели* многообразного мира природы и мира человека, провозгласив *принцип* взаимоотношения этих миров: человек будет владычествовать над всем миром природы, «над всей землею» (Быт. 1, 26). (В Эдеме этот принцип проявился в том, что человек присвоил имя всем образцам многочисленной фауны, образованной Богом из земли.) Теперь же Творец в соответствии с моделями конструирует эти миры «в натуре».

Изгнание из рая символизирует в целом отделение, удаление твари от Своего Творца; разделение единого мира, символом которого является Эдем, на «сферы влияния» Бога и человека, в результате чего весь тварный мир во главе с последним обрёл свой ареал – землю. «Тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего её» (Рим. 8, 20), т.е. человека.

И если Бог – властелин и небес («сущий на небесах»), и земли («да будет воля Твоя и на земле, как на небе»), то человек (образ и подобие Бога) становится властелином только земли и всего, что на ней. «Люди – смертные боги, а боги – бессмертные люди, те живут в смерти, а эти умирают в жизни», – заключает древнегреческий философ-материалист Гераклит (Цит. по [31], с. 405).

Однако владычествуя над миром земной природы, сам человек (в силу троичности своей структуры) пребывает одновременно в двух мирах: в мире дольном, земном и в мире горнем, божественном. «Человек есть амфибия. Человек-амфибия, понимаете, существо, которое по природе своей призвано жить в двух измерениях, в двух мирах. Мы не духи, но мы и не просто биологические существа, мы принадлежим иному измерению» [27], с. 13.

Телом своим (плотию) человек, как любое животное, привязан к земле и живёт на ней по законам инстинктов; духом же, как образ и подобие Бога, он обитает в надземном, божественном мире. «Итак тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию закону греха», – вот в чём проявляется дуализм человеческой сущности, по мнению апостола Павла (Рим. 7, 25).

Душа человека разграничивает и одновременно соединяет планы физический и духовный. В силу такой специфики она может «челночно» проникать в оба плана: возвышаться к духу и погружаться в материю. Главная функция души – сводить к минимуму разбаланс (дискомфорт) всей троичной системы в каждый момент времени. Поэтому душа, самый чувствительный и мобильный план человеческой триады, выступает третьей судьёй в противоборстве верхнего и нижнего планов.

Итак, в результате разделения единого синкретического мира на мир горний (божественный) и мир дольный (твар-

ный) человеческая триада разместились в обоих мирах, занимая их «граничные» зоны. Многогранную космическую функцию человека прекрасно сформулировал в поэтической форме Г.Р. Державин:

Я связь миров, повсюду сущих;
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю...
(Стихотворение «Бог»)

Изгнание человека из Эдема *символизирует* преобразование Творцом мира *единого* в мир *триединый*: Бог – человек – природа. Поскольку каждый из этих миров, как уже говорилось, в свою очередь троичен, то в конечном счёте возникает грандиозная триада троичностей.

Божественное проклятие. Адресовано ли оно человеку?

Эдемский период в истории тварного мира (в том числе и человека) следует расценивать, на мой взгляд, как подготовительный этап к длительному и сложному божественному эксперименту. И «отеческие» напутствия Творца, предвещающие изгнание человека на землю, также находятся в

непосредственной связи с будущим экспериментом. Причём в связи символической.

Что означает, например, *божественное проклятие*? Это осуждение проклинаемого Богом объекта (одушевлённого или неодушевлённого) на самый низкий уровень бытия с самым высоким уровнем зла. Например, проклятие земли из-за греха Адама (Быт. 3, 17) символизирует приведение её Богом к самому низкому (нулевому) энергетическому уровню: тернии и волчцы, обещанные Богом Адаму в Быт. 3, 18, «в иносказательном смысле значат – опустение, затруднение, препятствия» [7], с. 693. Таким образом, единственным показателем готовности земли к приёму человека является её абсолютное бесплодие. Силою одного проклятия Бог превращает землю в экспериментальную площадку.

Первое в божественном монологе проклятие адресуется змею: «за то, что ты сделал это, проклят ты...» И далее Бог расшифровывает содержание наказания: «ты будешь ходить на чреве твоём и будешь есть прах во все дни твоей жизни» (Быт. 3, 14). Комментируя эти проклятия, автор книги «Библейские истории» Г. Гече пишет: «Змей, который по народному верованию когда-то имел ноги, должен ходить на своём чреве и есть прах. Хождение на чреве является выражением глубочайшего уничтожения, полнейшего поражения» [32], с. 62–63. Иными словами, божественное проклятие змея символизирует обречение его на самый низкий энергетический уровень – смыкание с проклятой же землёй.

Бог говорит змею: «И вражду положу между тобою и между женою...» Отсюда следует, что до этого, т.е. до «грехопадения жены», такой вражды *не было*. И вправду, взаимоотношения Евы и змея враждебными до сих пор не выглядели: скорее, они были в меру «доверительными». Теперь же обстановка в корне изменилась, и Творец силою проклятия перемещает змея-сатану в зону отрицательной энергии – энергии зла, чем и ожесточает его сердце, выхолащивает из него остатки положительного отношения к человеку. (Такой метод воздействия на тварь, как «ожесточение сердца», Творец применяет не единожды: например, в истории исхода евреев из Египта Господь Бог неоднократно ожесточает в «воспитательных целях» сердце фараона – Исх. 7, 3; 9, 12 и др.) По замыслу Бога, змей-сатана должен стать образцовым врагом рода человеческого, постоянным и злейшим его противником.

Отведение змею-сатане столь неприглядной в отношении человека роли является одним из важнейших условий божественного эксперимента на земле. «Змей – в Библии есть символ злобы, свирепости, коварства и самого дьявола» [20], с. 915. Итак, по воле божьей змей становится символическим образом реального зла. Причём зла, запрограммированного Богом на длительное время, во всех последующих поколениях: «И вражду положу... между семенем твоим и семенем её» (Быт. 3, 15), т.е. между бесконечно воспроизводимым «семенем зла» (продуктом деятельности змея-сатаны)

и потомством Евы (родом человеческим). Таким образом, зло становится постоянно действующим во времени и пространстве фактором, преследующем человека на протяжении всей жизни, как его собственная тень. Таково *основополагающее* условие божественного эксперимента. Ведь вполне естественно, что человек будет не только противостоять отдельным проявлениям зла в тех или иных аспектах своей жизни, но и стремиться уничтожить его первопричину, сам источник, генерирующий зло (символически – «поражать змея в голову»). Однако и змей-сатана не станет покорно переносить «удары в голову». Отрабатывая задание Творца, он, движимый божественным проклятием, будет отыскивать ахиллесову пяту в жизни и деятельности человека и вновь болезненно воздействовать на неё (символически – «жалить человека в пяту»). В сущности, грандиозный эксперимент и организован Богом только для того, чтобы увидеть, *на что* способен человек в единоборстве со змеем (злом). Таков, на мой взгляд, сокрытый смысл *символического* проклятия, изречённого Господом Богом на эдемского змея.

Для дальнейших рассуждений о божественном эксперименте чрезвычайно важен вопрос: был ли первый (рукотворный) человек проклят Богом?

Из Быт. 3 следует, что Господь Бог предал непосредственному проклятию *только* змея и землю. Прародители же на-

ши прокляты не были, хотя и подверглись крайне тяжёлым наказаниям. Но некоторые комментаторы Библии и авторы книг по библейской тематике считают, что Бог предал проклятию и Адама, и Еву, а в их лице, естественно, и весь род людской. Я приведу соответствующие выдержки только из трёх произведений, хотя при желании этот ряд можно продолжить.

«Наказание (за нарушение божественного предписания. – *Г.М.*) следует незамедлительно: Бог проклинает змея, проклинает человека и его жену, изгоняет первых людей из Сада Блаженства» [26], с. 24.

«Он (Бог. – *Г.М.*) проклял змея...; он проклял землю...; он проклял женщину...; он проклял мужчину...»[25], с. 30.

«Затем (т.е. после разоблачения греха. – *Г.М.*) следует наказание «по справедливости»: проклятия налагаются на змея, жену, наконец, землю и мужа» [29], с. 162.

Можно ли согласиться с этими выводами в части, касающейся человека? Попробуем разобраться.

«Проклята земля за тебя», – говорит Господь Бог Адаму. Выражение *за тебя* я лично понимаю как *из-за тебя*, или *вместо тебя*, но не *вместе с тобой*.

«И сказал Господь в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека» (Быт. 8. 21). Это *ослепотопное* признание прямо говорит о том, что в Эдеме земля была проклята Богом из-за человека, по вине человека, но сам человек не понёс бремени божественного проклятия. Адам и Ева в

принципе не могли быть проклятыми Богом, ибо они спроектированы Им как «базовые» участники Его эксперимента на земле. В силу этого они должны быть полноценными людьми на всех планах триады, что и доказала Ева в отношении себя. Прародители наши пришли на землю «как боги», неся в себе «образ и подобие Бога», а не как твари, уравненные божественным проклятием с проклятым змеем, «опекающим» проклятую землю. (Кстати, Адам, Ева и их сыновья Каин и Авель менее чем через 130 лет после изгнания из рая добились колоссальных творческих успехов в совершенствовании враждебного им мира (Быт. 4, 2–4), что без устойчивой энергетической связи с Творцом одной семье сделать физически невозможно. Совмещается ли *это* с представлением о божественном проклятии первых людей? Конечно, нет.)

К тому же необходимо учитывать, что библейский Бог весьма самолюбив (примеров тому вполне достаточно), и поэтому не мог предать проклятию Свой собственный образ, вживлённый Им в первых людей.

Итак, мы установили, что ни Адам, ни Ева не были отягощены проклятием Творца. Тем не менее в Библии имеют место божественные проклятия, адресованные человеку, но человеку – *рождённому* на земле, а не *сотворённому* в Эдеме. Например, Каину (Быт. 4, 11) или «послепотопным» людям – потомкам Сифа. Однако, как следует из Быт. 5, 3, Сиф

был уже *вторичным* образом и подобием Бога: «Адам жил сто тридцать лет, и родил сына по подобию своему, по образу своему и нарек ему имя: Сиф». (Интересно, какова же «доля» образа и подобия Бога сохранилась в нас, таких далёких потомках Сифа?)

Проклятие, изречённое на человека, равносильно приговору к изоляции от Творца: «проклятие – есть крайнее и бесповоротное осуждение с полным отказом от общения» [4], с. 531. Это мы и видим в случае проклятия Каина, изгоняемого от «лица Господа» и «с лица земли». (Род Каина был полностью уничтожен Богом во время всемирного потопа.)

С точки зрения троичности, действие проклятия выражается в деградации прежде всего плана духовного, а затем, как следствие, – планов душевного и физического. Проклятие Господне по существу отключает высший план человеческой триады от источника Духа Святого (духовной энергии). В результате этого в человеке угасает «искра божья», полученная им при зачатии. Холодный, омертвевший духовный план уже не в состоянии влиять на план душевный, и последний полностью подпадает под воздействие нижнего физического плана, а точнее – подминается им. Став бездушным, «одноплановым», человек неминуемо превратится в существо алчное и похотливое; животные «приоритеты» неизбежно проявятся не только в манерах и поведении человека, но и в его физическом облике. (Кстати, не *это* ли загадочная «каинова печать» – божественное знамение проклятым людям?)

Таков, на мой взгляд, скрытый смысл библейского символа – «проклятие Господне» в отношении человека.

Совместимо ли бессмертие человека

с экспериментом Творца?

Установив, что ни Адам, ни Ева не несут *на себе* тяжести божественного проклятия, посмотрим – несут ли они *в себе* причину собственной смерти и смертности многочисленного потомства.

Так, апостол Павел со всей присущей ему категоричностью утверждает: «Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили» (Рим. 5, 12). Этот фрагмент из Послания к Римлянам буквально подхватывают богословы и священнослужители всех христианских конфессий, строя на нём пространные обвинения в адрес наших прародителей. Но обоснованы ли в принципе эти обвинения? Ответ на данный вопрос требует повышенного внимания в первую очередь к библейскому тексту как «опорному» источнику.

Из Быт. 3, 19–22, действительно, следует, что человек изгнан из Эдема *уже* будучи смертным, и таковым ему предписано оставаться на земле. Из этого же текста вытекает, что поводом к тому явилось нарушение человеком божествен-

ной заповеди, которое повлекло за собой обретения (знания добра и зла, статуса «как боги») и потери (утрата возможности «жить вечно»). В этой связи возникает *триада* вопросов:

1. Были ли Адам и Ева бессмертными *изначально*, при сотворении? И если нет, то –
2. Была ли у них реальная (не формальная) возможность *выбора* между смертью и бессмертием? И если нет, то –
3. Предназначалось ли первым людям бессмертие как высшая божественная награда за их непоколебимую (гипотетическую, конечно) стойкость к греху? Иными словами, могли ли получить жизнь вечную Адам и Ева, *если бы* они не нарушили божественный запрет?

В Бытии не говорится о том, что человек, получив при сотворении от Бога частицу бессмертного дыхания жизни, духа святого, обрёл и бессмертие тела. Божественное предупреждение, объявленное Адаму: «А от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2, 17), – говорит всего лишь о том, что человек, нарушив заповедь Творца, только *ускорит* свою смерть, т.е. умрёт в день вкушения от запретного плода (правда Адам умер, прожив 930 лет). Но в этом наставлении нет и намёка на то, что человек *до* «грехопадения» якобы обладал бессмертием, которое он утратит в случае нарушения божественной заповеди, т.е. *станет* смертным. (Обращает на себя внимание тот факт, что Господь Бог

произносит словосочетание «смертию умрешь», как нечто хорошо знакомое Адаму и вполне доступное его пониманию. И действительно, Адам воспринимает божественную угрозу, не задавая уточняющего вопроса: «А что есть смерть?» Естественно, это вызывает недоумение: ведь на момент получения божественного запрета Адам *ещё не имел* знания добра и зла. Поэтому ему просто не могло быть ведомо понятие «смерть», которое относится к этической категории «зло». «Практически все мистики (и даже те, кто верит в бессмертие души) инстинктивно считают смерть злом, а спасение от смерти – благом» [24], с. 450. Стать же *свидетелями* летального исхода чьей-либо жизни ни Адам, ни Ева не имели возможности в силу своего «одиначества». Остаётся только предположить, что Творец, руководствуясь Высшим соображением, дал Адаму некую частную информацию, выходящую за рамки библейского текста.)

О возможности вечной жизни Господь Бог впервые говорит в Быт. 3, 22 при изгнании Адама и Евы из рая: «Вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей и не стал жить вечно». Обратите внимание на один существенный нюанс: Господь Бог говорит не о том, что Он лишает провинившегося Адама *при-сущего ему бессмертия* (естественно, даже Богу не под силу изъять у человека то, чего Он последнему не давал), а о том, что лишает Адама *возможности стать бессмертным*, т.е. жить вечно. (Чтобы возможность эта стала реальностью,

Адаму необходимо, оказывается, вкусить от дерева жизни, чего Бог категорически не допускает.)

Наличие в Эдеме дерева жизни как *внешнего* источника бессмертия свидетельствует о том, что человек при сотворении хотя и получил образ Творца, но не получил *внутреннего* источника бессмертия. Следовательно, Адам со «дня рождения» уже был обречён Богом на ограниченный (хотя и немалый) срок жизни на земле.

Можно, конечно, предположить, что Бог сотворил людей временно «нейтральными», т.е. не установил для них ни смерти, ни бессмертия, предоставив людям *самим* сделать этот судьбоносный выбор. Но существовал ли он у Адама и Евы *в принципе*? Формально – да: Творец не возбраняет людям вкушать от *любого* дерева (кроме дерева познания, конечно). Фактически – нет: Творец надёжно маскирует дерево жизни, единственный источник бессмертия, среди других деревьев, «приятных на вид и хороших для пищи». Возможно, что прародители наши вообще не ведали о существовании *такого* дерева, ибо Творец ни коим образом не акцентирует на нём (в отличие от дерева познания) внимания ни Адама, ни Евы. Какова же при этом вероятность встречи человека со столь законспирированным деревом жизни и, как следствие, обретения бессмертия? Практически – нулевая!

«От греха Адамова произошли проклятие и смерть», –

утверждает архимандрит Никифор [7], с. 177 (и не он один). Следуя его логике, резонно предположить, что Бог одарил *бы* бессмертием Адама и Еву в случае, если *бы* они не согрешили и продемонстрировали *бы* тем самым «богобоязненность и удаление от зла» (Иов. 1). Однако *такое* предположение необходимо исключить полностью и категорически как совершенно неосновательное. Присуждение бессмертия человеку, даже если бы он и не «впал в грех», *не могло* войти в план Творца по следующим причинам.

Во-первых, Адам и Ева в *любом случае* (возможно, не с первой попытки Господа Бога) должны быть перемещены на землю – таково фундаментальное условие грандиозного божественного эксперимента. Следовательно, богопослушное поведение прародителей, случись такое, явно шло бы вразрез с замыслом Творца. Так что потенциальное бессмертие, якобы утерянное человеком в силу «грехопадения» – чистейшая фикция. «По точному смыслу этого рассказа (о грехопадении – М.Г.) бог не хотел дать в удел человеку ни познания, ни бессмертия и решил оставить эти прекрасные дары лишь для себя одного; он боялся того, что если человеку достанется одно из этих благ или оба сразу, то он станет равным своему создателю, чего бог ни в коем случае не мог допустить. Поэтому он... выгнал его из рая и запер вход туда, чтобы человек не мог отвесть плодов другого дерева и достигнуть вечной жизни. Мотив был низкий, а образ действий неблагородный» [25], с. 32. Можно не соглашаться с

доводами автора приведённого выше фрагмента, но с выводом не согласиться нельзя: человек изначально был задуман и исполнен Богом как существо смертное, не составляющее в этом смысле никакого исключения из всего тварного мира.

Во-вторых, для эксперимента с человеком на земле Богу просто *необходимо*, чтобы человек этот был смертным. Возможно, довод об обязательной смертности человека вызовет некоторое недоумение: Бог планирует человеку смерть?! Нет, Бог планирует человеку *продолжительность жизни* в зависимости от объёма и сложности программы, предназначенной Им каждому индивидууму. А если так, то бессмертия «вокруг нас» в принципе быть не может.

Выше было показано на конкретных библейских примерах, что Господь Бог, обладая всемогуществом, совершенно не владеет всеведением, а точнее – даром предвидения событий (и уж тем более их последствий). Но там, где отсутствует чувствознание или хотя бы расплывчатое интуитивное предвидение, на помощь приходит статистика. Именно она представляет собой методическую основу божественного эксперимента.

Известно, что точность статистического метода напрямую зависит от количества единичных наблюдений (исходных данных): чем оно больше, тем выше достоверность искомого результата. Поскольку в божественном эксперименте объектом единичного наблюдения является человеческая жизнь, то вполне естественно, что для успешного проведения это-

го гигантского опыта в полном объёме Творцу необходимо охватить наблюдением *бесконечно большое* количество человеческих жизней.

Ясно, что это требование физически несовместимо с *бесконечным* же во времени пребыванием единичного человека на земле. Даже поверхностного взгляда на проблему вполне достаточно, чтобы усомниться в её целесообразности да и возможности тоже. Во-первых, как разместить и прокормить беспрестанно прирастающее (ведь заповедь, данную людям при их сотворении: «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю...», Господь Бог не отменял) и к тому же физически бессмертное (будь оно таковым) население Земли? Во-вторых, так ли уж нужны Творцу-Экспериментатору эдемские «пенсионеры-потребители», люди, *уже отработавшие* своё «домашнее задание», выдавшие необходимую Ему частную (оригинальную) информацию и теперь лишь тиражирующие её (в лучшем случае)?

Но главное, что бессмертие (будь оно врождённым или обрётённым в Эдеме) сделало бы абсолютно *бессмысленным* божественный эксперимент, конечная цель которого – выявить и сохранить для перевода на новый виток эволюции людей, достойных *именно бессмертия* как высшего блага, уготованного человеку Творцом.

Выводы:

– бессмертие человека *несовместимо* с божественным экспериментом на земле;

– физическая смерть как неизбежный конец существования человека была промыслена Творцом ещё до дней сотворения мира;

– схваченные с поверхности библейских событий, примитивно сфабрикованные обвинения типа: «от родоначальника, заражённого грехом и потому смертного, естественно, происходит заражение грехом и потому смертное потомство» [7], с. 660, – есть обратная сторона богооправдания (теодицеи), косвенная защита бессмертного и всесильного Бога от смертного, слабого и «провинившегося» человека. Декларируемое самим же человеком обвинение себя «пред Господа» является наглядной демонстрацией психологии раба – «раба божьего».

Создаётся впечатление, что бессмертие является эфемерной, несбыточной мечтой человечества. Но это не так: в контексте Нового завета бессмертие *в принципе* достижимо, что и утверждает Христос в Отк. 2, 7: «Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквям: побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божия». Великий Учитель далее разъясняет: «Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть... Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Отк. 2, 10). Чтобы обрести жизнь бесконечную, необходимо в своих конечных жизнях пройти через все круги ада земного и, «не осквернив одежд своих», духовно победить

смерть на каждом из них. «Примирение вечности и конечности человеческого существования в человеческом духе на основе любви – «агапе» – вот формула воскрешения в христианской мистике. Человек должен родиться дважды, первый раз – физически, второй раз – духовно, и тогда он вновь обретает своё единство с Богом» [31], с. 188.

Апостол Иоан свидетельствует, что древо жизни как символ бессмертия произрастает в новом раю (Новом Иерусалиме), даря «на каждый месяц плод свой» (Отк. 22, 2). Живущие там праведники, «претерпевшие до конца», поддерживают свою жизнь этими плодами. «Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни» (Отк. 22, 14). Вот КОМУ, КОГДА и ЗА ЧТО уготованы плоды древа бессмертия!

Чуждо ли Новому Завету слово «эволюция»?

В смежной теме-отступлении № 1 говорилось о том, что сотворчество Бога и человека базируется на общей для них идее – идее эволюции. Понятие «эволюция» применительно к человеку (имеется в виду эволюция духовная, а не эволюция органического мира, изложенная в работе Ч. Дарвина «Происхождение видов») в принципе допускает и христианство, но только в иных формулировках. Например, как «постоянное совершенство бытия» [20], с. 710, или как устремление «к тому, чтобы принадлежать к небесной семье не падших существ» [21], с. 31, или как «духовный опыт, веду-

щий к познанию Бога и истины, производящий обновление ума» [21], с. 111 и т.д. Различных интерпретаций и формулировок понятия «духовная эволюция человека» вполне достаточно и в самой Библии, и в «околобиблейской» литературе.

Е.П. Блаватская пишет: «СОВРЕМЕННАЯ НАУКА настаивает на Доктрине Эволюции; так же как делает человеческий разум и Тайная Доктрина, и мысль эта подтверждается древними легендами и мифами и даже самой *Библией*, если уметь читать между строк... Слово *эволюция* говорит само за себя. («РАЗОБЛАЧЁННАЯ ИЗИДА», I, 152, 3)» [30], с. IV.

В беседе с фарисеем Никодимом Христос утверждает: «... если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие: рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть Дух» (Ин. 3, 1–8).

В этом изречении Христа практически нет иносказания: Учитель доходчиво говорит о духовной эволюции личности как необходимом условии приближения «образа и подобия» к Оригину. «Приблизьтесь к Богу, – призывает апостол Иаков, – очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные» (Иак. 4, 8). Иными словами, высота очередной эволюционной ступени напрямую связана со степенью духовного совершенства: «Терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка» (Иак. 1, 4), т.е. переход к совершенству

«во всей полноте» реализуется человеком постепенно (носит эволюционный характер). Этот процесс требует значительных волевых усилий и терпения, которые должны быть вознаграждены «совершенным действием», т.е. осязаемым качественным результатом.

По существу, этот фрагмент апостольского послания есть ничто иное, как своеобразно сформулированный закон диалектики: переход количественных изменений в качественные. Точнее – его частный случай. Следовательно, эволюция человека, его нравственное и духовное восхождение – понятие, присущее «духу и букве» Нового завета: «Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48).

Эти новозаветные призывы к совершенству (эволюции) ориентируют человека на исполнение главной и, казалось бы, такой естественной функции в его жизни – быть Человеком. С позиции троичности, это требование, краткое по форме, но безгранично объёмное по содержанию, означает такое преобразование личностной триады, когда приоритетным планом в её структуре станет план духовный.

Заповеди Христа и его апостолов обращены к человеку как существу несовершенному и, в силу этого, грешному: «...все мы много согрешаем» (Иак. 3, 2). При этом грех рассматривается в целом как сдача позиций плана духовного низменным позывам плана физического (см. Нагорную проповедь в Мф. 5, 21–22, 27–28). «Грех есть беззаконие» (1

Ин. 3, 4), т.е. отступление от морального закона, провозглашаемого Христом. «Мысли грешного человека эгоцентричны, то есть вращаются вокруг собственного «Я». Но через духовное обращение у него образуется новый центр – Христос и в Нём – новая цель» [21], с. 54.

Обуздать ли позывы низшего плана во имя этой цели (духовной эволюции) или подавить стремления плана духовного, решает в конечном счёте «третейский судья» – человеческая душа, подверженная «симметричному» давлению со стороны обоих планов. Следовательно, эволюция человека – это эволюция его души через возвышение духа.

Обретение знания добра и зла – первый этап

эволюции человека

Для того чтобы правильно ориентировать движение своего духа, человеку необходимо знать, как минимум, две полярно противоположные, «граничные» истины. А именно: то, к чему устремлять свой дух, и то, от чего свой дух отворачивать. Естественно, представления о положительных и отрицательных истинах индивидуальны и, следовательно, беспредельно многообразны. Но, несмотря на внешнее многообразие форм, разделяются эти истины по внутреннему смыслу (доминирующей идее) на два условных, относительных понятия: добро и зло.

Таким образом, знание добра и зла является обязательным условием эволюции человеческой личности. В противном случае свобода воли, данная человеку, превратится в страшное для окружающего мира и самого человека оружие, действие которого станет абсолютно непредсказуемым ни по каким параметрам (где? когда? в чём? и т.д.).

Но всего многообразия знаний добра и зла (в земном представлении) прародители наши, вкусив от запретного древа, получить не могли. И не потому, что плод этого древа изобиловал *таким* количеством знаний, которое в один приём усвоить физически невозможно. Нет! Причина кроется в совершенно противоположном: на день изгнания Адама и Евы из рая Творец обладал *минимумом* информации относительно добра и зла.

Так что же включал в себя этот «минимум», который Господь Бог привил древу познания добра и зла, насаждая в раю «всякое дерево»? *Только критерии, самые общие показатели того и другого.* Иначе говоря, Творец вооружил супругов-изгнанников только «пробным камнем» для распознавания добра и зла, ключами к познанию, но не набором самих знаний, которыми Бог просто не располагал. Так что открывать, оценивать и систематизировать знания добра и зла человек разумный станет самостоятельно.

В этой связи уместно рассмотреть одно из интересных высказываний римского императора Юлиана-отступника, античного критика Ветхого и Нового заветов: «А то, что бог за-

претил созданным им людям познание добра и зла, разве это не верх нелепости? Ведь что может быть глупее, чем не уметь различать добро и зло? Ведь такой человек, очевидно, не будет избегать дурного и стремиться к хорошему. А главное – бог запретил человеку пользоваться рассудком; ведь, что различение добра и зла – дело рассудка, ясно и дураку» (Цит. по [34], с. 401). Автор этого высказывания не прав, по-моему, только в одном – утверждении, что библейский Бог якобы запрещает человеку пользоваться рассудком (разумом), т.е. по существу как бы и не наделяет человека этим качеством. Согласиться с этим никак нельзя: человек был наделен полноценным рассудком, если уж и не при сотворении, то по крайней мере – до грехопадения. (Способность рассуждать и делать выводы наглядно продемонстрировала в Эдеме «мать всех живущих». Обратите внимание на то, как аргументированно и последовательно, т.е. осмысленно, оценивает Ева в Быт. 3, 6 достоинства плодов дерева познания: «... хорошо для пищи, ...приятно для глаз и вожаделенно, потому что даёт знание...») Иначе и не должно быть, ибо семена (принципы) знаний добра и зла, полученные человеком *в результате* «грехопадения», способны дать дружные всходы только на *заранее* подготовленной почве – почве человеческого разума. Благодаря врождённой способности осмысливать действительность и себя в ней человек вырастит из этих семян обильный, полнокровный урожай знаний. Эти знания станут играть роль очередных ориентиров и отправных то-

чек на длительном и сложном пути человеческой эволюции. Но значение человеческих знаний этим (земным) аспектом не ограничивается.

С целью бесконечного комплектования необходимыми знаниями копилки Мирового Разума, т.е. расширения базы данных божественного компьютера Творец промыслил грандиозный эксперимент с участием Им же созданного человека (человечества). Функция последнего – добывать информацию (знания) и творчески обрабатывать её, доводя до определённой степени готовности. Готовности к чему? К тому, чтобы стать достоянием и Бога, и человека. (Этот процесс – сродни творчеству скульптора, извлекающего из кем-то добытой бесформенной глыбы мрамора сокрытую в ней скульптуру, воспринимаемую зрителем.) Функции Творца в данном эксперименте в общих чертах сводятся к: разработке генеральной и частных, корректирующих программ; общему руководству экспериментом – координация действий всех его участников в нужном для Бога направлении; контролю исполнения; оценке и отбору необходимой информации, поступающей «снизу».

Таким образом, Бог и человек – сотворцы (на разных уровнях, конечно), и представлять, подобно Юлиану, что сотрудник Бога, несущий в себе образ и «частицу» дыхания Бога, совершенно лишён рассудка... *самим же Богом*, – значит унижать Творца и оглуплять Его высшее творение.

Знание добра и зла – «завершающий» признак богоподобия

Как следует из Быт. 3, 22, человек стал как Бог («как один из нас»), т.е. *уподобился* Творцу в результате усвоения проглоченного (в буквальном смысле!) знания добра и зла, заключённого в плодах древа познания. Но выращивая это древо, Бог не мог привить ему иных познаний, чем те, которыми Он владел Сам. Следовательно, Бог и человек обладают *подобным* (аналогичным) знанием добра и зла. По крайней мере, человеческий и божественный *критерии* добра и зла просто не могут не быть подобными, что и является одним из признаков *богоподобия* человека. «Контакт человека с Богом возможен как союз между подобными существами» [36], с. 20.

Другим признаком богоподобия выступает свобода воли, унаследованная человеком от воли Творца в строго определённой пропорции. Оба признака богоподобия, сведённые вместе, являют собой неотъемлемое условие зарождения любого человеческого творчества. При этом знание критериев добра и зла позволяет установить допустимые морально-этические границы творческой деятельности, т.е. степень *внутренней* (нравственной) свободы в выборе творческого решения. Гарантированная же Богом степень свободы воли диктует пределы *внешней* свободы, в которых возможен творческий акт. Каждый из критериев, таким образом, с одной сто-

роны, стимулирует, а с другой – ограничивает творческую деятельность человека, т.е. устанавливает рамки возможностей человеческого творчества.

Но если существуют рамочные условия «от и до», максимум и минимум, то должна быть, образно говоря, нейтральная линия, их разделяющая, т.е. критерий, относительно которого и выявляются все плюсы и минусы.

Так, оценивая деятельность Лаодикийской церкви в Отк. 3, 14–16, Христос говорит её Ангелу: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Отк. 3, 15–16). В данном примере равнодушие к формально исповедуемой вере («тепл») и есть та своеобразная нейтральная линия, относительно которой оценивается «горячее» и «холодное» поведение верующего.

В повседневной практике это «срединное понятие» (оптимум), как правило, сокрыто. В оценочных операциях оно скорее подразумевается, чем явствует. Это и понятно, если учесть сложность сосуществования и относительность самих граничных истин: в зависимости от обстоятельств они могут изменять своё значение на противоположное. Например, *добро и зло*, которые, как известно, отдельно существовать не могут. «Нет худа без добра», – гласит народная мудрость. «Зло... есть зло для одних и добро для других... Если бы зло исчезло, то добро исчезло бы с земли одновременно с ним», – утверждает Е.П. Блаватская (Цит. по [3], с. 162). «В

мире нет абсолютного зла – зло лишь относительно», – заключает Руми, персидский философ-поэт XIII века (Цит. по [3], с. 162).

Все эти высказывания есть не что иное, как различные интерпретации всеобщего закона действительности: закона единства и борьбы противоположностей.

Итак, под внешней проявленной оболочкой событий, явлений, объектов, поступков и т.д. «живут», находясь в противостоянии, две сцепленные полярности: добро и зло (каждое из них может иметь несколько разновидностей). Но дуальность эта сокрыта от человека, пока он воспринимает действительность нейтрально, *безоценочно*, т.е. как данность или привычный факт. Иначе говоря, пока им не востребовано знание добра и зла, *сокрытых* в той или иной реальности.

Знание же – это есть не что иное, как информация о *соотношении раскрытых* добра и зла, заключённых в каких-либо объектах или действиях. Ясно, что для обретения подобного знания требуются не только индикаторы для опознания и, как следствие, разъединения «сцепленных» добра и зла, но и механизм для сравнения весомости того и другого. (Кстати, взвешивание как метод определения «количества» добра и зла не столь уж редко встречается в Библии. Например, в Притчах Соломона 16, 2 прямо сказано, что «Господь взвешивает души». Или в Дан. 5, 27 царь вавилонский Валтасар «взвешен на весах и найден очень легким».) Таким образом, если добро и зло в *пределах данной системы* являют

собой частный случай «взаимодействия двух полярностей, стоящих за сотворённой вселенной» [3], с. 159, т.е. структуру дуальную, то *знание* добра и зла – структуру *троичную*. Именно это знание и является критерием богоподобия (Быт. 3, 22). Причём критерием благоприобретённым, *производным* от свободы воли – врождённого фактора богоподобия. Но и свобода воли, что мы видели на примере Евы, впервые проявила себя как троичность: две наличные возможности и сокрытый «третейский» судья. Итак, оба фактора богоподобия: и врождённый, и благоприобретенный – имеют троичную организацию. Как уже отмечалось, синтез свободы воли и знания добра и зла создаёт условие, необходимое (но отнюдь не достаточное!) для начала творческого процесса. Поскольку обе составляющие этого двуединого условия троичны, то и *характер* возможного творчества, а точнее – его результат, неизбежно троичен. В нём всегда будут компоненты и добра, и зла (преимущества и недостатки). Но окончательный приговор – *злодеяние* ли это или *благодеяние* – зависит от позиции – шкалы жизненных ценностей того, кто выступает в роли «третейского судьи». («А судьи кто?» А.С. Грибоедов.)

Подводя итоги рассуждениям о человеке как образе и подобии Бога, можно полагать следующее.

– Понятие «образ» отражает *статическое* сходство человека с Богом, проявленное в троичности их природы. В христианской традиции Бог-Отец, Бог-Сын, Бог – Дух Святой

составляют божественную трицу; тело, душа, дух – человеческую триаду. Бог-Отец творит материальный мир, в том числе и тело человека; Бог-Сын совершенствует человеческую душу, утверждая принцип Любви (Христос в Мф. 16, 26 вопрошает учеников: «Какая польза человеку, если он приобретает весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп дает человек за душу свою?»); Бог – Дух Святой поддерживает двустороннюю связь между Творцом и человеком. Духовный план человека воспринимает божественное «дыхание жизни», но с этого же плана поступает «наверх» информация, востребованная к пополнению копилки Мирового Разума. Итак, человек как «образ» есть *структурная* модель Творца.

– Понятие «подобие» означает сходство *динамическое*: в способности человека к самостоятельной творческой деятельности и оценке её результатов. Человек как «подобие» есть *функциональная* модель Творца.

– И «образ», и «подобие» выражают идею сходства, некую аналогию человеческих и божественных свойств и особенностей. Разница же заключается в том, что «образ» включает в себя сходство, *сближающее, соединяющее* человека с Творцом; «подобие» же, в основе которого лежит свобода воли, подразумевает сходство, *осложняющее* взаимоотношения Бога и человека, *отдаляющее* творение от Творца. (Это напоминает сложные взаимоотношения родителей и ребёнка, унаследовавшего от них сходный характер – столь

же упрямый и независимый.) В отношении к Богу «образ» и «подобие» являются антиподами, уживающимися в единой сущности – Человеке.

– На определенном этапе (от сотворения до грехопадения) человек обладал *только* «образом»: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его» (Быт. 1, 27), хотя в общем намерении Творца, озвученном Им в Быт. 1, 26, человеку помимо «образа» предназначено и «подобие»: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, *по подобию* (курсив мой. – Г.М.) Нашему». Разница в содержании приведённых фрагментов очевидна, хотя никакого *смыслового* противоречия здесь нет. Просто – всему своё время: *пока* человек пребывает в роли богобоязненного эдемского садовника, «подобие», т.е. способность к независимому творчеству не только бесполезно, но и противопоказано ему. Однако эдемскому изгоя при освоении им нового ареала – земли подобие Творцу жизненно необходимо.

– И образ, и подобие человека и его Творца содержат общий «генеральный» критерий – ТРОИЧНОСТЬ.

«План перемещения человека» – первый этап

божественного эксперимента

При детальной разработке комплексного «Плана перемещения человека из Эдема на землю» Творец сталкивается с

необходимостью решения нескольких проблем одновременно. Но поскольку Бог всемогущ, то Он легко находит единое для них решение. Сформулировать эти проблемы, не связав их с деликатной темой божественного промысла, явленно-го в эдемских событиях, конечно, невозможно. Но разве человек посвящен в тайны «путей Господних»? Естественно, нет. Тем не менее право на свою версию эдемской истории имеет каждый, возлюбивший Господа Бога «всем разумением своим». А поскольку я отношу себя к таковым, постольку и предлагаю (не навязываю) свою точку зрения относительно целей и действий Творца, трактуя их так, *как я разумею*.

Как уже говорилось, человек физически должен пребывать на Земле и, находясь в земных условиях, духом возноситься к Небу. Подчеркну – на земле, а не в «раю на земле»; именно в реальных земных условиях, а не в тепличных искусственных условиях райского сада. Сугубо земное предназначение человека отчётливо просматривается уже в Быт. 1, 28: «...плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю и обладайте ею...» Это и без того «прозрачное» предположение усиливается в Быт. 2, 5: «...и не было человека для возделывания земли». (Конечно, понятия «обладать землёй» и «возделывать землю» не идентичны, хотя и взаимосвязаны: второе является неотъемлемой частью первого.) И наконец, о привязке человека к земле, от которой человек будет питаться «во все дни жизни» и возвратится в неё по смерти, говорит Сам Господь Бог в Быт. 2, 19. Итак, сомнений нет –

«предназначение Человека заключается в том, чтобы обрабатывать землю» [26], с. 270, т.е. пребывать всю жизнь на земле, а не в райском её уголке.

Отсюда следует, что *конечной* целью Творца на данной стадии Его эксперимента является *перемещение* человека на землю – площадку для проведения основной части опыта.

Но почему же в таком случае Бог, создавая человека из праха земного, не поместил его на земле сразу, изначально? Да потому, что ни человек, ни земля на тот момент не были готовы к встрече друг с другом.

Во-первых, земля, хотя ещё и не была знакома с дождём (Быт. 2, 5–6), но *ещё* не была и проклята Богом, т.е. пребывала в состоянии, способном дать человеку нечто больше, чем «волчцы и терние», что абсолютно недопустимо по условиям эксперимента.

Во-вторых, человек *ещё* не был испытан Богом на крепость воли и не владел критериями добра и зла. Кроме того, человек, не получив при сотворении элементарных навыков по возделыванию земли сухой и бесплодной, должен был пройти первоначальную «производственную практику» в облегчённых условиях, возделывая райский сад. Так вот, для решения этих и других задач Господь Бог и промыслил подготовительный период, предворяющий главный эксперимент – на земле.

Если земля приводится в окончательную готовность к приёму человека, то есть в полнейшее бесплодие, «простым»

божественным проклятием, то подготовка Творцом самого человека протекает долго и болезненно для обоих в силу противоречивости условий, составляющих проблему перемещения человека. Условия же эти порождены в свою очередь противоречивыми замыслами Творца: например, соединить в человеке свободу воли и знание добра и зла, *внешне* не покровительствуя этому.

Свобода воли как божественная данность человеку при его сотворении вряд ли нужна райскому садовнику Адаму и его жене, единственная функция которых заключается в безропотном исполнении воли Хозяина эдемского сада. Тогда каково предназначение этого уникального дара? Свобода воли дана человеку в Эдеме «на вырост», для потенциальной творческой деятельности *на земле*. Ведь Творец должен быть уверен в способности человека принимать в суровых земных условиях волевые, *независимые от сторонних авторитетов* решения и реализовать их.

Высшим авторитетом в Эдеме, естественно, выступает слово Творца, чем Он и пользуется для проверки готовности воли человека – запрещает последнему есть от плода дерева познания. Обратите внимание: божественное табу налагается не на какой-нибудь незначительный поступок человека, не имеющий судьбоносных последствий. Нет! Человеку воспрещается поступок, неизбежным следствием которого станет *обретение* фундаментальных основ знания добра и зла. Но ведь именно *передача* этих знаний человеку и является

важнейшей задачей Творца небесного в подготовке Им будущего творца земного!

Таким образом, Бог создаёт *троичную* ситуацию, в которой божественное слово (запрет), свобода воли человека, знание добра и зла вступают во взаимную, но противоречивую связь.

Создав эту сложную триединую проблему, Бог *как бы* самоустраняется, предоставляя возможность выбора её решения самому человеку. Весьма обманчивое впечатление: Бог-режиссёр незримо стоит за ситуацией, жёстко направляя её ход в нужное для Него русло.

«В предании об Адаме и Еве Яхве обманывает людей: его цель, которой он успешно добивается – помешать людям уйти из-под его власти, достигнуть некоторого состояния внутренней, да и внешней тоже независимости от бога» [26], с. 23–24.

В словах и деяниях Творца явно просматривается *рациональный* подход к человеку как объекту эксперимента – и не более того.

Особенностью «Плана перемещения» является то, что требования, входящие в его узловые проблемы, не подразделяются на главные и второстепенные. Неисполнение *любой* из них для Бога равносильно срыву программы *всего* эксперимента на первой же его стадии. Таким образом, эдемские ситуации в большинстве своём для Творца не являются, строго говоря, ситуациями выбора, хотя они и троичны

по своей структуре. Однако при необходимости выбора Творец способен *временно* жертвовать одним из несовместимых требований во имя другого – более важного на данный момент. Но любое, временно снятое намерение, будет реализовано Им «с лихвой» и в самом скором будущем.

В любой многосложной задаче важнее всего – чётко сформулировать её генеральную цель. Высшей целью Творца на этапе разделения миров является, как уже говорилось, перемещение человека из Эдема в предназначенный ему ареал – землю, ибо от успеха этой операции зависела дальнейшая судьба *всего* божественного эксперимента. Поэтому и действия Творца, и даже авторитет божественного слова должны быть подчинены именно этой, генеральной цели.

Прежде всего Творцу необходимо взять под контроль все проблемы, от решения которых зависит успех эксперимента. Для этого Он, образно говоря, стягивает их в обозримый комплекс, концентрируя вокруг древа познания добра и зла.

На схемах **А** и **Б** представлена попытка систематизировать весь комплекс проблем, решаемых Творцом, сведя их к двум взаимосвязанным функциональным схемам. Составлены они на основе библейского материала (книга Бытие) без привлечения иных источников.

Схема **А** является графической моделью божественного «Плана мероприятий по подготовке человека к перемеще-

нию на землю» (в дальнейшем – «План»).

Весь комплекс состоит из *трёх* узловых проблем, каждая из которых характеризует определённое направление божественного промысла в процессе подготовки человека и земли к эксперименту.

1 – передача человеку знания добра и зла (богоподобия);

2 – испытание в действии врождённой свободы воли человека;

3 – приведение земли к «нулевому потенциалу» – высшей степени бесплодности.

Таким образом, проблемы **1** и **2** в целом направлены на подготовку человека к встрече с землёй; проблема **3** – на подготовку земли к встрече с человеком.

На схеме **A** узловые проблемы «Плана» сведены в триаду *таким образом*, что упираются своими началами в единый, общий для них «инициирующий фактор» – первичное действие. Иными словами, решение трёх проблем открывается *одновременно* и *одним и тем же* поступком, приводящим в действие всю триаду. Особенностью «Плана» является то, что первичное «инициирующее» действие (вкушение запретного плода) совершает человек, а усиленно подводит его к этому поступку Бог.

Весь комплекс проблем, входящих в «План», Творец приводит к виду, удобному для реализации: Он выстраивает отдельные проблемы в последовательные причинно-следственные цепочки. Таким образом, божественное воздействие на

первичную проблему неизбежно приводит (по цепочке промежуточных результатов) к достижению результата итогового. В процессе этого «автоматического» продвижения по этапам происходит накопление качеств, определяющих ГОТОВНОСТЬ объекта к дальнейшему эксперименту. (На схеме **A** ход решения проблем обозначен стрелками.)

Так, вкусив от запретного плода (цепочка **1**), человек получает знание добра и зла, что в свою очередь приводит к обретению обещанного ему (Быт. 1, 26) богоподобия. А *это* даёт Творцу основание считать человека в духовном отношении готовым к перемещению на землю. Конечно, обретение *подобия* Богу могло бы открыть человеку путь к обретению *равенства* с Богом (бессмертия). Однако это уже выходит за рамки божественного «Плана» (в цепочке **1** отсекается нижнее пунктирное звено). Дж.Дж. Фрэзер, известный английский этнограф и историк религии, утверждает: «И вот, боясь, что человек, вкусивший от одного дерева и *уподобившийся* через это богу в познании добра и зла, вкусит также от другого дерева и *сравнится* с богом в бессмертии, бог прогнал человека из сада и поставил стражу из ангелов, чтобы охранять доступ к древу жизни...» (курсив мой. – М.Г.) [25], с. 30.

К моменту обретения богоподобия человек *уже* продемонстрировал Богу готовность своей воли к самостоятельной деятельности на земле (цепочка **2** короче цепочки **1**). В

сущности, первичный поступок, инициирующий все цепочки, *и есть* результат экзамена на зрелость воли.

Составляющие **1** и **2**, суммируясь, трансформируются в единое понятие – «Полная готовность человека».

Земля к данному моменту также окончательно подготовлена к приёму человека (т.е. проклята Богом – цепочка **3**).

Монолог Творца в канун изгнания человека на землю (Быт. 3, 17–19, 22) является заключением, в иносказательной форме, конечно, о *полной готовности* и земли, и человека к дальнейшему эксперименту.

Итак, божественный «План» исчерпывающе выполнен, все требования сложной троичной задачи реализованы.

Дальнейшее промедление с эвакуацией человека – «смерти подобно» (Быт. 3, 22). Поэтому «выслал его Господь Бог из сада Эдемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят».

Движущие силы божественного «Плана перемещения»

В схеме **A** первичное действие, инициирующее все её цепочки (вкушение человеком от запретного плода), выступает как данность в «готовом виде». Иначе говоря, – как состоявшийся факт, изолированный от причин, его породивших. Поэтому создаётся впечатление лёгкости, с которой решаются все проблемы, выведенные на схему **A**. При этом Бог *как бы* не вмешивается в происходящее, а только комментирует, оценивает действия человека и их последствия. Действительно, в исполнительной части «Плана» Творец отводит Себе в большей степени функцию судьи. Однако в подготовительной его фазе (верхний участок схемы **A**) Бог активно, но завуалированно воздействует на ситуацию, направляя события в нужное ему русло. А именно – усиленно склоняет человека к нарушению Его же (божественной) заповеди. Этому периоду эдемских событий и посвящена схема **B**, обобщённо

раскрывающая верхние символы схемы **А**.

Символ «Человек» представлен на схеме **Б** в виде двух квадратов – «Адам» и «Ева», объединённых общим контуром. «Динамические составляющие» схемы **Б** (воздействия, поступки) даны в виде стрелок: сплошных – «склонение к вкушению» и пунктирных – «информация о последствиях вкушения».

Подготовку к перемещению человека Бог начинает заблаговременно. Вначале Он выращивает в центре рая (на самом видном месте) соблазнительный плод (Быт. 2, 9), возбуждая в Адаме и Еве страстное желание вкусить от него.

Искушени
от Бога

Однако одновременно с этим Бог накладывает и строжайший запрет на вкушение, предупреждая людей о том, что смертельное последствие этого злодеяния не заставит себя долго ждать – не более одного дня (Быт. 2, 17). (Эдемский день есть обычный земной день: ведь солнце, «светило большее для управления днём» и «отделения света от тьмы», уже создано. В Быт. 3, 8 Господь ходит по раю «во время прохлады дня».) Расчёт тонкий: запретный плод настолько сладок, что божественное табу лишь разжигает желание в людях, и предупреждение о роковых последствиях «грехопадения» лишь ускоряет его. Но ведь именно это и необходимо Творцу на данном этапе эдемских событий! Ясно, что преступление человека через божественный закон и есть ничто иное, как *ключ к решению всех проблем*. Естественно, ключ этот Бог должен обрести любой ценой. Надеяться только на соблазнительную внешность плодов древа познания – слишком рискованно. К тому же человек может проявить излишнюю богобоязненность и в соответствии с божественным запретом *действительно* не вкусить от запретного плода! А это было бы «началом конца» всего «Плана». Поэтому Творец усиливает искушающее воздействие на человека, подключая к делу эдемского змея – «самого хитрого из всех зверей полевых». (О том, что такой вариант по библейским меркам вполне реален, свидетельствуют первые главы книги Иова. Там сатана, но уже не в образе змея, исполняет роль

«чиновного ангела» по особо важным поручениям Господа Бога. Кстати, некоторые особенности поведения змея-сатаны в Эдеме, в частности – некоторые подозрительные «просчёты в работе», менее всего характеризуют его как неприимимого врага Господа Бога.)

Бог ставит змею чрезвычайно сложную задачу: последний должен деликатно, ненавязчиво, *но совершенно неотвратимо* подвести человека к нарушению божественного запрета, что должно выглядеть, конечно, как *добровольное, независимое* решение самого человека. Иными словами, змей должен создать ситуацию выбора, совершенно необходимую для испытания воли человека. Контролировать и при необходимости корректировать эту ситуацию змей может только по согласованию с Творцом (пунктирные линии взаимной связи в левой части схемы **Б**). «Сатана – один из божьих слуг, и вред, который он приносит людям, является неотъемлемой частью Божественного замысла» [24], с. 430.

Задача, трудная сама по себе, осложняется ещё и тем, что змею предстоит подготовить к преодолению божественного запрета не одного, а сразу двух человек, связанных семейными узами (не следует в данном случае смешивать привычное для нас понятие «человек» с библейским, относящимся сугубо к Адаму в Быт. 2, 22–25).

Будучи неплохим психологом, змей не распыляет стараний и сосредоточивает их на Еве. Почему? Расчёт его прост до гениальности: если под влиянием «змеиных» доводов Ева

вкусит от запретного плода, то она как сильное в семье звено сумеет самостоятельно, без содействия змея склонить к этому поступку и «прилепившегося» мужа. Если же первым нарушителем божественной заповеди окажется безвольный и трусливый Адам (о чём свидетельствует его «мужественно-красивое» поведение на божественном суде в Быт. 3, 12), то вряд ли он сумеет убедить своевольную жену последовать его примеру, если она изначально не возжелает того. И тогда змею пришлось бы искать новые «формы работы» с семьёй Адама...

(Читатель! Вы способны представить себе, в каком щекотливом положении мог оказаться Творец, если бы Адам из-за богобоязненности или упрямства (обладай он этими качествами), грубо говоря, упёрся и «парное грехопадение» не состоялось? Один супруг в раю, другой – на проклятой земле... Один из них несёт в себе лишь врождённый образ Бога, другой – обрёл и подобие Его... Да и как вообще в *таких* условиях Адам мог бы (в соответствии с божественной заповедью в Быт. 2, 24) оставаться «прилепившимся к жене своей»?.. Нет, я лично не в состоянии вообразить себе масштаб катастрофических последствий ситуации, которая *вполне могла* сложиться в эдемском саду.)

Змей действует безукоризненно. Вначале он «нейтрализует» ситуацию, снимая с Евы страх смерти, нагнетаемый Творцом: «Нет, не умрете», – уверенно опровергает змей в Быт. 3, 4 божественное предупреждение о смертельном ис-

ходе вкушения от запретного плода, и уж затем он доверительно сообщает Еве главное: вкушение плода приведёт человека, уже имеющего *образ* Бога, к обретению знания добра и зла, т.е. *подобия* Богу. Вместе с тем змей столь же доверительно, но с каким-то зловещим оттенком, информирует Еву, что *об этом* знает Бог. (А если *знает*, то, надо думать, и *учитывает* должным образом это знание в Своих промыслах.) В форме туманного намёка змей, по сути, предупреждает Еву, что за обретение знания добра и зла ей придётся *чем-то* расплачиваться, но, чем именно, змей, естественно, сказать не имеет права.

Таким образом, Ева оказывается в весьма сложном положении: с одной стороны, «суммарное» искушение от Бога и от змея (по заданию Бога), с другой – запрет от Бога и предупреждение от змея. Наконец, она делает выбор: съедает запретный плод сама и предлагает это сделать своему мужу. Адам безропотно, без всяких вопросов и сомнений (как и рассчитывал змей), пренебрегая божественной заповедью, следует примеру жены. Таким образом, тщательно спланированное Богом «грехопадение» людей состоялось. Цель достигнута – Творец может поздравить себя с победой. Блестяще выполнив задание, змей представляет «падших» супругов на суд Господа Бога. Дальнейшее развитие событий разворачивается в соответствии с рассмотренной выше схемой А.

Триада задач, решаемых одним

божественным действием

Естественно, обобщённая (блочная) схема действий не в состоянии выразить *нечто глубинное*, скрываемое за внешними событиями. Чтобы как-то осмыслить это (понять Бога «всем разумением твоим»), приходится строить гипотезы – иного выхода нет. Конечно, это плод, взращённый сугубо индивидуальным размышлением над эдемскими событиями.

Итак, если исходить из того, что перемещение человека из Эдема на землю было действительно *плановым*, то почему тогда Творец превращает его в *изгнание*? Казалось бы, заповедовав человеку в Быт. 1, 28 главное предназначение его на земле, Бог должен был всесторонне подготовить этого человека в Эдеме и, благословив, проводить к месту эксперимента. Отнюдь нет!

Изгоняя человека из Эдема, Бог успешно решает одним действием сразу *три* задачи. (На схеме **A** эти проблемы не отражены. Оставаясь за рамками библейского текста, они читаются «между строк».)

О *первой* из них (и важнейшей) – перемещении человека на землю как операции, крайне необходимой Богу, – уже говорилось достаточно подробно.

Задача *вторая* – восстановить авторитет божественного слова, сознательно пожертвованный Господом во имя три-

умфа «Плана перемещения». В сложившейся ситуации Господь Бог может достигнуть этого только одним способом: сурово и, главное, «обоснованно» наказать человека. Так что изгнание из рая выглядит вполне заслуженной карой человеку за его святотатство. (Следует отметить, что на страницах Библии Господь Бог нередко использует «публичное» наказание как метод демонстрации Своей мощи. «И всякая плоть узнает, что я Господь» (Ис. 49, 26), – подобным рефреном Бог завершает почти каждое взыскание или угрозу неугождному человеку, роду и т.д.)

И наконец, задача *третья*, решаемая через изгнание Адама и Евы – возложить на их многочисленных потомков тяжёлое ярмо извечной и глубокой вины за «первородный грех» прародителей. Под тяжестью этого креста человек должен склониться перед Творцом, как раб – «раб божий», *не утрачивая*, однако, личной свободы воли. Правда, теперь уже в рамках новых нравственных ориентиров.

Такое сочетание противоположных начал накладывает особенности на условия проведения эксперимента: оно делает свободу воли человека *частично направляемой*, а эксперимент в целом – *безгранично управляемым* единолично Богом. Эдемские события показали, что и Адам, и Ева, различаясь личными волевыми качествами, одинаково равнодушны к присутствию Бога в их жизни. С оскорбительной для Создателя лёгкостью они игнорируют Его наставления и прямые запреты.

Поступок Евы, а тем более – Адама (послушавшего «голоса жены своей» вопреки «гласу Божьему»), хотя и спланирован, и инспирирован Самим Творцом, всё же глубоко задел Его. Более того, самоуправство прародителей не только нанесло рану божественному самолюбию, но вызвало сильное и вполне обоснованное беспокойство за дальнейшую судьбу эксперимента. И перед Богом снова возникает проблема совместимости двух противоречивых требований – проблема поиска решения, соответствующего им *обоим*.

Сложность задачи состоит в том, что, с одной стороны, Богу крайне необходимы источники информации с высоким «коэффициентом полезного действия» – самостоятельные, творчески мыслящие люди, участники эксперимента, не зависящие от влияния даже самых высоких авторитетов. Ведь именно эти личности способны в будущем сказать «новое слово» в различных сферах духовной и материальной деятельности Человека и тем самым пополнить информационную базу «божественного компьютера».

Но с другой стороны, магическое влияние *таких* личностей на людей, если его не ограничить, может привести к нежелательным для Бога последствиям (частичной или полной утере Им «законодательной инициативы»), которые *теперь уже* вполне предсказуемы. Образно говоря, если каждая земная Ева будет «по-эдемски» уходить сама и уводить своего Адама *от Бога*, то догадаться о последствиях подобных действий не составляет большого труда.

Следовательно, дарованная человеку свобода воли таит в себе как желанные, так и нежеланные для Бога последствия. Однако разделить эти «сросшиеся» её плоды и уничтожить плод нежеланный Богу не под силу: свет и тень неразделимы. Но Ему под силу, не ослабляя в целом интенсивности воли человека, наложить на неё узду для удержания его помыслов, речей и поступков в определённых рамках во имя интересов эксперимента. Иначе говоря, обратить человека – в меру управляемого «раба божьего», который должен чувствовать себя ещё и глубоко обязанным, и безмерно благодарным за божественные вожжи, направляющие его волю. А если благодарным Богу, то и принимающим Его в Свою жизнь, т.е. признающим заповеди Творца как внутренний для себя закон, а «вину» прародителей – как первопричину всех земных бед. Люди, сориентированные Богом на их собственную вину перед Ним, должны не только приводить себя к раскаянию или внутреннему самобичеванию, но главное – к осознанию того, что сущностью вины является сомнение в божественной правоте, невосприятие божественного слова, отторжение божественного присутствия в личной жизни, то есть *гордыня* – самый тяжкий грех в христианстве.

Возвращаясь к сцене грехопадения прародителей, следует отметить тот факт, что *Творца в ней нет*. Почему? Этого не знает никто, поэтому снова строим гипотезы. Вот некоторые из них:

– Господь Бог, не будучи всеведущим, просто не знал ни

о созревании в душе и голове Евы готовности вкусить от запретного плода, ни о свершившемся факте. В пользу такого допущения говорит и спокойное хождение (постфактум!) Бога в раю «во время прохлады дня», и характер «воззваний» к Адаму: «Где ты?», «Кто тебе сказал, что ты наг?» И только уж после сбивчивых ответов Адама у Творца возникает сильное подозрение в нарушении людьми Его запрета;

– Господь Бог, информируемый змеем, знает *всё* и на *всех* этапах подготовки и реализации заговора. Тем не менее Он не вмешивается в процесс, дабы не препятствовать свершению «семейного» грехопадения, столь необходимого Ему для продолжения эксперимента с человеком;

– Господь Бог несколько переоценил и значимость Своих заповедей для Адама и Евы, и богобоязненность последних, что привело к потере божественной бдительности, ослаблению надзора за поведением неопытных людей.

Как бы то ни было, но Господь Бог фактически попустительствует свершению греха человеком, Он не ограничивает свободы воли Евы (эксперимент, в том числе и с человеком, должен быть чистым). Однако Он почему-то жестоко наказывает Еву за... пользование этой свободой. Странно, не так ли? Не совсем так: Богу противен *не* свершившийся грех сам по себе (его содержание, суть или последствия), а *преступление* человеком божественного *запрета* на свершение греха!

Гнев божий, вспышку божественного самолюбия вызыва-

ет *вхождение* человека в зону личной свободы воли, оговоренную специальным запретом Творца (то есть некое Исключение из Правил). Иными словами, – неподчинение воли человека божественной воле. Вот, *что* так глубоко оскорбляет самолюбие Господа Бога и *за что* несут тяжелейшее наказание (но не божественное проклятие!) наши прародители. «За то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе», – раскрывает Адаму причину (не повод!) столь сурового наказания Сам Господь Бог в Быт. 3, 17–19.

События у древа познания убедили Создателя в том, что свобода воли будущего «раба божьего» не должна выходить за пределы его богобоязненности и жёстко контролироваться ею же. «Начало мудрости – страх Господень», – вещает мудрый Соломон в Притч. 1, 7. (Казалось бы, находясь в таких моральных рамках, человек вообще не должен противиться божественной воле – ни в чём и никогда. Однако даже в практике прямых взаимоотношений Господа Бога со своим избранным народом, как следует из Библии, самоконтроль последнего «срабатывал» не всегда.)

Создавая «институт рабства» для человека, Бог, видимо, не подозревал о другой крайности человеческой психологии, о том, что «раб божий» способен выдвинуться далеко за рамки *пассивной* богобоязненности. А именно – исполнять роль *активного* защитника Бога от... человека. Творец явно недооценил Своё творение!

Одна из особенностей рабской психологии состоит в том, что «верный раб» способен уничтожить «неверного раба» (определения взяты из библейских текстов – например, Мф. 24, 45–51), если последний станет уклоняться от исполнения обязательных для всех «норм рабства», выработанных самими же рабами. Например, догматов и обрядов в религии, обязательных для всех, исповедующих её. Стоит ли говорить о глубокой ненависти «обрядоверцев» к истинно верующим людям?! (Ужасающие по своей жестокости и масштабам гонения на еретиков, суды инквизиции и т.д. до повседневно-бытовой неприязни включительно – следствия всё той же рабской психологии.)

Но вершиной «теоретически обоснованной» защиты Бога от нападок «рабов неверных» является *теодицея* (буквально – богооправдание). Это, в сущности, попытка искусственно расчленив добро и зло, представив Бога как абсолютное добро («Бог есть свет, и нет в нём никакой тьмы» (1 Ин. 1, 5)), а человека, в силу его греховности, как источник всех зол («и увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления их были зло во всякое время» (Быт. 6, 5)).

Таким образом, соединение свободы воли и «раба божьего» в одном человеке подводит последнего к исполнению (в отношении Бога) *трёх* функций, каждая из которых является, по существу, одной из трёх форм Любви человека к своему Творцу: сотворчество; пассивная богобоязненность;

активная защита. Это вполне соответствует главной заповеди (Мк. 12, 30): возлюбить Бога разумением, душой, крепостью. Естественно, все три формы Любви к Богу присущи каждому конкретному человеку в различной степени: всё зависит от его мировоззренческой позиции, т.е. структуры шкалы жизненных ценностей.

*Свобода воли – зона, недоступная Творцу,
но открытая человеку*

Возложение на человека вины в собственном «грехопадении» – мера глобальная: она является божественной уздой для насильственного ограничения свободы воли всех и каждого. Однако это не может снизить *активности* (силы) воли, которая получена человеком от Бога вместе с «дыханием жизни». Свобода воли есть та ограниченная Богом зона в жизни человека, которая Богу же и недоступна, но зато вполне доступна человеку. Господь Бог знает об этом и в случае необходимости умело использует психологическое влияние одного человека на другого (примеров тому в Библии вполне достаточно). Впервые Своё воздействие на человека посредством человека Бог демонстрирует в Эдеме.

Как уже говорилось, в подготовке «парного грехопадения» Адам мог стать камнем преткновения для Творца. Ведь получив запрет на вкушение *непосредственно* от Бога и бу-

дучи «иерархически первичным», Адам был обязан не только воздержаться сам от вкушения запретного плода, но и любым способом удержать от этого «иерархически вторичную» Еву. Естественно, такое поведение Адама привело бы к неминуемому срыву божественного «Плана», чего Бог, конечно, допустить не мог. Поэтому, создав Еву, Творец сразу же «прилепил» (библейское выражение) к ней Адама, образовав тем самым «единую плоть» (Быт. 2, 24). «Прикладной смысл» этого акта достаточно прозрачен: всё, способное к чему-то «прилепиться», только дополняет это *нечто* до единого целого, но не влияет на него решающим образом. (И вправду, в сцене у дерева познания Адам смотрится «вторичным», причём настолько, что кажется, будто *он*, вопреки Быт. 2, 22, создан *из ребра Евы*.) Прародители наши, не ведая того, исполняют божественный заказ на... «изготовление семьи» как союза подкаблучного мужа и верховоющей жены (да простит мне читатель эти небиблейские, но вполне исчерпывающие определения).

«Единая плоть», промысленная Богом, управляется волей Евы, парализовавшей целиком и полностью волю Адама. Последний, не задавая Еве никаких вопросов, с молчаливой покорностью принимает запретный плод из рук жены, полученной им несколько ранее из рук Творца (Быт. 3, 12). Честно говоря, создаётся впечатление, что плод дерева познания Адаму передает *Бог* руками Евы. Что ж, такое кошунственное, на первый взгляд, предположение, по-моему,

не лишено оснований: ведь именно через Еву Адам обретает знание добра и зла, т.е. *богоподобие* (до этого он носил в себе только образ Бога). Благодаря жене библейский муж становится «как боги». Иными словами, человека Человеком сделала Женщина. (Немного фантазии: возможно, когда-нибудь духовно прозревшее человечество увековечит в золоте память о «матери всех живущих», воздвигнув ей монумент в районе предполагаемого библейского рая – между речье Тигра и Евфрата. Как я лично вижу этот грандиозный памятник? На высоком цоколе величественно возвышается обнажённая фигура «взятой от мужа» Евы. Руки её, устремлённые ввысь, держат символ эдемского сада – плод дерева познания. К ногам Евы «прилепилась», демонстрируя «двое как одна плоть», скромная фигура Адама – второго нарушителя первого божественного запрета.)

Возвращаясь к теме «управляемой воли», следует иметь в виду, что понятие «управлять силой», в том числе и силой воли, означает не только направлять её к определённой цели, но и при необходимости уменьшать или наращивать её напряжение (уровень силы).

Ориентировать волю отдельного человека на интересы эксперимента Бог способен и Сам непосредственно. Но подавлять её или укреплять во имя тех же интересов Он может *только*, подключив к ней волю другой личности. Таким образом, любой человек находится в «средокрестии» двух воздействий: «по вертикали» (Бог – человек) и «по гори-

зонтали» (человек – человек). Последнее – также от Бога, но – через волю личности, встреча с которой промыслена Творцом. В целом это комплексное воздействие должно восприниматься человеком как судьба. Точнее – как индивидуальная программа жизни, определяемая Творцом каждому участнику эксперимента. В этой программе Бог предназначает человеку только *цели* его жизнедеятельности (воздействие «по вертикали»). Варианты же их достижения человек должен вырабатывать сам в пределах личной свободы воли, корректируемой волей другого человека или коллектива (воздействие «по горизонтали»), причастных к данной проблеме. Так гармонично Бог соединяет в человеке предопределение и свободу воли.

Апофеоз божественного промысла

По окончании гигантской работы в течение шести дней творения Бог испытывает острую нужду в отдыхе, восстановлении, казалось бы, неистощимых энергетических ресурсов. В седьмой день Бог «почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал» (Быт. 2, 2). Но, отдохнув в течение седьмого дня, Бог со свежими силами приступает к следующему этапу Своей творческой деятельности. Центральной идеей момента является преобразование *синкретически единого* мира в *гармоническое триединство* миров. (Поскольку к этой цели устремлены все промыслы и деяния Творца, по-

стольку Он действует по принципу «цель оправдывает средства».)

Результатом реализации этой глобальной идеи является образование трёх миров (Бога, человека, природы), каждый из которых троичен в свою очередь. Так, в человеке троичен, как уже говорилось, не только *врождённый образ* Бога, но троично и *благоприобретённое подобие* Его, заключающееся в знании добра и зла. И не только потому, что это знание подразумевает присутствие третьего фактора – «граничной линии», разделяющей эти антиподы. Но ещё и потому, что оно имеет три степени достоинства, которые сформулировал человек глубоких энциклопедических познаний – русский писатель Д.С. Мережковский: «Первое знание, данное человеку: «я», бытие внутреннего мира, личности – психология, в самом широком смысле; второе знание: «не я», бытие внешнего мира – космология; третье: конец «я» и «не я» – эсхатология. Все эти знания одинаково точны, но не одинаково легки...» [23], с. 24. Итак – познание себя; познание того, что «вокруг нас» (в широком смысле слова); познание того, что за пределами «вокруг нас». Сферой интересов эсхатологии (с греческого – «последнее слово») как учения о конечных судьбах мира и человечества являются скрытые силы, действующие в природе, борьба доброго и злого начал и т.д.

Адам и Ева, вкусив от запретного плода, получили (по Мережковскому) только первое знание. По крайней мере их самопознание началось с того, что «открылись глаза у них

обоих, и узнали они, что наги» (Быт. 3, 7). Таким образом, первым объектом в познании человеком своего «я» выступает его собственное тело.

Второе знание (о внешнем мире) человек должен добывать в процессе длительного божественного эксперимента на земле.

Третье знание, по видимому, сокрыто в словах «запечатанной до последнего времени» книги пророка Даниила (Дан. 12, 4, 9). Прочитавшие эту книгу и тем самым «умножившие ведение» люди, значительно продвинулись на пути духовной эволюции. Например, апостол Иоанн Богослов, автор новозаветного Откровения.

Грандиозная проблема разделения мира на три сферы обитания естественным образом превращается в комплекс отдельных, но взаимосвязанных задач. Решение Богом каждой из них сопряжено с определёнными трудностями. Судя по первым трём главам Бытия, наибольшие трудности Бог испытывал при подготовке людей к переселению на землю – экспериментальную площадку Творца. Эту многосложную задачу Бог сводит в «План перемещения», который должна реализовать *триада* сил: Бог – змей – человек.

Каждый из участников, исполняя «закреплённую» за ним часть общего «Плана», сталкивается с *троичной* ситуацией – ситуацией выбора из двух возможностей или поиска решения, одновременно удовлетворяющего обоим противоречивым требованиям. «Платон говорил, что двойка – это циф-

ра без значения, поскольку подразумевает отношение, которое вводит *третий* (курсив мой. – Г.М.) фактор» [3], с. 28. Так вот, каждый из членов триады и является тем «третьим фактором», который «подставляет» себя под воздействие двух противоборствующих установок. Каждый из них есть «третейский судья», принимающий окончательное решение и тем самым снимающий напряжённость части общей проблемы. «Тройка означает также исполнение и часто воспринимается как знак удачи: возможно, потому, что знаменует выход из противостояния – решающее действие, которое может, однако, привести и к неудаче» [3], с. 29. Но в эдемской истории все её участники более чем удачно исполняют свои функции.

В сцене у древа познания наглядно проявилась связь троичности структуры с троичностью задачи, решаемой этой структурой. Например, противостоящие планы (физический и духовный) личностной триады Евы подвержены противоречивым по характеру внешним воздействиям. На высший, духовный план воздействует соблазнительная перспектива обретения знания добра и зла (древо «вожделенно потому, что дает знание»). На низший, животный план (инстинкт самосохранения) воздействует страх перед неизбежным возмездием Творца за *это обретение* (зловещее «но знает Бог, что...»). Решение Евы, реализованное в поступке, – первый в истории человечества (библейской – по крайней мере) пример торжества человеческого духа над плотью.

Развитие эдемских событий демонстрирует *динамику* сложной, трижды троичной структуры, её разноплановое движение. Но движение – не хаотичное, а целеустремленное, режиссируемое Творцом: взаимоотношения триад – участников событий строго регламентируются рамками поставленных задач.

Завершая раздел, следует подвести некоторые итоги:

– человек *при сотворении* получил от Бога «образ»: троичную структуру и *возможность* обретения «подобия» – свободу воли в пределах, ограниченных Богом;

– человек *обретает* «подобие» только в результате целенаправленной реализации свободы воли – овладения знаниями добра и зла. Соединение этих знаний со свободой воли, их породившей, образует третий (и главный!) признак богоподобия – способность к творческой деятельности;

– человек становится сотрудником Творца, а точнее – Его *сотворцом*.

«План перемещения человека на землю» продуман и реализован в целом на уровне, действительно достойном Творца, а история добротного спроектированного «грехопадения» являет собой *апофеоз божественного промысла!*

Земляне – объекты божественного эксперимента

Реализовав «План перемещения», Бог не разорвал отношений с греховным человеком, но изменил их содержание

и форму в соответствии с целью и задачами Своего эксперимента, проводимого теперь уже в новых, земных условиях. Объектом этого грандиозного божественного опыта становятся не только наши изгнанные прародители, но и человек, «рожденный женою», т.е. потомство Адама и Евы.

Уже к исходу пребывания в раю человек обретает высшее богатство: свободу воли и критерии знаний добра и зла, т.е. богоподобие. Но как он распорядится этим капиталом? В какие ценности вложит его? Сие неведомо даже Самому Господу Богу, в связи с чем Он и проводит столь грандиозный эксперимент с человеком.

Земная фаза божественного эксперимента, сменившая фазу эдемскую, состоит из трёх этапов, соответствующих трём библейским периодам.

Первый этап охватывает период, предшествующий формированию Богом народа Израиля.

Второй этап – история избранного народа в земле обетованной и вне её пределов – практически обнимает «время действия» всего Ветхого Завета.

Третий этап берёт начало во времена земной жизни Христа и длится по сей день.

Каждый последующий этап божественного эксперимента характеризуется расширением его масштабов и возрастанием количества участников (разумеется, не только этим). Так, на первом этапе объектом божественного эксперимента является отдельно взятый *человек* или семья (например, выхо-

дец из рая – Адам или первый «истинный землянин» – Каин, семья Ноя и т.д.). На втором этапе таким объектом становится уже отдельно взятый *народ* – Израиль (остальным же библейским народам отводится вспомогательная роль: они призваны создавать контрольные ситуации для Израиля). Третий же, новозаветный этап являет собой всеобъемлющий эксперимент Бога с *человечеством*, всемирным народом, ибо уже «нет ни Еллина, ни Иудея, ни... варвара, Скифа...» (Кол. 3, 11) и «пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних» (Фил. 2, 10).

В соответствии с божественным промыслом на каждом из этапов отрабатывается вполне определённая программа, идейная суть которой излагается в форме *завета* с человеком (Ноев, Авраамов и другие заветы).

Программы первого и второго этапов эксперимента, процесс реализации этих программ и конечный результат божественной работы – всё это подробно описано в соответствующих книгах Ветхого Завета: Пятикнижии, Иисуса Навина, Судей, Царств и др.

Целью первого этапа эксперимента следует считать получение Творцом «первичной» информации относительно того, *как* поведёт себя человек в условиях длительной независимости от Бога. Поскольку любой эксперимент должен быть чистым, Творец применяет в данном случае метод пассивно-

го наблюдения за поведением человека, невмешательства в дела людские.

Итоги первого этапа свидетельствуют о том, что в человеке изначально, «от юности его» превалирует животное начало – инстинкты, позывы плоти, в силу чего душевный план поработается планом физическим, становясь придатком последнего. Это заземление души происходит совершенно беспрепятственно со стороны атрофированного духовного плана. Человеческая триада утрачивает, таким образом, троичную структуру и превращается в мощный биологический монолит; плотские наслаждения становятся единственным стимулом бытия. Удалённость Творца от человека (созерцательная фаза эксперимента) приводит к тому, что стало «велико развращение человеков на земле» (Быт. 6, 5). Знание основ добра и зла, полученное в Эдеме, само по себе не смогло гарантировать того, чтобы человек *автоматически* творил первое и воздерживался от второго. Земля наполнилась злодеяниями до такой степени, что бороться с ними, не уничтожив их носителей, не под силу даже Богу, и Он истребляет всё живущее потопом (Быт. 6). Однако результаты наблюдения и за «обновлённым», послепотопным человечеством, произведённым от старого, допотопного корня, оказались столь же неутешительными.

Итак, человек, изолированный от Бога, неспособен самостоятельно сформировать гармоничную шкалу жизненных ценностей, ибо ему неведомы факторы, управляющие свобо-

дой воли: развёрнутые нравственные ориентиры и *границы ненаказуемости* – в мыслях, словах, поступках.

Это убеждает Творца в необходимости изменить стратегию и тактику Своего эксперимента. Теперь его объектом будет отдельный народ.

Для этой цели Бог не берёт ни одного из народов, рассеянных Им по всей земле после истории с вавилонской башней, а *создаёт новый* народ в форме союза двенадцати колен (племён) израилевых. «Отныне же, читая Святое Писание, следует думать о широком потоке человечества, из которого Бог, призвав Авраама и создав израильский народ, вывел ручеёк, посредством которого будет очищен со временем и весь необъятный поток человечества», – такова стратегическая цель второго этапа божественного эксперимента, по Ч.И. Скоуфилду [33], с. 28.

Новая цель требует от Творца, соответственно, и новых методов её достижения: теперь они по форме и содержанию диаметрально противоположны предыдущим. Так, самоустранение Творца от человеческого бытия на первом этапе сменяется жёстким божественным диктатом на втором; единственный и к тому же слишком обтекаемый нравственный ориентир – «господствовать над влекущим к себе грехом» (Быт. 4, 7) – уступает место Закону (Учению) – системе многочисленных божественных (а следовательно, свя-

ценных и обязательных для человека) установлений, жёстко и мелочно регламентирующих все стороны человеческой жизни. Закон не только диктует правила поведения человека в той или иной ситуации, но и определяет наказание (смерть – не исключение) за их нарушение. Если на предыдущем этапе эксперимента шкала жизненных ценностей человека представляла собой плод (хотя и очень недоброкачественный) его личной воли, то на данном этапе это плод воли Бога, навязанный человеку; это противовес свободной воле человека, уничтожить которую как неотъемлемую часть Своего образа Творец не может и поэтому пытается заблокировать её в рамках жёсткого поведенческого комплекса (стараниями Моисея и левитов).

Предписания Закона прежде всего поработают духовный план человеческой триады: вытесняют из него индивидуальные нравственные идеалы и насаждают глобальную идею избранничества на беззаветное служение Богу, т.е. ортодоксальное следование всем Его установлениям. Сохранение верности культу Яхве – главное из них.

Душевный план воспринимает эту идею не «всею душою своею», а всем своим душевным страхом и перед святостью заповедей, и в большей степени – перед неотвратимостью наказания Свыше за их нарушение.

Естественно, преданность Закону Бог поддерживает в народе не только угрозами, но и стимулами. Однако эти стимулы, призванные вызвать всенародную любовь к Богу, обра-

щены исключительно к нижнему, физическому плану человеческой триады. Абсолютно безнравственные по своей сути, они поощряют низменные, животные инстинкты и желания (Втор. 6, 10) и тем самым предельно ожесточают сердце человека (Втор. 7, 16).

Таким образом, душевный план сына израилева подвержен и устрашающему воздействию «сверху», и растлевающему воздействию «снизу». В результате этого триада в целом деформируется до такой степени, что Сам Творец порывается уничтожить бездушный, «жестоковыйный» народ и произвести новый народ от образцового родоначальника – Моисея (Исх. 32, 10). Таким образом, Творцу не удаётся сформировать из отдельных племён посредством жёсткого Закона единый слаженный организм, ибо отсутствует необходимый для этого нравственный «позвоночный столб» – центральная идея, сплачивающая людей. Поэтому называть *народом* то, что получил Творец, можно лишь условно.

Фактором, объединяющим людей, могла бы стать всенародная *вера* в единого Бога-Законодателя, но, к сожалению, Ему нужны лишь всенародный страх и безропотное исполнение Закона: «Господа, Бога твоего, бойся, и Ему одному служи» (Втор. 6, 13). Это порождает только формальную трусливую *религиозность* – суррогат живой веры.

Бог не уничтожает полностью Свой народ, но в дальнейшем сокращает его, доведя количество участников эксперимента до минимума, вернувшегося из вавилонского плена.

Этот остаток экспериментального народа, жестоко подавляемый на своей исторической родине божественным «институтом силовых структур» (корыстолюбивыми жрецами, лицемерными фарисеями, бездушными учителями Закона), спасают от окончательного духовного вымирания *Высшие* силы, чем и предотвращают иссыхание того «ручейка», о котором говорит Ч.И. Скоуфилд.

Итак, первоначальный замысел Творца сформировать опричный народ, на который Он мог бы положиться при эскалации Своего культа среди народов, живущих «под заветами Адама и Ноя», не воплотился. Корректирующее воздействие Высших сил на ход эксперимента воспрепятствовало реализации эгоцентрического замысла Творца, который вынужден был сократить количество избранного народа до пределов избранного остатка. Этому сохранённому остатку суждено исполнить *особую миссию* на третьем этапе божественного эксперимента – дать миру первых интернациональных учителей Евангелия: «идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16, 15).

Несмотря на принципиальное различие целей и методик эксперимента на первом и втором его этапах, нравственные портреты людей, сформировавшихся на каждом из них, имеют общую определяющую характеристику – *бездушные*. В первом случае – это бездушные эгоисты, во втором – бездушные

формалисты, но и те, и другие – одинаково *бездуховны*. У первых духовный план – чистый лист; у вторых – наоборот: хранилище, забитое до отказа устрашающей информацией.

Утрата человеческого облика, образа и подобия Божьего, видимо, в большей степени угрожает народу, прошедшему под эгидой Творца все стадии «совершенствования» духа и души. Христос, говоря о Своей миссии, подчёркивает, что Он «послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 15, 24), хотя в спасительной миссии Христа очень нуждаются и другие народы: «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести» (Ин. 10, 16).

Приход Христа – Доброго Пастыря к этому деградирующему стаду людскому для его же спасения от духовной смерти знаменует начало третьего этапа божественного эксперимента, охватившего в конечном счёте *всё* человечество («идите, научите все народы, уча их соблюдать все, что Я повелел вам») и длящегося по *сей* день («и се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28, 19–20)).

Первоначальному явлению Христа именно иудеям способствовал и достаточно высокий уровень их готовности к приходу Сына Божьего (и мессианские настроения в среде народа, и исповедование культа Единого Бога, и др.). Немалую роль сыграл и тот факт, что народ был угнетаем не только «законными» заповедями, исходящими от Творца, но и в большей степени заповедями незаконными, исходящими

от Его «верных слуг» – законников («Несмотря на запрещение в Втор. 4, 2, к заповедям Господним таким путём прибавилось множество заповедей и постановлений. Эти добавочные, которых законники насчитывали до 613, постепенно сделались главными и стали важнее слов закона Моисеева» [35], с. 213). Тем самым бездушный Закон со всеми «изменениями и дополнениями» превращается для народа в тот негативный фон, на котором высокая нравственность учения Христа плюс практика Его прилюдных «чудес» человеколюбивого характера выглядят особенно убедительными.

Это позволяет Христу утверждать приоритет Своих заповедей над установлениями ветхозаветного нравственного Закона «простейшим», но категоричным противопоставлением: «А Я говорю вам...» Так, обращаясь к слушателям Нагорной проповеди, Христос говорит: «Вы слышали, что сказано древним: «не убивай; кто же убьёт, подлежит суду». А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Мф. 5, 21–22).

Уверовавшим в Него иудеям Христос говорит: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32); т.е. важнейшим условием эволюции души – освобождения её от рабства греха (Ин. 8, 34) – Христос считает возвышение и обогащение духовного плана человеческой триады – познание истины.

«Я есмь путь и истина и жизнь», – утверждает Христос (Ин. 14, 6). Это значит, что и сама истина, и пути её постиже-

ния, и, наконец, смысл жизни – всё во Христе, в Его Учении о Царстве Божьем, в Его заповедях. Однако принять или не принять *всё это* как индивидуальную жизненную программу человек решает сам на основании личных убеждений в справедливости тезиса, провозглашённого Христом.

Проповедуя человеку нравственные ориентиры, Христос, в отличие от ветхозаветного Бога Яхве, не подавляет его свободы воли угрожающими предупреждениями, не ущемляет права выбора пути. «Божественный принцип – постоянное умаление, как бы сокращение Божественной силы перед лицом твари, чтобы дать ей свободу проявления, свободу сомоосуществления. И человек приходит в мир, в котором ему надо бороться – бороться с искушениями и с окружающей природой, в которой царит зло» [27], с. 127–128.

Он лишь расставляет приоритеты по степени значимости их для человека, даёт *принцип* формирования гармоничной шкалы жизненных ценностей: «Дух животворит, плоть не пользует ни мало; слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (Ин. 6, 63). Заповеди Христовы по существу являются иллюстрациями этого принципа. (Например, в Ин. 6, 27 – «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий».)

Необходимым условием духовно-нравственной эволюции человека является его добровольная вера в Иисуса Христа, ибо только «верующий в меня имеет жизнь вечную» (Ин. 6, 47), без чего длительная эволюция личности, проживающей

не одно воплощение, просто невозможна.

Только через веру человеку даруется *благодать* – «божья сила, обитаемая в человеке и действующая в нём настолько могущественно, что в состоянии сделать несравненно больше, чем можем мы сами желать; ею совершается весь земной подвиг человека» [20], с. 338. Без содействия благодати нравственное совершенство человека состояться не может, но и без деятельного участия в этом *самого человека* – тоже (Мф. 7, 12–13).

Сошествие Бога к человеку, воплощение Сына Божьего в Сына Человеческого есть доминирующая идея нынешнего этапа эксперимента, проводимого Творцом, но в отличие от предыдущих этапов – *под эгидой Высших Сил* («дана Мне всякая власть на небе и на земле», – говорит Христос перед Своим вознесением в Мф. 28, 18).

Индивидуальную жизненную программу Свыше имеет каждый человек, хотя и не всегда осознает это. Вспомним Быт. 6, 12: «всякая плоть извратила путь свой (т.е. индивидуальный. – М.Г.) на земле». Это задание – комплекс жизненных ситуаций, через которые суждено пройти человеку на земле, определяет нам *Творец материального мира*, ибо физически, видимым образом мы проживем в сём мире.

Однако не только справиться с программой эволюции сроком в человеческую жизнь, но даже уберечь себя от сползания к животному уровню человек *без содействия Сил* «не от мира сего» (Ин. 18, 36) не может. «Евангелие, Сила Ду-

ха Божия, встреча с Христом дают нам возможность идти вверх всегда – до такой степени, что как бы мы ни ползли, как бы мы ни спотыкались, какие бы мы ни делали зигзаги, как бы ни пятились назад, – всё равно мы приобретаем... И поэтому эта встреча для нас есть стимул движения, призыв вверх» [27], с. 8–9.

На третьем этапе рядом с каждым человеком всегда стоит Учитель, не видимый глазом, не слышимый ухом: «Утешитель же Дух Святой, которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам... Да не смущается сердце ваше и да не устрашается» (Ин. 14, 26–27), – говорит Христос от имени Высших Сил – *Божественной Троицы*, ибо Он соединяет мир Божественный с миром страдающего человечества и указывает последнему путь из этого страдания: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» (Мф. 5, 48), т.е. путь духовной эволюции.

Но поскольку человек в большинстве своём обладает мощным животным планом, и заземлённой душой, обслуживающей этот план, и крайне низким уровнем духовности, постольку ему будет архитрудно претерпевать (даже при божественной поддержке) тернии эволюции. Но другого пути спасения нет, и Христос предупреждает, что только «претерпевший до конца спасется» (Мф. 10, 22). От чего? От плена самости, *от самого себя!*

С целью выявления этих праведников, победивших в себе «зло от юности» и вознёсшихся духом, и промыслен этот

этап божественного эксперимента. А дальше что? «Победивший наследует все» (Откр. 21, 7), а значит, и право на следующий виток эволюции. «Таким образом, мировую эволюцию, если мы назовём это так, Бог всё время стимулирует, и особенным образом стимулирует при создании духовного существа – человека» [27], с. 127.

Суть божественного замысла – «преображение мира, Царство Божие. А мы должны только его предвосхитить, предчувствовать» [27], с. 18. Иными словами, преобразование мира должно осуществляться в *сотворчестве* Бога и человека, но начинаться – с преобразования самого человека, коренной перестройки его ШКАЛЫ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ, о чем и пойдет речь в следующей книге.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зернова Е.* Будущему художнику об искусстве живописи. М., 1976.
2. *Тухолка С.* Магия и оккультизм. М., МЦ «Форум», 1990, ч. 1.
3. Полная энциклопедия символов (Сост. В. Рошаль). М., 2003.
4. *Ожегов С.* Словарь русского языка. М., 1987.
5. *Кураев А.* Оккультизм в православии. М., 2009.
6. Словарь по этике (Под редакцией А. Гусейнова и И. Кона). М., 1989.

7. Библейская энциклопедия (Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия. Труд и издание Архимандрита Никифора). М., типография А.И. Снегиревой, 1891. (Имеется современное репринтное переиздание: Свято-Троице-Сергиева Лавра, 1990).
8. Настольная книга атеиста. М., 1987.
9. *Аринин В.* Неразгаданные тайны Пушкина. М., 1999.
10. О православной иконе. М., об-во «Радонеж», 1990.
11. *Гейченко С.* У лукоморья. Л., 1973.
12. *Верещагин В.* Повести. Очерки. Воспоминания. М., 1990.
13. *Лебедев А., Солодовников А. В.В.* Верещагин. М., 1988.
14. *Тарасов Л.* Музыка в семье муз. Л., 1985.
15. *Эррио Э.* Жизнь Бетховена. М., 1968.
16. *Калинина Н.* Рахманинов. М., 1989.
17. *Беляев А. и др.* Эстетика. М., 1989.
18. *Шабалин С.* Измерения для всех. М., 1992.
19. *Уотс А.* Путь Дзэна (Самиздат).
20. Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб. Издательство П.П. Сойкина. (Имеется современное репринтное переиздание: Концерн «Возрождение», 1992).
21. Настольная книга служителя. М., издание Церкви христиан-адвентистов седьмого дня, 1989.
22. *Фейербах Л.* Избранные философские произведения. М., 1955, т. 2.

23. *Мережковский Д.* Атлантида – Европа. М., 1992.
24. Энциклопедия мистических терминов (Сост. С. Васильев). М., 2001.
25. *Фрэзер Д.Д.* Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985.
26. Учение. Пятикнижие Моисеево (Перевод, введение и комментарии И. Шифмана). М., 1993.
27. *Мень А.* О Христе и Церкви. М., 2002.
28. *Таксиль Л.* Забавная Библия. М., 1961.
29. Мифологический словарь (Под редакцией Е. Мелетинского). М., 1991.
30. *Блаватская Е.* Тайная доктрина. СПб., 1991, т. 2, ч. 1.
31. *Бауэр В., Дюмотц И., Головин С.* Энциклопедия символов. М., 2000.
32. *Гече Г.* Библейские истории. М., 1989.
33. Библия (Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета канонические в русском переводе с объяснительным вступлением к каждой книге Библии и примечаниями Ч.И. Скоуфилда с английского издания 1909 года). Чикаго, 1990.
34. *Ранович А.* Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990.
35. Библейский энциклопедический словарь (Сост. Э. Нюстрем). Торонто, Мировая Христианская миссия, 1989.
36. *Мень А.* Быть христианином. М., 1994.